

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО

УНИВЕРСИТЕТА имени

В. И. ВЕРНАДСКОГО.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4 (70). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций.

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»**

**Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ
ВО «КФУ им. В.И. Вернадского, протокол № 2 от 7 июня 2018 г.**

**Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Александрова И. В. – д. филол. н., проф.	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
Короченский А. П. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маслова В. А. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

**«Ученые записки Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского. Филологические науки»** включен в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам
специальностей: 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание.

Подписано в печать 08.06.2018. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 22,6. Бесплатно.

Дата выхода в свет 17.09.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2018 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 070

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС РАДИОАУДИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Ларина А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Институт медиатехнологий, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: anna-vinnichyk@mail.ru

В статье представлены результаты социологического исследования отношения слушателей к радиостанциям, вещающим в Санкт-Петербурге; выявлены лидеры радиорынка и предпочтения радиослушателей Санкт-Петербурга по тематике радиопередач; обозначены информационные и музыкальные интересы аудитории, показана удовлетворенность наполнением радиостанций и частота обращения к радио как к средству информирования и развлечения, обозначены проблемы в сфере музыкального радиовещания, которые аудитория считает первостепенными. Оценена работа радиостанций по таким признакам, как музыкальное наполнение, качество новостной и аналитической информации, работа радиоведущих в эфире и влияние контента на настроение слушателей. Полученные данные позволяют составить портрет радиослушателя современного мегаполиса. Результаты публикации следует учитывать при анализе современных принципов медиарынка, конкурентной борьбы радиостанций за слушателя и рекламодателя.

Ключевые слова: рынок СМИ, радиовещание в Санкт-Петербурге, социологический опрос радиослушателей, музыкальные радиостанции.

ВВЕДЕНИЕ

Возникновению и становлению современного российского радиовещания способствовали политические, экономические и социальные преобразования в стране. В сфере СМИ, в том числе и радио, возникло многообразие форм собственности (государственной, полугосударственной и частной), появились новые направления и форматы вещания и радиожурналистики, стали внедряться новейшие технологии, связанные со вступлением России в массовое информационное общество.

В процессе развития бесцензурного радио аудитория приобрела некий активный заряд, который повлиял на четкое понимание производителей радиоконтента, что с аудиторией не только необходимо считаться, но и конкретно

учитывать и удовлетворять ее информационные предпочтения и потребности. Можно выделить две главные линии работы современной радиостанции: функциональную – определяемую вещателями и базирующуюся на представлениях об аудитории, и непосредственно аудиторную, идущую от интересов, ожиданий и запросов слушателей, которым предназначены передачи в эфире [1, с. 153–156]. Аудитория радиостанций получила возможность воздействовать на специфику и характер вещания, что стало новым явлением свободного радиовещания. Для более стабильного функционирования учредителям и редакционному коллективу следует постоянно проводить мониторинг слушательских предпочтений, чтобы своевременно учитывать интересы, корректировать в связи с полученными и проанализированными данными свою работу по производству эфирного контента.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Сегодня в г. Санкт-Петербурге радиорынок включает более 30 радиостанций, значительная часть которых относится к музыкально-информационным и музыкальным. Большинство радиостанций коммерческие, вещают в FM диапазоне и в сети Интернет. «В обширной и непрерывно – как вселенная – расширяющейся системе современной аудиториметрии образ реципиента множится согласно каналам трансляции» [1, с. 154]. Для выявления интересов и потребностей радиослушателей нами был проведен анкетный опрос жителей г. Санкт-Петербурга в виде индивидуального анкетирования с вручением анкеты респонденту, предоставлением ему определенного времени для заполнения анкетного бланка и контрольным просмотром полученных данных. На вопросы анкеты отвечали 1500 респондентов (всего первоначально респондентов было 1580; 80 из них, или 5%, сообщили, что не слушают радиостанции, вещающие в городе). Количество опрошенных составляет общий объем репрезентативной выборки для г. Санкт-Петербурга.

Информация о респондентах

Пол	Чел.	Возраст	Чел.	Социальный статус	Чел.
муж	807	до 25 лет	180	руководители высшего и среднего звена	234
жен	693	25–45	575	представители органов управления и местной власти	207
		45–55	407	представители среднего и мелкого бизнеса	254
		старше 55	338	специалисты	299
				пенсионеры	280
				студенты	226

Опрос проводился с 1 апреля по 1 сентября 2017 г. Производилось квотирование респондентов по следующим социально-профессиональным группам:

- 1) руководители высшего и среднего звена;
- 2) представители органов управления и местных властей;
- 3) представители мелкого и среднего бизнеса;
- 4) специалисты;
- 5) пенсионеры;
- 6) студенты.

Каждая из групп насчитывала не менее 200 респондентов, что в среднем составляет около 13% общего числа опрошенных (см. табл. 1).

Таблица 2

Ответ респондентов на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь к радио как средству получения информации и инструменту развлечения?»

Вариант ответа	Количество, чел.	Количество чел., %
ежедневно	765	51

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ...

еженедельно	450	30
несколько раз в месяц	165	11
от случая к случаю	120	8
Всего	1500	100

По частоте обращения к радио как средству получения информации и инструменту развлечения аудитория разделилась: ежедневно слушают радио – 51%, несколько раз в неделю – 30%, несколько раз в месяц – 11% и редко слушают радио – 8% опрошенных (см. табл. 2).

Анализ предпочтений участников опроса показал, что информационные каналы слушают руководители высшего и среднего звена, представители органов управления и местных властей, представители мелкого и среднего бизнеса; музыкально-информационные и музыкальные – специалисты и студенты, пенсионеры предпочитает УКВ радио, молодежная аудитория пользуется в большей степени FM каналами и сетевым вещанием.

Таблица 3

Ответ респондентов на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь к радио как средству получения информации и инструменту развлечения?»

Вариант ответа	Количество, чел.	Количество чел., %
ежедневно	765	51
еженедельно	450	30
несколько раз в месяц	165	11
от случая к случаю	120	8
Всего	1500	100

Лидером радиорынка Санкт-Петербурга является радиостанция «Европа Плюс», одна из первых популярных российских радиостанций, выходит в эфир с 1991 года. 20,4 % респондентов слушают эту радиостанцию ежедневно и 37,6% – каждую неделю. Эта радиостанция достаточно долгое время сохраняет свои лидерские позиции в городе. За «Европой Плюс» следуют «Автордио»,

«Дорожное радио», «Love радио» и «Русское Радио». О ежедневном прослушивании этих радиостанций заявило соответственно 13 %, 12,1 % и 10,7 %, 9,1 % респондентов; о еженедельном – 17,4 %, 11,4 %, 5 %, 3 %. Неплохие позиции занимает «Эльдорадио», радио «Балтика», радио «Рекорд», радио «Монте-Карло», «Петроград Русский шансон», «Ретро FM», «Эрмитаж» и радио «Максимум» (см. табл. 3).

Предпочтения радиослушателей Санкт-Петербурга по тематике радиопередач выглядит следующим образом: больше половины респондентов слушают развлекательные программы (музыка, юмор, ток-шоу и др.) – 67 %, остальные предпочитают новости – 33 %, лишь 3 % опрошенных не переключают радиостанцию при трансляции рекламы (см. табл. 4).

Таблица 4

Ответ респондентов на вопрос:

«Каковы Ваши предпочтения радиопередач по тематике?»

Вариант ответа	Количество, чел.	Количество чел., %
развлекательные (музыка, юмор, ток-шоу, конкурсы и т. д.)	1005	67
новости (аналитические программы)	495	33
Всего	1500	100

Признак, по которому респонденты оценивают радиостанцию положительно или отрицательно:

- музыкальное наполнение – 54 %;
- качество новостной и аналитической информации – 41 %;
- работа радиоведущих в эфире – 5 %;

Интересно, что 100 % опрошенных заявили, что прослушивание радио влияет на их настроение.

Большинство опрошенных слушает музыку и новости по радио в пути (автомобиле, общественном транспорте) – 57 %, на работе (в офисе, цеху, рабочем помещении) – 23 %, дома – 20 %.

Радио в сети время от времени слушает 80 %, не слушает 20 %. То есть радиослушатели Санкт-Петербурга активно используют радиосайты для прослушивания радио.

Информационные предпочтения горожан распределились следующим образом: новости слушают 67 %, аналитику – 13 %, другое – 20 %.

Музыкальные предпочтения радиослушателей выстроились следующим образом: музыку 1940-х гг. предпочитает – 1,7 % опрошенных, музыку 1950-х гг. – 2,5 %, музыку 1960-х гг. – 6,3 %, музыку 1970-х гг. – 9,1 %, музыке 1980-х гг. отдают предпочтение – 28,4 %, с удовольствием слушают музыку 1990-х гг. – 26,3%, музыка 2000-х гг., включая современные хиты, нравится 24,7 % респондентов, другую музыку предпочитает 1 % участников опроса. Зарубежную музыку, транслируемую радиостанциями, предпочитает 47 % респондентов, 53 % опрошенных отдали свое предпочтение отечественным мелодиям.

Удовлетворены наполнением радиостанций 40,5 % опрошенных, не удовлетворены – 25,5 %, затруднились ответить на данный вопрос 34 % респондентов.

По жанровому сегментированию музыкальных композиций предпочтения радиослушателей Санкт-Петербурга распределились следующим образом:

- поп-музыка – 25,5 %
- рок (включая его различные направления) – 16,2 %
- русский шансон – 10 %
- латиноамериканская музыка (танцевальная музыка) – 7 %
- ритм-энд-блюз – 5,5 %
- хаус – 5,2 %
- рэп – 5 %
- джаз – 4,1 %
- регги – 3,9 %
- другая электронная музыка – 3,5 %
- авторская песня – 3,1 %
- рок-н-ролл – 3 %

- классическая музыка – 2,5 %
- металл – 2,4 %
- народная музыка (фольклор, этническая) – 1,1 %
- детская музыка – 0,8 %
- романс – 0,5 %
- духовная музыка – 0,4 %
- другая – 0,3 %.

Таблица 5

Ответ респондентов на вопрос: «Какие проблемы в сфере музыкального радиовещания Вы считаете первостепенными?»

Вариант ответа	Количество, чел.	Количество чел., %
не хватает просветительских программ	690	46
эфир недостаточно наполнен участием профессиональных исполнителей и композиторов	345	23
нет расширенной информации о транслируемом произведении	180	12
музыка агрессивна	180	12
музыка однообразна	60	4
затрудняюсь ответить	45	3
Всего	1500	100

Большинство респондентов, преимущественно среднего и старшего возраста, заявило, что им не хватает просветительских программ на радио – 46 %, 23 % считают, что в эфире недостаточно радиопередач с участием профессиональных певцов и музыкантов, также весомая часть слушателей заметила, что не дослушивает композицию до конца, если она не удовлетворяет и есть возможность переключить радиоканал. Изменения в организацию любимой радиостанции внесли бы 80 % опрошенных слушателей.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на огромное количество источников информации, окружающее современного жителя мегаполиса, радио остается востребованным СМИ и удовлетворяет информационные и развлекательные запросы слушательской аудитории. Большинство жителей Санкт-Петербурга относятся к радио как средству развлечения, а затем информирования. Информационные блоки служат популярным источником новостной информации у радиослушателей, а музыка на радио служит фоном в пути, в офисе, в домашней обстановке. Данные положения следует учитывать при анализе современных принципов медиарынка, конкурентной борьбы радиостанций за слушателя и рекламодателя.

Список литературы

1. Ружников, В. Н. Лекции по истории отечественного радиовещания 1895–2001 [Текст]: учеб. пособие / В. Н. Ружников. – М.: Изд-во Гуманит. ин-та телевидения и радиовещания, 2002. – 203 с.

INFORMATION AND ENTERTAINMENT NEEDS OF LISTENERS (A SOCIOLOGICAL SURVEY OF RADIO OF SAINT PETERSBURG)

Larina A. V.

Summary. In the article the results of sociological research of relation of listeners are presented to the wireless stations broadcasting in Saint Petersburg; the leaders of radio market and preference of listeners of Saint Petersburg are deduced on the subjects of broadcasting; informative and musical interests of audience mark, satisfaction is shown filling of the wireless stations and frequency of address to radio as to the means of informing and entertainment, problems in the field of musical broadcast, that an audience considers primary, mark. Work of the wireless stations is appraised on such signs, as a musical filling, quality of news and analytical information, work of radio presenters in ether and influence of content on the mood of listeners. The obtained data allow to make the portrait of listener-in of modern megalopolis. The results of publication it is necessary to take into account at the analysis of modern principles of mediamarket, competitive activity of the wireless stations for a listener and advertiser.

Keywords: media market, broadcasting in St. Petersburg, a survey of radio listeners, music radio station.

References

1. Ruzhnikov V. N. *Rossiikoe Radioveshchanie v Usloviyakh Rynka (1992-2001). Gosudarstvennoe i Kommercheskoe Veshchanie* [Russian Broadcasting in the Conditions of the Market (1992-2001). State and Commercial Broadcasting. Lectures on the History of Domestic Radio Broadcasting. 1895-2010]. Moscow: Humanities Institute of Television and Radio Broadcasting Publ., 2002. 203 p.

УДК 81:070(571.54)

КОНФЛИКТНЫЙ МЕДИАДИСКУРС (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ БУРЯТИИ)

Сибиданов Б. Б.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия
E-mail: sibibair@gmail.com

В центре внимания статьи – конфликтный медиадискурс в таблоидных изданиях Бурятии. Поскольку медиа призваны участвовать в общественных процессах, конфликтный дискурс представлен в работе через социальное измерение и социальную терминологию дискурса. При этом медиаприсутствие приводит к тому, что конфликтная коммуникация осуществляется: 1) при участии (в присутствии) массовой аудитории; 2) при посредничестве фигуры автора публикации. Это означает, что в конфликтном медиадискурсе чаще всего основную роль играют автор и массовая аудитория, а конфликтующие стороны присутствуют в тексте как иллюстративный материал. Существует четыре формы взаимодействия текста и читателя печатного издания: 1) нарративная форма; 2) диалоговая форма; 3) форма коммуникативной площадки; 4) объяснительная форма. Субъектами медийного конфликта выступают личность, институт и общество. При этом социально значимый медийный конфликт всегда имеет символический уровень, на котором этот конфликт сводится к противостоянию между символическим образом общества и символическим образом общественной дисгармонии. Продолжительность медиаконфликта зависит от его завершенности на момент публикации. При этом как завершенный, так и продолжающийся конфликт нередко представлен без некоторых фаз развития, а все внимание сосредоточено на самых драматических моментах. В бурятских таблоидах конфликтная тематика чаще всего используется для привлечения внимания аудитории. Вместе с другими способами эксплуатации информационного инстинкта медийный конфликт является элементом регионального таблоидного дискурса, который носит провокативный характер.

Ключевые слова: конфликтный медиадискурс, субъекты медийного конфликта, таблоидный дискурс, провокативный дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Конфликт как объект лингвистического рассмотрения представляет собой область исследований, которая была инициирована теоретиками и практиками дискурс-анализа [2; 3; 6; 9; 10 и др.]. Как известно, дискурс есть «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136], и в этой перспективе просторы наращивания значимых для лингвистики объектов с течением времени становятся лишь шире. Ибо «жизнь» так же необъятна, как мир. В свое время одним из таких объектов стал и конфликтный дискурс. И здесь нас волнует возможность исследования не только универсальных типов речемышления, но и их эмпирических инвариантов, привязанных непосредственно к конкретной культуре и определенному историческому периоду.

Конфликтный дискурс становится одним из конструктов таблоидного медиатипа¹ в региональной прессе, который рассматривается нами как печатный дискурс, использующий в своем функционировании инстинктивные приемы привлечения внимания аудитории [11, с. 199]. Взаимоотношения «родовых» дискурсивных явлений (к которым относится конфликтный дискурс) и их эмпирических реализаций, возникших в результате своеобразия социально-исторического развития отдельных регионов и стран, наш взгляд, и сообщает лингвистике великое многообразие и многочисленность объектов исследования. В этом ряду медийный конфликт имеет ряд особенностей, выделяющих его на фоне остальных конфликтных типов речемышления и диалога. Объектом нашего исследования выступает конфликт в таблоидном дискурсе Бурятии. При этом рассмотрение такого конфликта сосредоточено на основных условиях функционирования: на взаимодействии СМИ и аудитории, а также на специфике медийных отношений субъектов конфликтного дискурса.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Конфликтный дискурс относится, безусловно, к тем типам речевой деятельности людей, который пронизывает практически любую сферу жизни человека и при этом сохраняет четко очерченные границы функционирования и структуру. Н. А. Белоус дает ему следующее определение: «такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, иллюкутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга» [2, с. 6]. В лингвистическом смысле определение является релевантным, однако в поле дискурсивных отношений, суть которых сводится к уже озвученной нами формуле Н. Д. Арутюновой, оно

¹ Медиатип — синхронный медиадискурс. Отличается постоянностью типологических черт, в отличие от диахронного медиадискурса, который демонстрирует развитие и изменение медийных типов речемышления в пространстве исторического становления.

требует определенного уточнения. Медианоле предназначено для реализации публичных действий, обсуждения общественных процессов, событий и ситуаций. Можно утверждать, что оно отражает системные процессы, в основе которых всегда лежит коллективное начало. Словом, медиаконфликт – это конфликт, который разворачивается в обществе. Он является порождением и средством развития одного или нескольких элементов социальной системы. Как полагает Парсонс, «роли, а не личности являются единицами социальной структуры» [8, с. 195]. При этом социальная роль – это некое место в социальной структуре, предписывающее определенное поведение той личности, которая занимает это место: «Характеристикой большинства социальных ролей является то, что действия, необходимые для их выполнения, не предписываются во всех подробностях, а допустимым считается некоторый диапазон вариабельности. Отклонение в известных пределах не влечет санкций» [8, с. 196]. Важнейшей характеристикой социальной роли являются ролевые ожидания, которые эффективно регулируют взаимоотношения в обществе. Совпадение ролевых ожиданий разных акторов социальной ситуации с определенным социальным эталоном поведения свидетельствует об эффективности функционирования данного участка социальной системы. Поэтому конфликты в этом пространстве трактуются как следствие несовершенства социальной структуры [8, с. 195]. С точки зрения функционирования системы подобный ракурс постановки проблемы вполне закономерен. Система зациклена на поддержании собственного функционирования. В ней отражается лишь то, что имеет социальный (коллективный) смысл, иные измерения она отсекает как лишние. Таким образом, социальная система – это организм, в котором конфликт необходимо рассматривать в соотнесении к месту в социальной структуре, т. е. к социальной роли. Исходя из вышеизложенного, для медиаконфликта более точной будет иная формулировка конфликтного дискурса: «Парный поведенческий акт, имеющий амбивалентный характер, специфическое взаимодействие оппонентов – конфронтация – одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуации» [2, с. 17].

В медиаполе указание на «неподтверждение ролевых ожиданий» означает, как мы увидим ниже, несовпадение поведения одного или обоих акторов описываемой ситуации с эталоном (прескриптивной информацией). Категория «идеала», «идеального» в художественном и медиапространстве является сильнейшим толчком к созданию текста, в основе которого лежит драматическое начало, вызванное отсутствием «идеального» в художественном или социальном мире, попавшем под описание писателя / публициста. В социальном пространстве чаще всего в качестве «идеального» подразумевается нормальное функционирование системы. Именно «норма» есть синоним «идеального» в социальном измерении.

Однако вернемся к разбору характеристик медиаконфликта. В медиаполе количество участников, а следовательно и цели конфликтной коммуникации, изменяются. Сам коммуникативный акт уже будет включать в себя не только участников противоборствующих сторон, но и еще две стороны: автора публикации и массовую аудиторию. При этом автор должен выполнять функцию посредника, передающего позиции сторон, а массовая аудитория должна стать судьей, который вынесет приговор. Наличие автора и массовой аудитории как основных участников коммуникативного акта в масс-медиа в значительной степени изменяет цели медиатекста. Таблоидного автора не слишком волнуют хитросплетения конфликта сторон, но его интересуют детали, которые смогут привлечь к прочтению как можно больше потребителей массовой информации.

Таким образом, медиаприсутствие искажает конфликтный дискурс. Оно приводит к тому, что конфликтная коммуникация осуществляется: 1) при участии (в присутствии) массовой аудитории (это обстоятельство может влиять на поведение оппонентов); 2) при посредничестве фигуры автора публикации (нередко от его позиции зависит восприятие конфликта массовой аудиторией).

При проекции этих двух обстоятельств на конфликтную коммуникацию мы сталкиваемся с устоявшимися формами коммуникативного взаимодействия автора и читателя. В тексте содержится информация о конфликте, а читатель потребляет ее и определенным образом реагирует / не реагирует. При этом

стороны конфликта всего лишь герои действия, положенные в основу текста. В результате рассказ о конфликте зависит не от противоборствующих сторон, а от того, как будет организован контакт между текстом и аудиторией. Это взаимодействие текста и читателя вызывают к жизни разные формы, которые во многом напоминают типы пассажиров [5, с. 23]. Однако обратим внимание, что формы взаимодействия текста и читателя хоть местами и совпадают с категорией «тип пассажира», все же являются прагматической единицей измерения дискурса, а не семантической. В основе лежит не передаваемые автором смыслы, а деятельность аудитории, которая при прочтении примеряет на себя разные роли и осуществляет разную символическую работу. Таким образом, мы полагаем, что существует четыре формы взаимодействия текста и читателя печатного издания:

- 1) нарративная форма передачи конфликта (автор публикации описывает конфликт как историю, имеющую начало, развитие, кульминацию и развязку);
- 2) диалоговая форма представления конфликта (автор публикации представляет конфликт в виде интервью с одной из сторон, либо с обеими сторонами сразу);
- 3) форма коммуникативной площадки (издание предоставляет площадь газеты для свободного выражения мнения по конфликтным вопросам, чаще всего это публикация писем читателей);
- 4) объяснительная форма (выявление конфликта и его презентация происходят за счет проблемно-аналитического рассуждения журналиста, часто одной из сторон такого конфликта является общество).

Во всех четырех случаях легко наблюдать зависимость направленности конфликтного материала от фигуры автора. Варианты участия автора в конфликте на страницах прессы следующие: а) конфликт описывает журналист, нейтрально относящийся к его участникам. Позиция автора заключается в максимально объективной передаче информации обо всех сторонах противоборства, анализе поведения участников, последствий и т. д.; б) автор медиатекста (или СМИ) является участником конфликта. В результате он стремится максимально убедительно презентовать только одну сторону, аргументы же второй – лишь средство для достижения этой главной задачи; в) автор медиатекста сочувствует одной из сторон, поэтому и презентация этой стороны представлена наиболее

убедительно. В отличие от второго случая авторская позиция позволяет имитировать объективность и непредвзятость автора-журналиста; г) автор медиатекста негативно оценивает обе конфликтующие стороны (что может привести, например, к высмеиванию ситуации и героев).

Еще один фактор, который способен изменять содержание медийного конфликта, – это его продолжительность. Возможны ситуации, когда тот или иной материал отражает не всю историю конфликта, а только ее часть. Через какое-то время субъекты затянувшегося противостояния предпринимают какие-либо медийные шаги, чтобы доказать собственную правоту в глазах массовой аудитории. В результате конфликт получает продолжение. И чаще всего в этом случае авторов, передающих содержание данного конфликта, становится несколько. Как известно, этапами развития конфликта являются следующие: зарождение, созревание, собственно речевой конфликт, пик, развитие, спад, консеквент (следствия) [2, с. 17]. СМИ, как правило, имеют дело не столько с зарождением конфликта, сколько с его результатами. В итоге медиапуть, который проходит конфликт, сокращается. Автор опускает подробности в виду того, что просто не знаком с ними, либо пересказывает зарождение конфликта в том аспекте, в каком написана (задумана) основная публикация. Налицо избирательность описания элементов (стадий) продолжительного медиаконфликта. В редких случаях начало конфликта фиксируется в текстах СМИ. В частности, в тематическом дискурсе «Тепловая война» (фактически принявшей вид информационной войны регионального масштаба), развернувшегося в региональной прессе Бурятии 2011 г., начало медийного конфликта обозначено публикациями в общественно-политическом издании «Номер один» («Айдаев начал говорить» // Номер один, 2011, с. 6). Однако, причины попадания этих событий связаны с эксцентричным поведением мэра Геннадия Айдаева перед прессой, пожелавшего наказать тепловую компанию ТГК-14 за неудовлетворительную работу и не стеснявшегося в выражениях. Иначе говоря, медийность начала конфликта была обусловлена случайным стечением обстоятельств. Позже мэр приглашает к участию в конкурсе помимо

ТГК-14 (которая всегда обслуживала тепловые сети Улан-Удэ) еще и «Тепловую компанию» из Омска, что и послужило причиной противостояния. В большинстве же случаев общественный конфликт начинает освещаться лишь тогда, когда входит в активную фазу, поэтому этапы зарождения и созревания, как правило, оказываются за пределами медиадискурса. В конечном итоге в публикациях присутствует пересказ начала конфликта, которому, как правило, не уделяется большого внимания.

Позиция автора, таким образом, играет значительную роль в интенции конфликтного материала. Однако, ориентируя свою медиаречь лишь на читателя, автор тем не менее обращается к субъектам излагаемого конфликта. Ими в зависимости от обстоятельств могут стать самые различные лица и организации. При этом важно, что все они имеют отношение к масштабным изменениям в жизни общества. СМИ имеет дело с такими противоречиями, изучение которых приводит к изменению жизни людей в лучшую сторону и/или дает опыт такого коллективного и индивидуального поведения, которое одобряется обществом.

Тогда закономерно возникает вопрос: кто может быть субъектом конфликтного дискурса в его медийном варианте?

Согласно точке зрения Е. И. Шейгал, в поле политического дискурса действуют следующие субъекты:

1. Институт ↔ институт.
2. Представитель института ↔ представитель института.
3. Институт ↔ граждане.
4. Институт ↔ гражданин.
5. Представитель института ↔ граждане.
6. Представитель института ↔ гражданин [14].

В целом ролевая структура большинства социальных институтов имеет много общего, многие позиции дублируются. Как видим на примере политического дискурса, в основе выделения субъектов лежит градация по степени присутствия коллективного / индивидуального (частного). Мельчайшей единицей политического субъекта является понятие «гражданин». Однако

социальные характеристики данного субъекта намного уже тех, что используются в медиаполе. Журналистика представляет площадку для реализации своих интересов многим социальным институтам, субъекты которых включают в себя разные социальные роли. Например, институт образования оперирует понятием «обучающийся». В медицинском дискурсе субъектом является «пациент». Таким образом, политический институт – лишь один из тех, что использует медиаполе в своих интересах. Поэтому и в качестве субъекта медиаполя необходимо определить такое понятие, которое будет включать в себя все характеристики разных социальных ролей человека. Несложно видеть, что это «личность». Именно с «личностью» связаны все социальные роли субъектов разных социальных институтов. Таким образом, вместо понятия «гражданин» в журналистике необходимо использовать категорию «личность».

Субъект «представитель института» не играет существенной роли, поскольку позиция института в медиаполе совпадает с позицией субъекта «институт». Это связано со спецификой механизмов функционирования журналистики. Когда в масс-медиа происходит презентация интересов отдельного человека, специалиста или руководителя организации и при этом позиция этой личности не совпадает (или отличается по некоторым аспектам) от позиции всего института, то в медийном поле возникает формирование личности с претензией на определенную известность. Таким образом, происходит переход субъекта из категории института к категории личности (медиаличности).

Следует обратить внимание и на субъект «институт». Медиаполе имеет дело с множеством медиапосланий, за которыми встают интересы разных социальных институтов. Таким образом, когда политический дискурс имеет в виду только один институт – институт политики, в журналистике мы сталкиваемся с разными социальными организациями, которые могут в значительной степени отличаться по интересам, желанию быть представленным на медийных площадках, стремлению влиять на масс-медиа и т. д. В этих условиях сам институт медиа оказывается в двойной роли. С одной стороны, он является институтом со своими интересами и влиянием в медиаполе, с другой он сам является таким медийным

полем и способен регулировать правила (в отдельно взятом СМИ). Поэтому в этих условиях существуют случаи, когда выделение СМИ или медиа в отдельный субъект является необходимым. Это происходит тогда, когда медиа выступает в качестве заинтересованной стороны (стороной конфликта, например).

Кроме того, мы должны обратить внимание на еще одну сторону медиафункционирования. Основными субъектами медиапроцесса являются *медиа* (автор) и *массовая аудитория*. Однако интересы последней никак не представлены. И хотя массовая аудитория редко проявляет активность, направленность всего информационного воздействия на потребителя делает его важнейшим участником любого медийного текста. В результате интересы массовой аудитории реализуются в позиции *Общества*. Именно общество становится незримым, но реальным субъектом медийного процесса.

Таким образом, мы полагаем, что существуют следующие субъекты медийного конфликта:

1. Институт ↔ институт;
2. Институт ↔ общество;
3. Институт ↔ личность;
4. Общество ↔ личность;
5. Общество ↔ общество.

Последний пункт представляет собой противостояние (или иные взаимоотношения), например, обществ разных стран или наций. Кроме того, мы опустили еще один возможный субъект – *медиа*. Полагаем, его можно рассматривать как разновидность субъекта «*институт*».

Таким образом, факторами, формирующими конфликтный дискурс в печати, становятся: субъекты конфликта, автор материала, место разворачивания конфликта – СМИ, присутствие массовой аудитории, наблюдающей за происходящим.

В результате отношения, которые складываются между субъектами речевой ситуации, усложняются. Роли, которые играют автор и массовая аудитория, субъекты конфликта, включаются в общий коммуникативный комплекс.

Коммуникативные полюса «автор – массовая аудитория» – организуют коммуникацию и дискурс, задают основную цель и основное содержание медиатексту.

Рассмотрим некоторые случаи взаимоотношений, которые складываются в процессе такой конфликтной коммуникации. Общей мерой любого конфликта в условиях медиадействительности выступает принцип справедливости. Именно она становится основанием для интерпретации событий автором и принятием/непринятием текста читателем. В значительной степени именно ее отсутствие является основной причиной попадания произошедшего в текст таблоида. Одним из наиболее часто встречающихся конфликтов в региональном таблоидном издании «Номер один» (Республика Бурятия) стал конфликт между обществом и личностью. В материале «Бизнес в жертву политике?» (№ 6 от 14.02.18) речь идет о предпринимателе и депутате горсовета г. Улан-Удэ Александре Тимофееве, который обвиняется автором в неуплате крупной суммы налогов. Уже в заголовке проступает ироничное отношение автора к действиям героя, которому нравится «рассуждать о Путине». Цель публикации – обвинить и высмеять Александра Тимофеева, доказать его бесчестность. Основным конфликтом в публикации – это конфликт между предпринимателем и интересами общества. Герой материала обманул государство и тем самым нанес ущерб интересам общества. Возникновение конфликтной ситуации связано с невыполнением героем тех обязательств, которые он должен принимать на себя не только как депутат горсовета, но и как порядочный человек. Справедливость нарушена и приговор объявлен: Александр Тимофеев виновен.

В основе следующего материала лежит конфликт между институтом и личностью (материал «Государственный рэкет»). Суть конфликта в том, что государственный монополист (РЖД) нашел способ пополнять свои доходы за счет клиентов, наказывая их за перевес перевозимого по железной дороге груза. Проблема заключается в том, что некоторые виды груза имеют способность изменять свой вес в процессе перевозки. Например, лес, попав под дождь, разбухает. В результате его масса становится больше. Чаще всего это небольшое

увеличение массы, однако оно приводит к тому, что РЖД подает в суд на клиента и отсуживает у него немалые суммы через штрафные санкции. При этом Арбитражный суд всегда на стороне монополиста. Таким образом, перед нами красноречивый пример того, как происходит типовой конфликт между частным лицом и государством. В качестве типового субъекта в данном случае выступает институт. И вновь оценка обвиняемой стороны в материале основана на нарушении принципа справедливости. Когда РЖД подает в суд на своего клиента, содержание его претензии сводится к тому, что клиент собирался путем махинаций сэкономить на стоимости перевозки. Однако несложно видеть, что такого умысла у подавляющего большинства клиентов не наблюдается. Если и происходит изменение массы перевозимого груза, то происходит оно по обстоятельствам, которые не поддаются регулированию. И исходя из логики произошедшего, ущерб от нарушения веса должен делиться поровну или вовсе ложиться на плечи РЖД. На поверку клиент оплачивает штрафные санкции за ущерб, который не причинял монополисту. Все это выявляет бесчестность (преступность) истца, решившего обобрать клиента. И вновь роль автора в публикации обвинительная.

Два примера с разными субъектами конфликта (разными типами конфликта) демонстрируют нам еще одно свойство медийного конфликтного дискурса. В первом случае пострадавшим субъектом, на стороне которого выступает автор, является общество. Во втором случае – страдает личность. Однако этот второй конфликт развивается между героями – субъектами конфликтного, но не медийного пространства. Он пока еще не включает автора и массовую аудиторию. На медийном же уровне происходит смещение конфликтных полюсов. Пострадавшая личность воспринимается как символическое воплощение всего общества. Возмущение и сочувствие жертве возможно благодаря тому, что границы узкого конфликтного пространства раздвигаются до медийного, а пострадавшая сторона вбирает в себя все общество (массовую аудиторию). Таким образом, РЖД обвиняет не один или несколько пострадавших человек, но вся массовая аудитория общественно-политического издания «Номер один».

В результате нарушения принципа справедливости, который неизбежно присутствует в журналистских материалах с наличием конфликта, символически пострадавшей стороной всегда является общество. И именно его интересы защищает автор публикации. Словом, медийный уровень конфликта имеет следующую символическую схему: как только в общественно-политическом поле появляется конфликт – нарушается принцип справедливости, как только нарушается принцип справедливости – страдает общество.

Таким образом, существует символический уровень конфликта в медийных материалах. Основой реального конфликта выступает столкновение противоборствующих сторон (в его основе, как правило, несовпадение ролевых ожиданий), которое в тексте принимает вид иллюстрации творящейся в мире несправедливости, о которой призван заявить медиатекст. Эта особенность переводит реальный конфликт между противоборствующими сторонами в символическое действие, в котором потерпевшей стороной выступает общество, интересы которого призваны защищать медиа.

И тут требуется пояснение по участникам медийного конфликта. Если общество, как мы указали выше, всегда является потерпевшей стороной, чьи интересы защищает автор, то какое место в медийном конфликте занимают остальные субъекты медийного конфликта (институт, личность)?

Дело в том, что символический медийный конфликт – это всегда конфликт между символическим образом общества и символическим образом общественной дисгармонии, хаоса, а все остальные типы и разновидности медийного конфликта, в котором участвуют и общество, и личность, и институт, – всего лишь иллюстрация противостояния, имеющего почти эсхатологический размах. И тогда само общество вместо конкретного социально-исторического феномена (определение которого дает Т. Парсонс) превращается в образ всех людей, живущих на земле, о благе которых призвана заботиться журналистика.

С этой особенностью связано и провокативное содержание всех конфликтных медиаматериалов. Забота о благе общества заставляет медиаавторов рассказывать читателю о творящейся в мире несправедливости,

чтобы общество смогло принять меры и исправить положение. Такова общая логика презентации медиаконфликтов в региональных таблоидах. Однако основная причина попадания этих публикаций на страницы газеты – конфликтность, которая привлекает внимание массовой аудитории, эксплуатируя инстинктивную природу человека. Среди анонсов региональных таблоидов встречаются и такие, которые вовсе не имеют отношения к постановке той или иной общественной проблемы, но их присутствие в номере связано, например, с трэш-эстетикой [7]. Так, уголовная хроника, ставшая органичной частью современного регионального таблоида, меньше всего ориентирована на общественное обсуждение описываемых уголовных деяний. И, как следствие, общество как символический агент медиаконфликта себя не проявляет, соответственно, и образ несправедливости отсутствует. Как результат, символический общественный конфликт остается за пределами таких публикаций. Нетрудно увидеть, что цель материала совершенно иная. Это происходит потому, что в подобных медийных текстах нет ориентации на справедливость, зато есть ориентация на некое смакование натуралистических подробностей.

В таблоиде «Номер один» даже определено постоянное место для подобных анонсов. Они располагаются в верхней части первой страницы, в «чердаке». Вот некоторые из таких анонсов в номерах 2018 г.: «Джидинские фермеры нашли мумию в стоге сена, с. 12» (№ 1 от 10.01); «Ядовитый Цезарь. Семья депутата отравила больше сотни избирателей, с. 3» (№ 2 от 17.01); «В Еравне подростки избили и изнасиловали пенсионерку, с. 12» (№ 3 от 24.01); «Агрокалендарь от Анатолия Кушнарева, с. 16–17» (№ 4 от 31.01) и т. д. Как видим, из четырех анонсов три обещают читателю натуралистические детали, связанные с насилием либо с конфликтом, который имел серьезные последствия, которые вообще-то и должны заинтересовать/заинтриговать/шокировать читателя.

В «Информ Полисе» подобных анонсов гораздо меньше, однако они все же встречаются, порой даже становясь основным материалом номера. Например, в выпуске № 12 от 21 марта 2018 г. большую часть первой страницы занимает

контекстно-иллюстрирующее фото, а анонс главного материала прямо указывает на трэш-содержание: «Кровавое противостояние: шокирующие подробности трагедии в бурятском селе».

Подобные типы материалов хорошо проявляют истинные причины обращения к конфликтной тематике. Бурятские таблоиды стремятся не столько защитить интересы общества, сколько привлечь внимание аудитории натуралистическими подробностями различных конфликтных историй. В этой ситуации защита интересов общества таблоиду нужна только для того, чтобы заявить об общественной значимости конфликтного контента, чтобы прикрыть свои основные цели журналистской миссией. В научной литературе подобные речевые стратегии и тактики получили название провокативных [12; 13]. Особенно подробно и точно описывает ситуацию провокации в медиаполе В. Н. Степанов. Его определение провокативного дискурса, на наш взгляд, сегодня является наиболее точным: «Комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, выражающее провокативное намерение адресанта скорректировать коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нем демонстрируемое провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования» [13, с. 21]. При этом автор имеет в виду две разновидности провокативных стратегий (жанров): заботу и признание. Именно они, полагает исследователь, выражают основные стратегии, встречающиеся в современных медиа [13, с. 21]. В частности, при реализации провокативного жанра заботы «говорящий демонстрирует внимание к внутреннему миру собеседника (его мыслям, желаниям, настроению), к его внешнему облику и социально-психологическому статусу; это призвано выступать свидетельством позитивного психологического отношения говорящего к объекту заботы» [12, с. 75]. Исходя из сущности дискурса, провокативный материал должен обязательно «заразить» читателя необходимой эмоцией, т. е. авторская работа над текстом должна обязательно носить эмоциональный характер. Однако в конфликтных материалах, как правило, даже «сухость» и «непредвзятость» несет в себе

эмоциональный заряд. В результате можно говорить о том, что интенция заботы проявляется в функциональной специфике журналистики. СМИ призваны информировать общество о наиболее важных событиях и процессах, происходящих в мире и тем самым проявлять заботу об обществе и конкретном человеке. Нетрудно видеть: конфликтный дискурс в региональных СМИ приобретает черты этого провокативного жанра. Общая схема такой «заботы» включает в себя не только конфликтный дискурс, но и речевые тактики и стратегии, связанные с эксплуатацией других информационных инстинктов. В частности, это может быть связано с коллективным инстинктом, основанным на механизме эмпатии, т. е. психологическом отождествлении читателя с героем материала [4, с. 387]. Его действие связано с событием, в котором активное участие принимает представитель общности, к которой относится массовая аудитория. Например, рассказ о том, что в парламент Италии собирается избираться супруга журналиста, выходца из Бурятии (материал «Номера один», № 7, 2018 г., с. 9), является красноречивой иллюстрацией данной технологии. Появление этого материала в бурятском таблоиде обусловлено участием «нашего парня» в событии, которое разворачивается в Италии. Другой пример использования инстинктивных способов привлечения внимания – известность, медийность героя, о котором идет речь в материале.

Таким образом, региональный таблоид для привлечения внимания читателя использует не только конфликтный дискурс, но и другие способы инстинктивного привлечения внимания массовой аудитории. Поэтому мы имеем возможность вести речь о региональном таблоидном дискурсе, включающем в себя многие другие дискурсивные механизмы прагматической эксплуатации внимания читателя. В пространстве провокативного дискурса региональный таблоид вместо «внимания к внутреннему миру» собеседника обращается к инстинктивной природе человека.

ВЫВОДЫ

В результате региональный конфликтный медиадискурс характеризуется следующими чертами:

- медиаприсутствие приводит к тому, что конфликтная коммуникация осуществляется: 1) при участии (в присутствии) массовой аудитории; 2) при посредничестве фигуры автора публикации (нередко от его позиции зависит восприятие конфликта массовой аудиторией);

- существует четыре формы взаимодействия текста и читателя печатного издания: 1) нарративная форма передачи конфликта; 2) диалоговая форма представления конфликта; 3) форма коммуникативной площадки; 4) объяснительная форма;

- продолжительность медиаконфликта зависит от его завершенности на момент публикации; при этом как завершенный, так и продолжающийся конфликт нередко опускает некоторые фазы его развития, сосредоточивая внимание на самых драматических моментах;

- субъектами медийного конфликта выступают личность, институт и общество. Частным случаем субъекта «институт» выступает медиа. При этом социально значимый медийный конфликт всегда имеет символический характер, сводясь к противостоянию между символическими образами общества и общественной дисгармонии, хаоса;

- в бурятских таблоидах конфликтная тематика чаще всего используется для привлечения внимания аудитории. Вместе с другими способами эксплуатации информационного инстинкта медийный конфликт является элементом регионального таблоидного дискурса, который носит провокативный характер.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

2. Белоус, Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты [Текст]: автореф. дисс. докт. филол. наук: 10.02.19 / Н. А. Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с.
3. Белоус, Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения [Текст] / Н. А. Белоус // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. – СПб., 2008. – № 6 (15). – С. 30–38.
4. Брайнт, Дж., Томпсон, С. Основы воздействия СМИ [Текст] / Дж. Брайнт, С. Томпсон. – М.: Вильямс, 2004. – 432 с.
5. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст]: дисс. докт. филол. наук: 10.12.19 / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
6. Кошкарлова, Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ [Текст] / Н. Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 30. – С. 48–52.
7. Манскова, Е. А. Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики [Текст] / Е. А. Манскова // Медиаальманах. – 2009. – № 1. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/280> (дата обращения: 13.04.2018).
8. Парсонс, Т. О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический проспект, 2000. – 880 с.
9. Сейранян, М. Ю. Конфликтный дискурс и его просодический строй [Текст] / М. Ю. Сейранян. – М.: МПГУ, 2016. – 246 с.
10. Сейранян, М. Ю. Конфликтный дискурс как интеграция стратегического и коммуникативного действий [Текст] / М. Ю. Сейранян // Казанская наука. – 2012. – Вып. 7. – С. 183–186.
11. Сибидапов, Б. Б. Таблоидный дискурс газеты «Номер один» [Текст] / Б. Б. Сибидапов // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. Филология. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013. – С. 198–204.

12. Степанов, В. Н. Два полюса массовой коммуникации: провокативные жанры заботы и признания [Текст] / В. Н. Степанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2008. – № 6. – С. 73–81.
13. Степанов, В. Н. Провокативные стратегии в текстах массовой коммуникации [Текст] / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. – 2011. – № 1. – С. 20–24.
14. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дисс. докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

CONFLICT MEDIA DISCOURSE (ON THE BASIS OF BURYATIA PRESS)

Sibidanov B. B.

Summary. A conflict media discourse in the tabloids of Buryatia is in the focus of the article. Since media are involved in social processes, a conflict discourse is represented in the work through the social structure and social terminology of discourse. The involvement of media in social processes leads to the fact that conflict communication is carried out with participation (in the presence of) a mass audience as well as through the mediation of the author's publication. This means that in the conflict media discourse the author and the mass audience often play the main role, while the conflicting parties are represented in the text only as an illustrative material. There are four forms of interaction between the text and the reader of the publication: 1) a narrative form; 2) an interactive form; 3) the form of the communicative platform; 4) an explanatory form. The subjects of the media conflict are the Personality, the Institute and the Society. A socially significant media conflict is always characterized by a symbolic level, on which the conflict is reduced to a confrontation between the symbolic image of society and the symbolic image of public disharmony. The duration of the media conflict depends on its completeness at the time of publication. Both the completed and continuing conflict are often represented without some phases of development and all attention is focused mostly on the most dramatic moments of the event. In Buryat tabloids, conflict topics are most often used to attract the audience' attention. Media conflict together with other ways of exploiting information instinct is an element of regional tabloid discourse, provocative in its nature.

Keywords: conflict media discourse, media conflict subjects, tabloid discourse, provocative discourse.

References

1. Arutyunova N. D. *Diskurs* [Discourse]. *Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii slovar*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, pp. 136–137.
2. Belous N. A. *Konfliktnyi Diskurs v Kommunikativnom Prostranstve: Semanticheskie i Pragmaticheskie Aspekty: Avtoref. Dis. ... Dok. Filol. Nauk*

Krasnodar, 2008, 48 p.

3. Belous N. A. *Sotsiokulturnyi Aspekt Analiza Rechevogo Konfliktного Povedeniya* [Socio-cultural aspect of analysis of speech conflict behavior]. *Izvestiya of Herzen University. Journal of Humanities and Science*, 2008, no. 6 (15), pp. 30–38.
4. Braint J., Thomson S. *Fundamentals of Media Effects*. McGraw-Hill, 2002, 395 p. (Russ. ed.: Braint J., Tomson S. *Osnovi Vozdeystviya SMI*. Moscow: Izdatelskii Dom Wiliams, 2004, 432 p.
5. Kibrik A. A. *Analiz Diskursa v Kognitivnoi Perspektive: Dis. ... Dok. Filol. Nauk* [Analysis of Discourse in the Cognitive Perspective]. Moscow, 2003, 90 p.
6. Koshkarova N. N. *Lingvisticheskie Mekhanizmy Rechevoi Agressii v SMI* [Linguistic Mechanisms of Verbal Aggression in Media]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, *Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie*. Vol. 30, pp. 48–52.
7. Manskova E. A. *Rol Tresh-Estetiki v Formirovanii Sovremennoi Kontseptsii Televizionnoi Dokumentalistiki* [The Role of Trash Aesthetics in Forming the Modern Concept of TV Documentaries].
8. Parsons T. *O Sotsialnykh Sistemakh* [Structura of Social Action]. M.: Akademicheskii Prospekt Publ., 2000. 880 p.
9. Seyranyan M. Yu. *Konfliktnyi Diskurs i ego Prosodicheskii Stroi* [Conflict Discourse and Its Prosodic System]. Moscow, 2016, 244 p.
10. Seyranyan M. Yu. *Konfliktnyi Diskurs kak Integratsiya Strategicheskogo i Kommunikativnogo Deistvii* [Conflict Discourse: an Integration of Strategic and Communicative Actions]. Kazanskaja Nauka Publ., 2012, no. 7, pp. 183–186.
11. Sibidanov B. B. *Tabloidnyi Diskurs Gazety Nomer Odin* [Tabloid Discourse in *The Number One*]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2013, vol. 10, pp. 198–204.
12. Stepanov V. N. *Dva Polyusa Massovoi Kommunikatsii: Provokativnye Zhanry Zaboty i Priznaniya* [Two Poles of Mass Communication: Provocative Genres of Care and Recognition]. *Bulletin of the South Ural State University, Series Linguistics*, 2008, no. 6, pp. 73–81.

13. Stepanov V. N. *Provokativnye Strategii v Tekstakh Massovoi Kommunikatsii* [Provocative Strategies in Mass Communication Texts]. *Foreign Languages in Higher Education*, 2011, no. 1, pp. 20–24.
14. Sheigal Ye. I. *Semiotika Politicheskogo Diskursa: Dis. ... Dok. Filol. Nauk* [The Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, 2000, 431 p.

УДК 070: 94

БУРЯТСКАЯ РАДИОЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ РЕГУЛЯРНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ (1933–1937 ГГ.)

Шагдарова Б. Б.

Бурятский государственный университет, Россия.
E-mail: bayarma70@mail.ru

В рамках данной работы автор обращается к проблеме периодизации местного радиовещания как ключевого фактора в освещении истории республиканской радиожурналистики в 1933–1937 гг. Этап становления регулярного вещания был ознаменован созданием при СНК Бурятии комитета по радиофикации и радиовещанию. Становление нового канала массового информирования и пропаганды шло медленными темпами, радиофикация районов, аймаков, промышленных предприятий и учреждений серьезно отставала от других, более экономически развитых краев и областей. Слабая по мощности ширококвотельная станция РВ-63 нуждалась в техническом оснащении, перебои в ее работе негативно сказывались на качестве материалов местного вещания. В 1934–1935 гг. партийное руководство БМАССР совместно с СНК обратило серьезное внимание на тяжелое положение дел в радиофикации и радиовещании. С целью выправления ситуации и решения насущных проблем бюро ОК ВКП(б) было принято специальное постановление, которым предусматривались серьезные финансовые расходы на приобретение новых эфирных радиоустановок, введение в строй тринадцати радиоузлов, укрепление материально-технической базы радиокомитета и обеспечение его новыми площадями под аппаратную и радиостудию. В этот же период были приняты меры по усилению политического и национально-художественного вещания, место ликвидированных радиогазет и радиоперекличек заняли выпуски «Последних известий», радиобеседы партийных и советских руководителей, выступления аймачных деятелей, работников промышленных предприятий. К 1937 г. наметились серьезные положительные сдвиги в сфере радиофикации и радиовещания, но в условиях начавшихся политических репрессий произошло сворачивание многих достижений прежних лет.

Ключевые слова: радиофикация, радиовещание, радиокомитет, радиоотдел, радиожурналистика, радиобеседа

ВВЕДЕНИЕ

Становление и развитие радиожурналистики Бурятии в советский период, в частности в 1933–1937-е гг. является малоисследованной областью, содержащей богатейший массив сведений и документов, отражающих специфику функционирования местного радио на разных этапах его истории. В преддверии 90-летия республиканского радиовещания, которое будет отмечаться через три года, возрастает внимание к осмыслению роли и места радиокommunikации в современном обществе, его дальнейшей судьбе в условиях современных

глобальных медиавызовов. Поиск ответов на них сопряжен с анализом текущих процессов в региональной и отечественной журналистике, но вместе с тем необходимо обращение к многолетнему опыту предшественников, впервые открывших для простых граждан эру радио, приложивших серьезные усилия для утверждения радио в роли наиболее оперативного канала массового информирования и пропаганды, формирования богатейшей системы радиожанров и форм общения со слушателем.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Рассматриваемый исторический период – 1933–1937 гг. – в деятельности Бурят-Монгольского комитета по радиофикации и радиовещанию представляет важный этап на пути становления массового радиовещания и радиослушания в республике. В целом изучение радиожурналистики данного периода, хронологические границы которого определены 1933–1937 гг., следует рассматривать в контексте более широкого научно-исследовательского интереса к проблеме периодизации истории бурятского радио, пережившего серьезную эволюцию и развитие в советский период. Этот вопрос практически не освещался в научной литературе, отсутствуют попытки систематизировать и обобщить опыт местного радиовещания, за исключением лишь нескольких работ, посвященных отдельным страницам и фактам его функционирования [9; 10; 23]. Глубокое и всестороннее изучение деятельности республиканского радио в советский период требует введения в научный оборот обширного массива неопубликованных, никем ранее не изученных архивных материалов. В данной статье, посвященной периоду становления регулярного радиовещания в БМАССР, публикуются документы Государственного архива Республики Бурятии, находящиеся на хранении в следующих фондах: ФП. 1 (Бурятский реском КПСС), Ф. Р. 248 (СНК БМАССР), Ф. Р. 1051 (Бурятская государственная телевизионная и радиовещательная компания), Ф. Р. 298 (Управление уполномоченного Восточно-Сибирского управления связи по БМАССР). Сведения носят характер справок, записок и директив о ходе радиофикации и радиостроительства, о

состоянии радиоузлов, их своевременном обеспечении горючим питанием, о введении в эксплуатацию новых радиоустановок, радиоточек, участии радио в различных хозяйственно-политических кампаниях. Созданию архивов республиканской радиожурналистики долгое время не придавали серьезного значения. Планомерное формирование документального фонда Бурятской телевизионной и радиовещательной компании начинается с 1965 г. Исторические коллизии (Великая Отечественная война, сталинские репрессии, жесткая цензура) привели к значительным потерям документальных материалов фонда. Многие материалы были утрачены прежде всего из-за отсутствия условий хранения и в результате многочисленных «чисток» звукового архива по конъюнктурным соображениям [19].

Интерес к периодизации деятельности радиовещания Бурятии обусловлен формированием новой научной парадигмы в изучении отечественной журналистики в целом, распространением многофакторного подхода в анализе наследия, накопленного радиожурналистикой в советский период. В предшествующую эпоху традицию изучения отечественного радиовещания заложили В. Н. Ружников, П. С. Гуревич, рассматривавшие новое средство массового информирования как результат социальных преобразований, развернутых после революции под руководством В. И. Ленина [12]. Фундаментальный по сути научный труд возродил в свое время широкий интерес к исследованиям радио. В настоящее время традиции классической отечественной школы радиожурналистики продолжают и приумножаются благодаря «Ружниковским чтениям», которые регулярно организует факультет журналистики МГУ. К 120-летию возникновения радио в России коллективом преподавателей факультета был опубликован сборник научных трудов, посвященный описанию специфики отечественного радиовещания и радиожурналистики в период их зарождения и становления, а также исторического значения этого процесса для нашей страны [18]. Наряду с указанным коллективным сборником следует назвать и те, в которых освещаются страницы истории регионального радиовещания. В работе М. В. Шуркиной,

посвященной периодизации истории алтайского радиовещания, справедливо отмечается, что «в алтайском крае радио появилось позднее, чем в центре страны, ...имеет смысл создание отдельной периодизации. ... Мы рассматриваем историю алтайского радиовещания, исходя из конкретно-исторической периодизации, связанной с развитием советского государства и вместе с тем с учетом технических и функциональных возможностей алтайского радио» [24]. В работе О. В. Тихоновой рассматривается важный период зарождения отечественной радиожурналистики в формах радиogramм и радиовестников, олицетворявших важную фазу в развитии радиослужбы страны [22]. Освещению истории тувинского радио с момента возникновения посвящены работы исследователя В. С. Кан, в них автором определены ключевые даты и события истории, этапы радиофикации Тувы, тематика радиопередач и их специфика [14; 15].

В Бурят-Монгольской АССР в рассматриваемый период возрастает внимание к самым насущным вопросам радиофикации и радиовещания. Этому предшествовали начальные организационные мероприятия по закладке в Бурятии основ радиофикации и радиостроительства, которые были реализованы при совместном усилии Бурятского Центрального исполнительного комитета, Комитета по делам радиовещания, Народного комиссариата почт и телеграфов, Восточно-Сибирского краевого управления по делам связи. Также силами радиолюбителей, имевших в районах республики и ее столице Верхнеудинске двадцать пять ячеек, были собраны вручную четыре радиоприемника, являющихся по праву первенцами местной радиофикации. Также энтузиасты в области радиодела собрали вручную и установили в Верхнеудинске и Кяхте два трансляционных узла, с помощью которых передавались в эфир выпуски местной радиогазеты [16].

31 января 1933 г. было принято Постановление СНК СССР о создании Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию, в связи с этим постановлением Всесоюзный комитет по радиовещанию при Народном комиссариате почт и телеграфов был ликвидирован. Впервые непосредственно

при советском правительстве был образован специальный орган, которому передавались все дела радио на территории страны. На радиокомитет возлагались организация, планирование и оперативное руководство всем радиовещанием в Союзе СССР, в том числе радиовещанием трансляционных низовых радиовещательных узлов в районных центрах, на машинно-тракторных станциях, в совхозах [17].

В Бурятии в ходе начавшейся реорганизации был ликвидирован комитет по делам радиовещания. При СНК республики был создан комитет по делам радиофикации и радиовещания, на который возложили контроль за выполнением плана радиофикации.

Задачи комитета также предусматривали:

- широкое развертывание регулярного радиовещания;
- распределение радиоаппаратуры и питания по районам;
- контроль за радиоторговлей [1].

К 1933 г. развитие радиосети происходило медленными темпами, по количеству радиоточек республика серьезно отставала от других краев и областей, численность и подготовка кадров радиожурналистики оставались на низком уровне. Вещание радиокомитета велось на русском и бурятском языках, материалы передавались в прямом эфире. По этой причине не было устоявшейся сетки радиовещания, в эфир передавались срочные радиogramмы, незапланированные радиопереклички, сообщения. К этому необходимо добавить, что утвержденная Всесоюзным радиокомитетом сетка местного вещания появилась лишь с 1 января 1940 г., помимо выпусков «Последних известий» и программ по линии пропаганды и агитации, в ней были предусмотрены регулярные радиопередачи для домохозяек, тружеников села, работников промышленных предприятий, школьников и комсомольцев [2]. С этими передачами были связаны первые опыты радиокомитета по использованию звукозаписи в практике местного вещания. В целом, эпоха «живого» эфира сменилась на магнитную звукозапись лишь после Великой Отечественной войны.

В рассматриваемый период специфика форм радиоматериалов строилась с учетом невысокого образовательного уровня рядового слушателя, проживающего в городе или сельской местности. В столице республики Верхнеудинске население насчитывало 36785 жителей, прирост по сравнению с предыдущими годами был существенным [13]. Впрочем, недостаточная грамотность радиослушателей отмечалась повсеместно в стране. Так, 68 % населения до 8 лет не умело читать и писать. К 1927 г. Советский Союз занимал по уровню грамотности лишь 19 место в Европе. Четверть городского и больше половины сельского населения так и не освоили грамоту. Даже к концу 1930-х г. 78 % городских и 95 % сельских жителей (в возрасте 10 лет и старше) не имели и неполного среднего образования [21, с. 79].

Растущая численность жителей столицы, нуждающейся в культурном просвещении, требовала координации новых усилий комитета по делам радиофикации и радиовещания и управления связи в вопросе обеспечения радиосвязью и радиоточками клубов, красных уголков, столовых, общежитий. Растущая радиосеть увеличивала нагрузку на радиопередаточную станцию РВ-63, уступавшую по мощности иркутской магистральной радиостанции, нередко от радиослушателей поступали жалобы на плохую слышимость. В 1934 г. организационные меры по централизации руководства радиосетью затронули управление уполномоченного Восточно-сибирского управления связи по БМАССР, после ликвидации которого было создано местное управление связи. Через год при управлении был создан радиоотдел. Помимо технического обслуживания радиовещательной станции, ему было поручено производить расчеты с населением и организациями за радиоприемники Наркомата связи в соответствии с постановлением СНК СССР № 656 от 27 марта 1934 г. «О трансляционных радиоузлах, трансляционных радиоточках и радиоприемниках». Данным постановлением закреплялось за гражданами СССР право устанавливать ламповые и детекторные радиоприемники, трансляционные радиоточки и в дальнейшем в обязательном порядке производить их регистрацию в местных органах Народного комиссариата связи. Абонементная плата с

владельцев радиоточек была установлена в среднем по стране в размере 36 руб. в год. Две трети от этой суммы направлялись Народному комиссариату связи, одна треть – Всесоюзному радиокомитету по радиовещанию [20].

Архивные документы радиоотдела содержат некоторые сведения о переписке с комитетом по радиофикации и радиовещанию, с сектором вещательных радиостанций Наркомата связи страны. О характере переписки можно судить по содержанию письма начальника сектора т. Цинговатова в местный радиоотдел: «В последний раз под вашу личную ответственность предлагаю: 1) срочно сообщить твердые цены стоимости часа вещания, установленные на основании расчетных цен (плановых) 1 квартала 1935 г. ... и согласованные с местными радиокомитетами. Сообщить, произведен ли перерасчет с радиокомитетом за техническую эксплуатацию радиостанций на основе новых твердых цен» [3]. Последнее замечание было продиктовано выделением в 1935 г. радиовещательной станции РВ-63 в хозрасчетную единицу с целью улучшения ее финансовой обеспеченности. Это решение ослабило напряженность и противоречия между радиоотделом и комитетом по радиофикации и радиовещанию, связанные с техническими перебоями в обслуживании радиоустановки, критическими замечаниями о том, что вещание ведется радиоотделом вслепую [4]. Управление связи в ответ на критику обращало внимание руководства республики на слабую укомплектованность, отсутствие измерительных приборов и лаборатории по устранению и профилактике поломок на радиостанции. Имели место даже случаи обращения радиоотдела в государственный арбитраж для разрешения споров с комитетом по вопросу технической эксплуатации радиостанции.

С переводом радиопередаточной установки РВ-63 на самостоятельный хозяйственный баланс комитет по радиофикации и радиовещанию стал проводить расчеты по себестоимости одного часа его эксплуатации. В 1935 г. при среднегодовом вещании 1700 часов общая себестоимость одного часа работы составила 5 руб. 35 коп. [5]. Эта практика сохранялась до 1939 г., затем было принято решение не брать с радиокомитета плату за эксплуатацию

радиопередаточной станции, о чем свидетельствует письмо начальника управления связи БМАССР У. Н. Гладышева в радиоотдел: «По указанию наркома связи 1 января расчеты с радиокомитетом производятся непосредственно управлением. Произведите окончательный расчет на 1939 г. Дальнейшее начисление прекратите. Расчеты по абонплате за радиоприемники производите в прежнем порядке» [6].

В 1933 г. повсеместно по стране была введена абонементная плата за радиоприемники и радиоточки. В республике налаживание этой системы велось с большими трудностями, неуплата абонементной платы за радиоточки была распространена повсеместно. Руководствуясь Постановлением СНК СССР № 656 радиокомитет развернул среди руководителей районов и аймаков работу по устранению систематических задолженностей. В переписке начальника управления связи и председателя радиокомитета с руководителями районов БМАССР звучали неоднократные требования взыскать долги с рабочих и служащих путем удержания указанной суммы из их заработной платы [7]. В архивном документе письма председателя радиокомитета по поводу накопившейся задолженности содержится следующее обращение к руководителю Тарбагатайского райисполкома: «Бурят-монгольское управление связи и радиокомитет ставят вас в известность, что учреждения и предприятия вашего районного центра не платят абонементную плату радиоузлу. Задолженность на 1 апреля выражается в сумме 1405 руб., что противоречит Постановлению СНК СССР от 27.03.1934 г. и добавлению от 21 ноября 1935 г. № 377. Окажите содействие во взыскании средств» [7, л. 13].

В ходе переписки с районными центрами активизировалась деятельность по контролю за низовым радиовещанием, работой сельских радиоузлов, нередко допускавших простои в работе ввиду их слабой материально-технической и кадровой обеспеченности. Планирование новых радиоузлов на территории республики проводилось зачастую без предварительного проектирования, учета дальнейшего кадрового и технического обслуживания. В 1934–1935 гг. СНК республики и ОК ВКП(б) неоднократно отмечали неудовлетворительное

состояние радиофикации и радиовещания, указывали на необходимость наведения порядка в радиохозяйстве Бурятии. Обком партии в обращениях к партийным и советским руководителям призывал их искоренять практику недооценки радио как средства связи и массовой культурно-просветительной работы, а к лицам, игнорирующим данное требование, применять меры строгого взыскания.

В 1935 г. с целью усиления руководства радиофикацией и радиовещанием бюро ОК ВКП(б) совместно с правительством БМАССР было принято специальное постановление, которое сыграло значительную роль в выправлении указанных негативных явлений. В числе первоочередных мер предусматривалось введение в эксплуатацию коротковолновых радиостанций «КЭ» и «КЭН» в тринадцати крупных населенных пунктах, в том числе в Улан-Удэ (27 июля 1934 г. Верхнеудинск был переименован в Улан-Удэ), Нижне-Ангарске, Багдарине, Оке, Агинском, Баргузине. Была введена новая форма руководства низовым радиовещанием в виде регулярных отчетов секретарей айкомов и председателей аймисполкомов о состоянии радиохозяйства. В постановлении также говорилось об обеспечении эфирной радиофикации сельских советов, мтс, совхозов 4-ламповыми приемниками в количестве 350 штук, полностью укомплектованными питанием и антенным оборудованием. По радиовещанию также было предусмотрено ряд серьезных мероприятий, прежде всего разработка годового плана радиовещания, доведение собственного ежедневного вещания радиокомитета до 2 часов в сутки, увеличение радиопередач на бурятском языке до 80% от всего объема радиовещания. Требовалось усилить содержание программ политической и национально-художественной направленности. На укрепление материально-технической базы радиокомитета было заложено 60 тыс. руб. Под вещательную студию и аппаратную выделялось специальное помещение во Дворце труда площадью 100 м² [8].

К этому времени были окончательно ликвидированы такие формы радиопрограмм, как радиогазета и радиомитинги. Это повлекло за собой крупную реформу общественно-политического вещания, место радиогазет заняли

регулярные выпуски «Последних известий» Всесоюзного радиокomiteта. Лейтмотивом этих программ служили призывы усилить классовую бдительность и идейную выдержанность материалов.

Восточно-Сибирский краевой радиокomiteт для оказания помощи в деле усиления общественно-политической пропаганды организовал по республиканской сети регулярные беседы, предназначенные для коллективного слушания. В передачах, обращенных к колхозному крестьянству, районным и аймачным руководителям, выступали секретари краевого комитета партии по вопросам колхозного строительства, подготовки и проведения весеннего сева, хлебозаготовок. В свою очередь, местный радиокomiteт активно привлекал колхозных деятелей к участию в передачах о животноводстве, пропаганде увеличения поголовья скота, которое сократилось в Бурятии в годы коллективизации более чем на 60 %. Наряду с политическим вещанием было усилено руководство художественной радиопропагандой, призванной использовать новые и своеобразные формы в проведении в жизнь решений партии, активнее вовлекаться в хозяйственно-политические кампании, развернуть борьбу за утверждение социалистического реализма в искусстве [11]. Следующим шагом в централизации руководства радиовещанием явилось создание в 1937 г. во Всесоюзном радиокomiteте отдела микрофонных папок, который готовил заранее тексты радиопередач и рассылал их в краевые и республиканские радиокomiteты. Эта мера была продиктована цензурными соображениями с целью недопущения в эфир бесконтрольных радиоперекличек и текстов, а в 1937 г. радиопереклички были полностью ликвидированы.

В атмосфере начавшихся массовых политических репрессий и чисток в партийных организациях радиовещание испытывало все более возрастающий пресс партийно-административного и цензурного контроля. Основная тематика радиоэфира в 1937 г. касалась выборов в Верховный Совет СССР, разъяснений избирателям сущности «Сталинской конституции» и политики Коммунистической партии. Сужение радиоэфира и в целом выхолащивание журналистских материалов сопровождалось полным замалчиванием

происходящих вокруг событий. Осенью 1937 г. Указом ВС СССР республика была территориально раздроблена, пять аймаков были выведены из ее состава и стали частью созданных Читинской и Иркутской областей. За этим последовали репрессии против руководства республики, практически парализовавшие хозяйственную и общественную жизнь в Бурятии, началось сворачивание достижений прежних лет в области радиофикации и радиовещания.

ВЫВОДЫ

В 1933–1937 гг. наметились серьезные положительные сдвиги в радиофикации и радиовещании Бурят-монгольской АССР. Становление регулярного вещания на всей территории республики сопровождалось введением в строй сельских радиоузлов, возрастало количество радиоточек, выправлялась ситуация в самом радиокомитете, развернувшем политическую пропаганду и художественное вещание на русском и бурятском языках. Ощутимые достижения в радиожурналистике омрачались нарастанием административно-бюрократического и цензурного контроля, начавшимися политическими репрессиями.

Список литературы

1. ГАРБ. Ф. Р. 475. [Текст]. – Оп. 9. – Д.9. – Л. 195.
2. ГАРБ Ф. Р. 298. [Текст]. – Оп. 2. – Д. 206. – Л. 13.
3. ГАРБ. Ф. Р. 298. [Текст]. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 25.
4. ГАРБ. Ф. Р. 298. [Текст]. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 20.
5. ГАРБ. Ф. Р. 298. [Текст]. – Оп. 2. – Д. 27. – Л. 26.
6. ГАРБ. Ф. Р. 298. [Текст]. – Оп. 2. – Д. 49. – Л. 16.
7. ГАРБ. Ф. Р. 298. [Текст]. – Оп. 2. – Д. 49. – Л. 13.
8. ГАРБ. Ф. Р. 248. [Текст]. – Оп. 11. – Д. 15. – Л. 357.
9. Голубев, Е. А. Радио – детище Октября [Текст] / Е. А. Голубев // Молодежь Бурятии.– 1979. – 7 мая.

10. Голубев, Е. А. В эфире бурятское радио [Текст] / Е. А. Голубев // Городская газета. – 2000. – 2 мая.
11. Горяева, Т. М. Радио: тотальный политический контроль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radioportal.ru/articles/1000/radio-totalnyi-politicheskii-kontrol>. – (Дата обращения: 20.03.2018).
12. Гуревич, П. С. Советское радиовещание [Текст] / П. С. Гуревич, В. Н. Ружников. – М.: Искусство, 1976. – 382 с.
13. Иминохоев, А. М. Город Верхнеудинск / Улан-Удэ в 1930-е г.: демографические процессы и численность населения [Электронный ресурс] / А. М. Иминохоев // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 3. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_22285.html: – (Дата обращения: 29.04.2018).
14. Кан, В. С. Организация радио в Тувинской Народной Республике в 1930-е гг. [Текст] / В. С. Кан // Омский научный вестник. – 2013. – № 3. – С. 52–56.
15. Кан, В. С. Тувинское радио: от приема центральных передач к собственному вещанию [Текст]: Люди и события Тувы: календарь-хронограф 2016 / В. С. Кан. – Кызыл, 2015. – С. 47–50.
16. 40 лет радиофикации Бурятии. 1926–1966 г. / Календарь знаменательных дат Бурятии. – Улан-Удэ, 1966. – 23 с.
17. Положение о Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК Союза СССР [Электронный ресурс] // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства за 1933 г. № 70. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/38000>. – (Дата обращения: 02.04.2018).
18. Радио: начало истории. К 120-летию: сб. науч. ст. [Электронный ресурс] / под ред. О. В. Тихоновой. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2017. – 214 с. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/47596643-Radio-nachalo-istorii-sbornik-nauchnyh-statey-k-120-letiyu-kafedra-televideniya-i-radioveshchaniya-moskva-2017> – (Дата обращения: 20.04.2018).

19. РГАФД. Обзор фондов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80afe9bwa.xn--p1ai/nauchno-spravochnyi-apparat/obzor-fondov/fond-1-gosteleradio-sssr.shtml> (Дата обращения: 29.04.2018).
20. СНК СССР. Постановление от 27 марта 1934 г. № 656 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [офиц. Web-сайт]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reqhtml>. – (Дата обращения: 31.03.2018).
21. Сухарева, В. В. Радио в СССР. Начало [Электронный ресурс] / под ред. О. В. Тихоновой.– М.: Ф-т журналистики МГУ, 2017.– Режим доступа: <http://docplayer.ru/47596643-Radio-nachalo-istorii-sbornik-nauchnyh-statey-k-120-letiyu-kafedra-televideniya-i-radioveshchaniya-moskva-2017>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
22. Тихонова, О. В. Российская радиожурналистика периода зарождения: специфика форм [Текст] / О. В. Тихонова // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 141–155.
23. Шагдарова, Б. Б. Журналистика Бурятии в первой половине XX в. [Текст] / Б. Б. Шагдарова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. – 160 с.
24. Шуркина, М. В. Периодизация истории алтайского радиовещания (1925–1991 гг.) [Электронный ресурс] / М. В. Шуркина // Сб. ст. – 2002. – Режим доступа: http://www.fmc.asu.ru/department/oso/nauk/pr_publ/pr_sbornik/pr2002/ (Дата обращения: 23.04.2018).

**BURYAT RADIO JOURNALISM OF THE PERIOD
OF REGULAR BROADCASTING FORMATION (1933–1937)**

Shagdarova B. B.

Summary. The article is studies the problem of periodization of local broadcasting as key factor in covering history of the radio journalism of Buryatia in 1933–1937. The stage of regular broadcasting formation has been marked by the creation of the Committee for Installation of Broadcasting System under the Soviet of People’s Commissars of Buryatia. The process of formation of the new channel of mass communication was slow. The installation of broadcasting system of smaller regions and works seriously lagged behind the

other, more economically developed regions. Weak in capacity broadcasting station PB-63 needed technical equipment. Interruptions in its work negatively affected the quality of local broadcasting materials. In 1934-1935 regional party committee together with the government of the republic drawn an attention to a poor state of affairs in roadcasting. The major document which purpose was the correction of the created situation had been accepted. The plan included allocation of considerable money for purchase of the equipped radio sets, and sixty thousand rubles were allocated into radio committee. Besides, it had been decided to invite ten professional engineers in the field of radio engineering to Buryatia. The drawn-up plans managed to be realized during 1935-1936. However political repressions at 1937 had struck a hard slap to the life of society, its consequences had extremely negatively affected a condition of the installation of broadcasting system and broadcasting of the republic.

Keywords: installation of broadcasting system, broadcasting, radio committee, department of radio, radio journalism, radio conversation.

References

1. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 475. In. 9. Arch.9. P. 195.
2. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 298. In. 2. Arch. 206. P.13.
3. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 298. In. 2. Arch. 27. P.25.
4. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 298. In. 2. Arch. 27. P.20.
5. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 298. In. 2. Arch. 27. P.26.
6. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 298. In. 2. Arch. 49. P.16.
7. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 298. In. 2. Arch. 49. P. 13.
8. GARB [State archive of the Republic of Buryatia]. F.R. 248. In. 11. Arch. 15. P. 357.
9. Golubev E. A. *Radio – Detishche Oktyabrya* [Radio as a Child of October]. *Molodezh Buryatii*, 1979, 7 maya.
10. Golubev E. A. *V Efire Buryatskoe Radio* [Buryat Radio On Air]. *Gorodskaya Gazeta*, 2000, May, 2.
11. Goryaeva T. M. *Radio: Totalnyi Politicheskii Kontrol* [Total Political Censorship on Radio]. Available at: <http://www.radiportal.ru/articles/1000/radio-totalnyi-politicheskii-kontrol> (accessed 20 march 2018).
12. Gurevich P. S. *Sovetskoe Radioveshchanie* [Soviet Broadcasting]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976. 382 p.
13. Iminokhoev A. M. *Gorod Verkhneudinsk / Ulan-Ude v 1930-e g.: Demograficheskie Protsessy i Chislennost Naseleniya* [Demographic Processes and Population in the City of Verkhneudinsk (Ulan-Ude) in 1930]. *Genesis: Istoricheskie Issledovaniya*,

2017. Available at: http://e-notabene.ru/hr/article_22285.html (accessed 29 april 2018).
14. Kan V. S. *Organizatsiya Radio v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v 1930-e gg.* [The Organization of Broadcasting in the Tuva People's Republic in 1930]. *Omskii Nauchnyi Vestnik*, 2013, no 3, pp. 52–56.
15. Kan V. S. *Tuvinskoe Radio: ot Priema Tsentralnykh Peredach k Sobstvennomu Veshchaniyu* [Development of the Tuva Radio from the Reception of the Central Radio to Own Broadcasting]. *Lyudi i Sobytiya Tuvy: Kalendar-Khronograf*, 2016, 2015, pp. 47–50.
16. *40 Let Radiofikatsii Buryatii. 1926 g.–1966 g.* [40 Years of a Radiofikation of Buryatia. 1926–1966.]. *Kalendar Znamenatelnykh Dat Buryatii*, 1966, 23 p.
17. *Polozhenie o Vsesoyuznom Komitete po Radiofikatsii i Radioveshchaniyu pri SNK Soyuzu SSSR* [The Provision on All-Union Committee on a Radiofikation and Broadcasting at the Government of the Union of the USSR]. *Sobranie Zakonov i Rasporyazhenii Raboche-krestyanskogo Pravitelstva za 1933 g*, no 70. Available at: <http://istmat.info/node/38000> (accessed 02 april 2018).
18. *Radio: Nachalo Istorii. K 120-Letiyu* [Radio: Beginning of History. To the 120 Anniversary]. *Sbornik Nauchnykh Statei*, 2017, 214 p. Available at: <http://docplayer.ru/47596643-Radio-nachalo-istorii-sbornik-nauchnyh-statey-k-120-letiyu-kafedra-televideniya-i-radioveshchaniya-moskva-2017.html> (accessed 20 april 2018).
19. *RGAFD. Obzor Fondov.* [Russian State Archive of Phonoduments. Review of Funds]. Available at: <http://xn--80afe9bwa.xn--plai/nauchno-spravochnyi-apparat/obzor-fondov/fond-1-gosteleradio-sssr.shtml> (accessed 29 april 2018).
20. Shagdarova B. B. *Zhurnalistika Buryatii v Pervoi Polovine XX veka* [Journalism of Buryatia in the First Half of the 20th century]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2013, 160 p.
21. Shurkina M. V. *Periodizatsiya Istorii Altaiskogo Radioveshchaniya (1925–1991 gg.)* [Periodization of the Altai Broadcasting History (1925–1991)]. *Sbornik Statei*, 2002. Available at:

- http://www.fmc.asu.ru/department/oso/nauk/pr_publ/pr_sbornik/pr2002/ (accessed 23 april 2018).
22. SNK SSSR. *Postanovlenie ot 27 Marta 1934 g. № 656* [Government of the USSR. Resolution of March 27, 1934]. *Konsultant plus*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reqhtml> (accessed 31 march 2018).
23. Sukhareva V. V. *Radio v SSSR. Nachalo* [Radio in the USSR. The Beginning]. *Sbornik Nauchnyh Statei*, 2017. Available at: <http://docplayer.ru/47596643-Radio-nachalo-istorii-sbornik-nauchnyh-statey-k-120-letiyu-kafedra-televideniya-i-radioveshchaniya-moskva-2017.html> (accessed 25 april 2018).
24. Tikhonova O. V. *Rossiiskaya Radiozhurnalistika Perioda Zarozhdeniya: Spetsifika Form* [Specifics of Radio Programs of the Period of Formation of Radio]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2017, v. 22, no 1, pp. 141–155.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.091(=512.145)

ДЕЯТЕЛИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РУМЫНСКАЯ ДИАСПОРА

Бекирова О. В.

Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Россия
E-mail: lennur@list.ru

Крымско-татарская эмиграционная литература в целом и ее раздел, касающийся румынской диаспоры в частности, до сих пор не выступали предметом комплексного, детального исследования со стороны отечественных тюркологов. Ряд факторов – удаленность региона, прерванные связи, отсутствие поддержки на государственном уровне – препятствовал научной работе в этой области. Статья ставит целью изучить условия формирования и развития эмиграционной литературы крымских татар непосредственно в Румынии и обозначить основных ее представителей. Кроме того, впервые дается обобщенный анализ актуальных зарубежных и отечественных источников по теме, указываются деятели культуры, чье творчество по определенным причинам осталось за пределами исследований, имевших место ранее.

Ключевые слова: диаспора, Румыния, крымско-татарская зарубежная литература, Добруджа, «Эмель».

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос периодизации и определения основных представителей крымско-татарской зарубежной литературы до сих пор остается открытым. И конкретно литература румынской диаспоры в этом плане является наименее изученной, чему есть множество исторических и социальных причин. Наша статья ставит целью подвергнуть анализу литературную деятельность представителей диаспоры крымских татар, проживающих на территории современной Румынии, и обозначить всех тех, чье творчество по достоинству оценено литературными критиками или же, наоборот, на данный момент известно лишь узкому кругу читателей, но, бесспорно, заслуживает внимания широкой читательской аудитории.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Первые попытки комплексного анализа зарубежной крымско-татарской литературы со стороны отечественных исследователей можно найти в статьях и учебных пособиях ряда авторов, как то: Ю. Алиев «Четэль Къырым миллий эдебиятына бир назар» [1], Э. Э. Къуртумеров «Къырымтатар иджрет эдебияты» [5; 6; 7], Р. Фазылов «Къырымтатар эдебияты тарихы. Къыскъа бир назар» [9].

Данные исследователи, однако, не выделяют представителей той или иной диаспоры в отдельную группу, поскольку многие поэты, писатели, драматурги, пребывая в изгнании, неоднократно меняли место своего пребывания. Например, Мемет Севдияр родился и вырос в Крыму, позднее жил в Румынии, Италии, где активно публиковал статьи, затем переехал в Турцию, с единомышленниками издавал там газету «Къырым» и, наконец, обосновался в США [9, с. 599–600].

Мемет Вани Юртсевер родился и вырос в Добрудже, Румыния, стоял у истоков газеты «Эмель», написал и поставил ряд пьес («Къартман джаш арасында», «Той», «Оделек», «Къуртулыш байрамы», «Тылсымлы джымырта»), но по причине преследований со стороны румынских властей, отбыв тюремное заключение, вынужден был с семьей переехать в Турцию, где и прожил оставшиеся 23 года, продолжая писать (драма «Суюмбике», пьеса «Сенмеген атеш», книги воспоминаний «Романия джеза эвлеринден», «Аятым» и еще ряд прозаических произведений) [7, с. 68].

И подобных примеров немало, четкая соотнесенность представителей диаспоры с той или иной литературой часто не представляется возможной.

В учебном пособии «Къырымтатар иджрет эдебияты», составленном рядом авторов (Э. Э. Къуртумеров, Т. Б. Усеинов, А. М. Харахады) [5], выделяются 19 представителей крымско-татарской зарубежной литературы, 11 из них с уверенностью можно отнести к румынской диаспоре, основываясь на географическом признаке: они или родились на территории Добруджи, точнее, той ее части, что с 1940 года входит в состав Румынии, или же находились здесь в течение продолжительного периода. Это Мемет Ниязи, Салиха Аджы Фазыл

(Мемет), Неджип Аджи Фазыл, Мемет Вани Юртсевер, Исмаил Зиядин, Абдулла Вели Шуайып, Энвер Мамут, Невзат Юсуф, Мемедемин Яшар, Алтай Керим, Аджемин Баубек.

Зарубежные авторы, в частности турецкие и румынские, имея свободный доступ к биографическим данным и творчеству литературных деятелей Балканского полуострова, называют большее количество представителей литературной диаспоры – 24 (Яле Исмаилова «Romanya'da türk edebiyatı ve temsilcileri» – «Тюркская литература Румынии и ее представители», 2010 [13; 14], Назлы Айташ «Romanyada Türk Edebiyatı» – «Тюркская литература в Румынии», 2017 [10]), однако выводы их касаются «тюркских» авторов в широком смысле, хотя доминирование в данной литературной среде крымских татар является для них вполне очевидным.

К вышеперечисленным представителям литературной диаспоры зарубежные исследователи добавляют следующие имена: Эмель Эмин, Иса Халим Юсуф, Амет Исмаил Даут, Атилла Эмин, Экрем Менлибай, Аджи Амет Джемал, Фатма Садых, Мустафа Али Мемет, Джеват Рашит, Гюльтен Абдулла, Нериман Ибраим, Пирае Кадри-заде, Неджибе Шукури и Февзи Омер.

Наиболее детальным исследованием деятельности исключительно крымскотатарской литературной диаспоры в Румынии на настоящий момент является двухтомник «Romanya Türk-Tatar Edebiyatı» («Румынская турецко-татарская литература») доктора Недрет Али Махмут [16]. Первый том данного издания посвящен поэзии и прозе, второй же охватывает драматургию. В этой работе, однако, наряду с румынскими крымско-татарскими авторами даются литераторы, никакого отношения к Румынии не имеющие, как, например, Исмаил Гаспринский, Амди Гирайбай, Номан Челебиджихан, Бекир Чобанзаде, но не упоминаются такие представители диаспоры, как Иса Халим Юсуф, Экрем Менлибай, Пирае Кадри-заде, Мустафа Али Мемет, Неджибе Шукури, Фатма Садых, Нериман Ибраим.

Автором двухтомника проделана огромная работа по сбору иллюстративного материала и библиографических данных, а отсутствие вышеназванных поэтов и

писателей в составе издания объясняется прежде всего недостаточным количеством публикаций их трудов на момент составления книги. Пирае Кадризаде, к примеру, передала свои рукописи для публикации гораздо позднее, а полный сборник ее произведений, переводов и мемуаров вышел только в 2012 году в Турции. Неджибе Шукури смогла опубликовать первый сборник стихотворений лишь в 1999 году, а Нериман Ибраим больше известна как публицист, автор рубрик «Meşur Hatunlar» («Знаменитые женщины») и «Örnek Analarımız» («Выдающиеся матери») в газете «Kadınlar Dünyası» («Женский мир»), издающейся на крымско-татарском языке. Сборник ее стихотворений «Sevez tereği» («Ореховое дерево») увидел свет в 2003 году, т. е. через четыре года после издания двухтомника «Romanya Türk-Tatar Edebiyatı» доктора Недрет Али Махмут.

Проблема сбора иллюстративного материала, необходимого для комплексного анализа литературы крымско-татарской диаспоры Румынии и обозначения основных ее представителей, является, пожалуй, наиболее трудноразрешимой для тюркологов, как отечественных, так и зарубежных. Трудность заключается не столько в географической удаленности исследуемых материалов. Если деятельность Мемета Нияза, Неджип Аджи Фазыла, Исмаила Зияэтдина находила отражение на страницах сборника «Emel» («Стремление»), вышедшего с 1930 по 1940 годы, то послевоенный период, вплоть до 80-х годов, характеризуется печальным молчанием. Литературная деятельность не останавливалась, но плоды ее, к глубокому сожалению, уничтожались безвозвратно.

Виною тому и Вторая мировая война, и преследования коммунистического режима Румынии. Много рукописей Неджип Аджи Фазыла было уничтожено после ареста, от поэтического творчества Салихи Аджи Фазыл осталась лишь тетрадь, бережно хранимая родственниками, – все остальное погибло.

Отдельные сборники произведений конкретных авторов начали издаваться лишь в самом конце XX – начале XXI веков. Большую поддержку малоизвестным поэтам оказывал при этом Алтай Керим: благодаря его участию начала

публиковаться Неджибе Шукури, с его помощью Хаджи Амет Джемал издал сборник стихотворений «Derya kadar sewda» («Любовь как море»). До тех пор поэты и прозаики могли печататься лишь на страницах журнала «Renkler» («Цвета»). И то это касалось лишь произведений малого жанра, поскольку формат издания не предусматривал публикацию объемных произведений, к тому же журнал выходил достаточно редко. Давать оценку творчеству поэта, говорить о языке, жанровом своеобразии его произведении, основываясь лишь на 2–3 стихотворениях, не представлялось возможным.

В наших руках находится уже большой объем иллюстративного материала, включающего в себя издания журналов «Renkler», газет «Karadeñiz» («Черное море») – более 30-ти номеров за 2013–2016 годы, отдельные авторские публикации, сборники стихотворений и рассказов, рукописи.

Исходя из всего сказанного, основываясь на исследованиях отечественных и зарубежных тюркологов, принимая во внимание имеющиеся на сегодняшний день публикации, мы можем выделить 28 представителей крымско-татарской литературной диаспоры Румынии.

Достаточно сложно оценивать творчество поэтов, пишущих на румынском языке (доктор Недрет Али Махмут называет три имени: Сеитабла Рустем, Аджи Амет Джемал и Амет Аледин) [16, с. 389–393]. Вопрос соотносительности их творчества с крымско-татарской эмиграционной литературой остается открытым, ведь языковой фактор в данном случае является, пожалуй, решающим и определяющим. Однако однозначно невозможно отрицать этническую принадлежность авторов, их ментальность, сформировавшуюся непосредственно в среде соотечественников, пропитанной любовью к далекой и недостижимой Родине. И если мысли свои они излагают на румынском языке, то сам образ мышления, форма изложения, тематика произведений идет вразрез с традиционно румынскими канонами.

Например, тема моря румынской литературе практически не свойственна. Процесс формирования Румынии в качестве государства пришелся на середину XIX века и выразился в объединении дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

Дунай при этом служил своеобразной границей, отделяющей леса и горы Валахии, где и проживало автохтонное население, ставшее впоследствии основой румынской народности, от степей Добруджы, заселенных преимущественно тюркскими народами. За участие в русско-турецкой войне Румыния получает Добруджу и выход к морю [8, с. 114–116]. Но названные территории продолжали оставаться по сути тюркскими, Констанца, главный торговый порт Румынии, равно как и одноименная провинция, – основная территория проживания крымских татар и турок [12, с. 134]. Море не вызывало и не вызывает таких ярких эмоций у румын, с Черным морем не связана их история, их традиции. Тогда как в творчестве всех крымско-татарских поэтов, вне зависимости от того, на каком языке они пишут, тема моря является одной из доминирующих.

Наше исследование не затрагивает деятельности публицистов. Наиболее известный из них, пожалуй, Мустеджип Улькасал, юрист, один из основоположников журнала «Emel», автор многочисленных статей, в ней публиковавшихся, как то: «Инсаниет ве миллет» (1930, № 1), «Миллет амиллери» (1930, № 2, 3, 5, 14, 15), «Тюрк ве тюркчилик» (1930, № 8–12), «Челебиджиан ве большевиклер (1933, № 3), «Къзурултай насыл топланды» (1937, № 11) и др. [9, с. 595–596].

Публицисты Мустафа Али Мемет и Нериман Ибраим включены в список поэтов и писателей румынской диаспоры, несмотря на то, что художественное творчество не является в их деятельности доминирующим. Профессор Мемет – автор множества статей, посвященных месту тюркских народов в истории Румынии, но также и поэт, на которого обратил внимание Аджемин Бавбек, опубликовав его стихотворения в сборнике «Turk Dili Metinleri Antolojisi» («Антология текстов на турецком языке»), город Бухарест, 1993 год. Нериман Ибраим, как уже отмечалось выше, ведет в газете «Kadınlar Dünyası» рубрику, посвященную выдающимся крымско-татарским женщинам, она еще с детства увлекается написанием стихотворений на родном языке.

В целом же, можно с уверенностью заявлять о том, что литература крымско-татарской диаспоры в Румынии не замерла и не прекратила свое существование,

она продолжает развиваться, открыта новым веяниям и тенденциям, а главное – способна явить миру талантливых поэтов и писателей, имена которых пока малоизвестны широкому кругу читателей.

ВЫВОДЫ

Условия формирования и развития литературы крымских татар в Румынии не были однозначно благоприятными, периоды максимальной активности – издание журналов «Emel», «Renkler», яркие художественные произведения – сменялись гнетущим затишьем, преследованиями и гонениями со стороны румынских властей. Эти факторы, а также политические изменения на карте Европы значительно затрудняют работу по определению основных деятелей крымско-татарской литературной диаспоры в конкретном регионе. Результаты исследований отечественных тюркологов позволяют выделить 19 представителей зарубежной литературы, 11 из которых с уверенностью можно отнести к румынской диаспоре, основываясь на географическом признаке. Зарубежные тюркологи, в частности турецкие и румынские, имея свободный доступ к биографическим данным и творчеству литературных деятелей Балканского полуострова, называют большее число представителей диаспоры – 24. Наше исследование доводит их количество до 28. При этом достаточно сложно оценивать деятельность публицистов и творчество поэтов, пишущих на румынском языке.

Проблема сбора иллюстративного материала, необходимого для комплексного анализа литературы крымско-татарской диаспоры Румынии и обозначения основных ее представителей, является, пожалуй, наиболее трудноразрешимой.

Тем не менее имена 28-ми поэтов и писателей, чей вклад в литературу не только Крыма, но и Турции, Румынии очевиден, свидетельствуют о значительности достижений культуры крымских татар в эмиграции. И хотя анализ ее представляет определенную сложность в связи с географической удаленностью исследуемого региона и труднодоступностью материала, работа в

этом направлении выступит важным элементом, способствующим целостному восприятию литературы крымских татар вне времени и границ.

Список литературы

1. Алиев, Ю. Четэль Къырым миллий эдебиятына бир назар [Текст] / Ю. Алиев. – Симферополь: Къырымдевет окъув-педагогика нешрияты, 2007. – 56 с.
2. Керим, И. А. Бухарест университетинде къырымтатар тили болжунинь къыска тарихи [Электронный ресурс] / И. А. Керим. – Режим доступа: tatkonvolut.at.ua/publ/folklor/kerim_i_a_bukharest_universitetinde_kyrymtatar_tili_boljuginin_kyska_tarikhi/10-1-0-100 (Дата обращения: 24.09.2017).
3. Керимов, И. А. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг.: Пособие для учеников старших классов средних школ и студентов вузов специальности «Крымскотатарский язык и литература» [Текст] / И. А. Керимов. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. – 324 с.
4. Тасин, Джемиль. Татары Добруджи и Буджака [Текст] / Джемиль Тасин // Золотоордынское обозрение, 2013. – № 1. – С. 164–176.
5. Къуртумеров, Э. Э. Къырымтатар иджрет эдебияты. Окъув къулланмасы [Текст] / Э. Э. Къуртумеров, Т. Б. Усеинов, А. М. Харахады. – Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 2002. – 256 с.
6. Къуртумеров, Энвер. Иджреттеки эдебиятымыз тарихына къыска бир назар [Текст] / Э. Къуртумеров // Йылдыз. – 2005. – № 6. – С. 129–136.
7. Куртумеров, Э. Э. Развитие жанра пьесы в крымскотатарской эмигрантской литературе [Текст] / Э. Э. Куртумеров // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1, ч. 1. – С. 218–224.
8. Сейдаметов, Э. Х. Эмиграция крымских татар из Добруджи на территорию Османской империи в 1878–1912 гг. [Текст] / Э. Х. Сейдаметов // Культура народов Причерноморья, 2012. – № 233. – С. 114–116.

9. Фазылов, Р. Къырымтатар эдебияты тарихы. Къыскъа бир назар [Текст] / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
10. Aytaş Nazlı. Romanya'da Türk Edebiyatı [Электронный ресурс] / Aytaş Nazlı. – Режим доступа: <https://www.zihni.org/2017/04/03/romanya-turk-edebiyati/> (дата обращения: 24.09.2017).
11. Cурсеа Adriana. Asserting ethnicity: the Tatars from Dobruja (Romania) / Adriana Cурсеа // Working papers in romanian minority studies, 2016. – № 63. 40 p.
12. Eminov Ali. Turks and Tatars in Bulgaria and the Balkans / Ali Emirov // Nationalities Papers, 2000. – Vol. 28. No. 1. С. 134.
13. İsmayilova J. Romanya'da Türk edebiyati ve temsilcileri / J. Ismayilova // TSA, 2010. – Yil: 14. S:1. S. 173–185.
14. İsmayilova J. Romanya'da Türk halklari edebiyati. Literature of the Turkish people in Romania / J. Ismayilova // Karadeniz, 1997. – № 5. S. 173–185.
15. Kadrizade P. Kırım – Romanya. İki Ülke: Yitik Vatan (Hatıralar. Şiirler. Tercümelер) / P. Kadrizade. –Ankara: Teknik Hazırlık, 2012. – 365 с.
16. Mahmut Nedret Ali. Romanya Türk-Tatar Edebiyatı: 2 к. / Nedret Ali Mahmut. – Köstence: Editura Europolis, 2000. – К. 1. 467 с.; К. 2. 283 с.
17. Önal Mehmet Naci. Romanya Türklerinin Günümüz Edebiyatı / Mehmet Naci Önal. – Ankara: Türk Dünyası Dil ve Edebiyatı Dergisi, TDK Yay., 1997. – S.4, 15–39.
18. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi: 32 ciltta [Genel redaktör Nevzat Kösoğlu]. – Ankara, 12 с.: Romanya ve Gagavuz Türk Edebiyatı, 1999. – 600 с.

PERSONALITIES OF CRIMEAN TATAR FOREIGN LITERATURE:

ROMANIAN DIASPORA

Bekirova O. V.

Summary. The Crimean Tatar foreign literature in general, and its section concerning the Romanian diaspora, in particular, has not been a subject of a complex, detailed research from domestic specialists in the Turk languages yet. A number of factors, like remoteness of the region, the interrupted communications, lack of support at the state level, have hindered the scientific researches in this area. The purpose of this article is to study conditions of formation and development of foreign literature of the Crimean Tatars

directly in Romania and to point out its main representatives. Besides, the generalized analysis of the relevant foreign and domestic sources on the subject is given for the first time. The main representatives of cultural elite, whose activity for certain reasons remained outside the earlier researches, are specified.

Keywords: diaspora, Romania, Crimean Tatar foreign literature, Dobrudja, *Emel*.

References

1. Aliev Yu. Четэль Къырым миллий эдебиятына бир назар [Review of the Crimean Tatar National Literature]. Simferopol, Къырымдевет окъув-педагогика нешрияты, 2007, 56 p.
2. Aytaş Nazlı. Romanya'da Türk Edebiyatı. Available at: <https://www.zihni.org/2017/04/03/romanya-turk-edebiyati/> (date of access: 24.09.2017).
3. Kerim I. A. Bibliograficheskii Ukazatel Pechatnykh Knig, Statei i Proizvedenii na Krymskotatarskom Yazyke: 1618–1944 gg. [Bibliographical Index of Printed Books, Articles and Works in the Crimean Tatar Language: 1618–1944]. Simferopol, Simferopolskaya Gorodskaya Tipografiya, 324 p.
4. Cupcea Adriana. Asserting Ethnicity: the Tatars from Dobruya (Romania). Working Papers in Romanian Minority Studies, № 63, 2016, 40 p.
5. Eminov Ali. Turks and Tatars in Bulgaria and the Balkans. Nationalities Papers, 2000, Vol. 28. No. 1, 134 p.
6. Fazylov R. Къырымтатар эдебияты тарихы. Къыскъа бир назар [The Crimean Tatar Literature. Short Overview]. Simferopol, Къырымдевет окъув-педагогика нешрияты, 2001, 640p.
7. İsmailova J. Romanya'da Türk Halkları Edebiyatı [Literature of the Turkish People in Romania]. Karadeniz Publ., 1997, № 5, pp. 173–185.
8. İsmailova J. Romanya'da Türk Edebiyatı ve Temsilcileri. TSA, 2010, Yıl: 14. S:1, pp. 173–185.
9. Kerim I. A. Бухарест университетинде къырымтатар тили болюгининъ къыскъа тарихи. [Short History of the Crimean Tatar Language Faculty in the University of Bucharest]. Available at: tatkonvolut.at.ua/publ/folklor/

- kerim_i_a_bukharest_universitetinde_kyrymtatar_tili_boljuginin_kyska_tarikhi/
10-1-0-100 (дата обращения: 24.09.2017).
10. Kadrizade P. Kırım – Romanya. İki Ülke: Yitik Vatan (Hatıralar. Şiirler. Tercümeleler). Ankara, Teknik Hazırlık Publ., 2012, 365 p.
 11. Kurtumerov J. Иджреттеки эдебиятымыз тарихына кыска бир назар [Short Overview of Our Foreign Literature's History]. Ыылдыз, 2005, № 6, pp. 129-136.
 12. Kurtumerov J. Къырымтатар иджрет эдебияты. Окъув къуланмасы [Crimean Tatar Foreign Literature. Textbook]. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 2002, 256 p.
 13. Kurtumerov J. Razvitie Zhanra Piesy v Krymskotatarskoi Emigrantskoi Literature [Development of the Play Genre in the Crimean Tatar Foreign Literature]. Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Seriya Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii, Vol. 26 (65), № 1. P. 1, pp. 218–224.
 14. Mahmut Nedret Ali. Romanya Türk-Tatar Edebiyatı: 2 books. Köstence: Editura Europolis Publ, Book 1: 467 p. Book 2: 283 p.
 15. Önal Mehmet Naci. Romanya Türklerinin Günümüz Edebiyatı. Ankara, Türk Dünyası Dil ve Edebiyatı Dergisi, TDK Yay, 1997, P. 4, pp. 15–39.
 16. Seidametov E. Kh. Emigratsiya Krymskikh Tatar iz Dobrudzhi na Territoriyu Osmanskoi Imperii v 1878–1912 gg. [Emigration of the Crimean Tatars from Dobrudja to the Ottoman Empire in 1878-1912]. Kultura narodov Prichernomor'ya, 2012, № 233 pp. 114–116.
 17. Tasin Dzhemil. Tatary Dobrudzhi i Budzhaka [Tatars of Dobrudzha i Budzhak]. Zolotoordynskoe Obozrenie, 2013, № 1, pp. 164–176.
 18. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. 32 ciltta [Genel redaktör Nevzat Kösoğlu]. Ankara: Romanya ve Gagavuz Türk Edebiyatı, 1999, 600 p.

УДК 81'272

РЕСПУБЛИКА КРЫМ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ЛИНГВОРЕГИОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лановая Т. В.

Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Республики Крым «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования»,
Симферополь, Россия
E-mail: lanovaya.tatyana@gmail.com

В данной статье Республика Крым рассматривается как особый лингворегион Российской Федерации, который обладает рядом уникальных особенностей, отличающих его от других субъектов Российской Федерации. Свообразие региона вызвано как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами (территориальное расположение, биологическое разнообразие, демографические факторы, смена государственного строя и власти и некоторые другие), которые подробнее рассмотрены в статье. Одной из особенностей региона является языковая ситуация, сложившаяся в Республике Крым после присоединения полуострова к Российской Федерации в марте 2014 года, а также изменение в номинативной системе русского языка, функционирующего на полуострове.

Раскрыты факторы, определяющие использование русского языка на полуострове во всех функциональных стилях, рассмотрен процесс взаимовлияния государственной и республиканской языковой политики. Представлена нормативная база функционирования русского языка в Крыму. Специфика языковой ситуации в Республике Крым показана в контексте особенностей функционирования русского языка в России. Отмечено, что региональная специфика русского языка в Крыму требует дальнейшего изучения с целью лексикографирования. Обосновывается лингвокультурная специфика крымских номинативных единиц, отражающих специфические для региона реалии.

Ключевые слова: русский язык, лингворегион, Республика Крым, система номинаций, языковая ситуация.

ВВЕДЕНИЕ

Комплексное изучение социолингвистических проблем является актуальным и перспективным направлением современной отечественной лингвистики. Так, термин *лингворегион* активно используется лингвистами Приенисейской Сибири для описания всевозможных языковых особенностей данного региона, в частности языковой ситуации как важнейшего компонента при изучении особенностей функционирования любого языка.

В современном языкознании существует множество определений *языковой ситуации*. В данном случае мы используем термин в понимании Никольского Л. Б: «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей,

обслуживающих общине в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [11, с. 79].

Сегодня в лингвистике активно развивается лингворегиональное направление, о чем свидетельствуют появление исследований в этой сфере и попытки лингвистов найти наиболее точный термин (региональная лингвистика, лингворегионалистика, лингвокраеведение, лингворегионоведение, лингворегиология), описывающий сущность дисциплины и ее основных понятий (Кадоло Т. А., Новикова Т. Ф., Оглезнева Е. А., Резвухина Ю. А., Рянская Э. М., Горохова Е. А., Юнаковская А. А. и др.).

Изучение особенностей функционирования русского языка на крымском полуострове является одной из центральных и первоочередных задач крымских лингвистов (Богданович Г. Ю., Дорофеев Ю. В., Забашта Р. В., Рудяков А. Н., Халитова Г. А., Эмирова А. М. и мн. др.). В фокусе внимания исследователей до 2014 г. находились вопросы, связанные с государственной и региональной языковой политикой, языковой ситуацией, украинско-русским билингвизмом, этнокультурной и межкультурной ситуацией, функционированием суржика, украинско-русско-крымско-татарским трилингвизмом, изучением русского и крымско-татарского языков в школе и т. д.

Комплексное изучение этих вопросов является необходимым компонентом описания социолингвистической ситуации в регионе.

Данные вопросы относятся к области социолингвистических и лингвокультурологических исследований, поэтому мы опирались на теоретические положения, изложенные в работах отечественных и зарубежных лингвистов: Алпатов В. М., Беликова В. И., Виноградова В. В., Красных В. В., Крысина Л. П., Протченко И. Ф., Швейцера А. Д., Шмелева А. Д., Хаугена Э. и др.

Крымский полуостров, являясь полилингвокультурным регионом (термин Богданович Г. Ю. [2]), предлагал разнообразный исследовательский материал для украинских и российских ученых (Дель Гаудио С., Кошман И. Н., Старченко Р. А. и др.).

Актуальность. На современном этапе крымской русистики изучение данных вопросов актуализируется в связи с принятием Республики Крым в состав

Российской Федерации и опубликованием результатов Переписи населения в Крымском федеральном округе (2014 г.) [16].

В связи с включением Республики Крым и города Севастополя в состав России коренным образом изменились статус основных языков Крыма и языковая ситуация в целом. Статьей 3 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов установлены государственные языки Республики Крым: русский, украинский и крымско-татарский. Данное изменение стало ключевым в социолингвистической ситуации региона.

Для Республики Крым и Севастополя проблема языковой политики – не только компонент языковой ситуации, но и важный вопрос самоидентификации крымчан, вопрос ментальности, культуры и сопричастности к языковому пространству России.

Целью статьи является анализ функционирования русского языка в Республике Крым, в частности особенностей языковой ситуации, своеобразия номинативной сферы, а также причин, позволяющих рассматривать Республику Крым как уникальный лингворегион Российской Федерации.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

На сегодня в регионе существует достаточная нормативно-правовая база, регулирующая статус и особенности функционирования языков в регионе. Это Конституция Республики Крым от 11.04.2014, Закон Республики Крым «Об образовании в Республике Крым» от 06.07.2015 № 131-ЗРК/2015 и другие, однако еще не принят Закон о языках в Республике Крым. Таким образом, главной отличительной особенностью языковой политики и языковой ситуации в Республике Крым, в отличие от Автономной Республики Крым, является наличие трех языков, имеющих статус государственных.

По данным Переписи населения, в Крыму проживает 175 этносов, что и заставляет лингвистов говорить об этнокультурной ситуации, так как количество и многообразие национальностей в регионе создает особую лингвистическую карту, культурную картину и имидж региона.

Несмотря на многообразие языков и их диалектов, активное взаимодействие происходит между тремя основными языками региона: русским, украинским и крымско-татарским. Так, особенностью функционирования украинского языка в регионе до 2014 года было наличие у него статуса единственного государственного языка, что обуславливало его обязательное изучение в школе и преобладание во всех официальных сферах. Отметим, что украинцы – второй по численности этнос в Крыму. Большинство крымчан являются представителями приобретенного билингвизма. Кроме того, украинцы, для которых русский язык не был родным, в полной мере овладели им. Все это объясняет различные формы проявления взаимодействия языков в регионе. Сегодня, несмотря на статус государственного, украинский язык не участвует в официально-деловой сфере и сместился в область бытового общения. Результатом билингвизма и взаимодействия языков является большое количество украинизмов в современной устной и письменной русскоязычной речи крымчан. Напр.: *борщ, буряк, ненька, забобон, смаженина, мова, богатоциональный, хвороба* и др.

Особенностью функционирования крымско-татарского языка является значительное увеличение внимания к языку и создание условий для его развития [17]. Как и до 2014 года, который является краеугольным в описании языковой ситуации в регионе, языковые элементы крымско-татарского языка адаптируются и встраиваются в языковую систему русского языка. Данное приспособление происходит на фонетико-графическом, грамматическом и семантическом уровне. Проанализировав различные устные и письменные источники, мы можем отметить наличие разнообразных вариантов написания слова, что демонстрирует попытку отразить отличное от русского языка произношение; неправильное согласование в основных грамматических категориях; неточное словообразование, представляющее собой смесь крымско-татарских и русских аффиксов (*бабашка, бабашечка* – отец; *кубэтэ/кубете/кубетэ/кобете* и др.).

События весны 2014 года, конечно же, в первую очередь отразились на состоянии русского языка. Особенность крымской ситуации в том, что начиная с переписи населения 1926 года до настоящего времени русский язык является

преобладающим родным языком среди жителей Крыма. Именно поэтому языковой вопрос в Крыму стоял так остро до воссоединения с Российской Федерацией. Русский язык после получения статуса государственного языка перестал испытывать воздействие со стороны украинского языка.

Отметим, что, несмотря на то, что город Севастополь территориально относится к Крымскому полуострову, в плане языковой ситуации исторически имеет существенные отличия от общекрымской.

Сегодня, анализируя особенности функционирования русского языка в Республике Крым, Забашта Р. В. выделяет несколько факторов, обуславливающих регионализацию русского языка в Крыму: «1) межъязыковое взаимодействие (прежде всего русско-украинское и русско-крымско-татарское), 2) влияние южнорусской языковой стихии, 3) культурно-историческая архитектура региона, 4) территориально-административное своеобразие, 5) культурно-психологическая значимость определенных концептов для носителей русского языка Крыма» [4, с. 18].

Основываясь на типологических признаках, выделенных в научной литературе, можем схематично охарактеризовать языковую ситуацию Республики Крым [10, с. 160].

В нашей статье, посвященной некоторым аспектам языковой ситуации в Крыму, применив термины описания типов языков в зависимости от выполняемых ими функций, мы определили, что русский язык на полуострове является государственным языком, используется в официально-деловом общении, активно применяется в системе образования, медицинской сфере, вооруженных силах и т. д.; используется в качестве лингва-франка, так как является языком-посредником в актах внутри- и внешнегосударственного межъязыкового общения; является языком обучения во всех типах образовательных организаций; школьный предмет наряду с другими дисциплинами [9].

Типологический признак языковой ситуации	Языковая ситуация в Республике Крым
<i>Количество языков, составляющих ЯС</i>	Экzogлоссная несбалансированная языковая ситуация. Трехкомпонентная
<i>Процент населения, говорящего на каждом из языков</i>	Демографически неравновесная: русский язык родной для 81,6 % населения, украинский – 3,5 %, крымско-татарский – 9,3 %, татарский – 4 %. Русским владеет 99,8 % населения, украинским – 22 %, крымско-татарским – 4 %
<i>Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языком</i>	Коммуникативно несбалансированная: русский язык доминирует во всех сферах, функционирование украинского и крымско-татарского языков ограничено сферой бытового общения
<i>Юридический статус языков, составляющих ЯС</i>	Русский, украинский и крымско-татарский являются государственными языками.
<i>Степень генетической близости языков, составляющих ЯС</i>	Неродственное двуязычие: русский и крымско-татарский язык (гетерогенная и гетероморфная ЯС). Родственное двуязычие: русский и украинский язык (гомогенная и гомоморфная ЯС)

В своей работе мы исходим из того, что главными компонентами уникальности Крымского региона, в том числе в сложившейся языковой ситуации, является сочетание ряда факторов, обусловивших заселение и освоение полуострова, взаимодействие различных языков и культур, в частности эндемичных (например, язык и культура крымских татар, караимов др.), исторические события всероссийского и мирового значения, имидж региона и др. Перечислим и кратко охарактеризуем основные факторы, непосредственно повлиявшие на формирование уникальности Крыма как лингвистического региона.

Территориальные, или биолого-географические: принадлежность Крымского полуострова к Восточной Европе; наличие двух морей (Черного и Азовского); 257 рек, свыше 50 соленых озер, мягкий климат (умеренный, умеренно-континентальный, субтропический); наличие гор; разнообразие флоры и фауны (всего более 2,5 тысяч видов, множество эндемичных видов).

В русском и особенно крымско-татарском языке широко представлены специфически крымские топонимы: *Ай-Петри, Демерджи, Чатыр-Даг, Чуфут-Кале* и др.

Исторические причины: заселенность Крыма в античные времена, строительство пещерных городов и крепостей, благодаря наличию «мягких» известняковых пород в скалах, Неаполь Скифский (древний город, крепость скифов, столица государства), Херсонесское государство, Боспорское царство, княжества Феодоро, Кырк-Орское и др.

Геополитические причины. Республика Крым – это пример беспрецедентно быстрой ненасильственной смены государства, к которому относится территория полуострова, а также самой формы государственного управления данной территорией и ее статуса. Таврическая губерния – Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика – Крымская АССР – Крымская область РСФСР – Крымская область УССР – Крымская АССР в составе УССР –

Республика Крым в составе Украины – Автономная Республика Крым – Республика Крым.

В региональной ономастической картине мира крымчан сохранены следы данных социальных и историко-политических преобразований. В первую очередь речь идет о топонимах, которые бережно сохраняют следы царской, советской и украинской, а с марта 2014 года и новейшей российской истории.

Следовательно, своеобразие Республики Крым при сопоставлении с другими субъектами Российской Федерации заключается не только в многонациональности региона, но и в быстрой смене государственного строя за последние тридцать лет, то есть отсчет в да в данном случае ведется в рамках десятилетий, а не столетий, как обычно в истории.

Демографические причины. Данный фактор является следствием историко-социального развития Крыма. По данным историков, антропологов, крымоведов, в Крыму проживали скифы, сарматы, тавры, киммерийцы, греки, готы, гунны, аланы, византийцы, греки, печенеги, хазары, генуэзцы и многие другие.

По данным крымской переписи населения 2014 г., количество постоянно проживающих в регионе составило 2284,8 тыс. человек. Самыми крупными этносами являются русские, украинцы, татары, белорусы, армяне, азербайджанцы, узбеки, молдаване, евреи, корейцы, греки, поляки, чуваша, болгары, немцы, мордва, грузины, турки, марийцы и т. д. [16]. Важной чертой крымской демографической, этнокультурной и языковой ситуации является наличие в регионе уникальных этносов, сформировавшихся в Крыму: *крымские татары, крымские готы, крымчаки, караимы, урумы* и др.

Культурологический и этнографический факторы тесно взаимосвязаны с национальным составом региона. Каждый народ является носителем культуры, характеризующейся особым мировоззрением, бытом, традициями, обрядами, праздниками: *хадырлез, куреш, феска, кушак, вышиванка, нишах, никях* и т. д.

Лингвистический фактор. Является следствием всех вышеназванных причин и результатом проводимой в регионе языковой политики (в первую очередь речь идет о билингвизме).

Как известно, любые изменения в общественной, политической, культурной жизни общества находят отражение в номинативной сфере языка. Современная отечественная лингвистика пересмотрела взгляды на сущность понятий *региональная единица, региональные особенности языка, региональный язык*. Беликовым В. И., Бубновой Н. В., Ерофеевой Т. И., Новиковой Т. Ф., Оглезневой Е. А., Поповой Т. В., Рублевой О. С., Рянской Э. М., Тороховой Е. А. и многими другими ведется работа по уточнению терминов и изучению региональных особенностей русского языка на примере конкретного субъекта России, региона или отдельного города.

Исходя из теоретических работ в области описания территориального своеобразия русского языка, мы можем заключить, что лингворегionalная специфика русского языка, функционирующего в Республике Крым, прежде всего актуализируется в номинативной сфере, причиной этого являются экстралингвистические причины. Такую территориально маркированную номинативную единицу мы называем *номинативной единицей с региональным компонентом значения 'Крым'*. Изучение, описание и лексикографирование таких единиц должно способствовать пониманию текстов, посвященных крымской тематике, знакомству некрымчан, туристов, журналистов, политиков и т. д. с номинативными особенностями русского языка. Особенно в этом направлении хочется отметить работу, сделанную под руководством Богданович Г. Ю., напр. «Полуостров Крым от А до Я: Лингвокультурологический словарь на русском и украинском языках» [13] и др.

По мнению Дорофеева Ю. В., недостаточно в таких единицах видеть исключительно средства создания местного и исторического колорита. Прежде всего данные единицы обладают социально-культурной спецификой, а не являются изолированными средствами отображения действительности [3, с. 332]. Также отметим, что подобные языковые номинации не находятся за чертой литературного языка и не присущи только устной речи.

Собрав из текстов СМИ и художественной литературы картотеку культурно и территориально маркированных единиц, мы выделили несколько основных тематических групп, отражающих региональное своеобразие русского языка.

Географическое и биологическое: *жужелица, кипарис, крокус, лаванда, можжевельник, ялтинский лук* и др.; *Бахчисарай, Роман-Кош, Крымский мост, Ласточкино гнездо, Ливадийский дворец, Никитский ботанический сад, Памятник затопленным кораблям, Севастополь, Феодосия, Ханский дворец* и др.; *канатка, каньон, море, плато, яйла* и др.

Этнографические единицы, характеризующие культуру и быт: *горилка, деруны, гречаники, караимские пирожки, кобете, пахлава, лаваш, лепешки, самоса, самса, хачапури* и др.; *вишиванка, хиджаб* и др.; *гличик, рушник, тандыр* и др.

Общественно-политические: *Муфтият, Совет министров Республики Крым* и др.; *И. К. Айвазовский, С. В. Аксенов, Амет-хан Султан, Н. В. Багров, В. И. Вернадский, М. А. Волошин, М. С. Воронцов, И. Гаспринский, Л. С. Голицын, Н. П. Краснов, Даша Севастопольская, П. С. Нахимов, свт. Лука, Н. И. Пирогов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой* и многие другие.

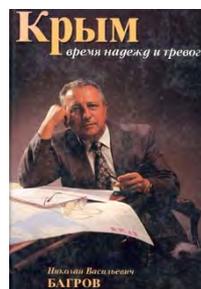
Перечень и структура каждой из групп не являются окончательными и будут уточнены в процессе дальнейшей работы.

Учитывая достижения отечественной лексикографии в области описания регионально маркированных номинативных единиц, мы считаем, что только словарное представление даст наиболее полную картину об особенностях значения и функционирования в речи конкретной единицы.

В наших предыдущих работах представлена теоретическая база разработки концепции словаря [8]. На данном этапе работы мы считаем целесообразным включить в микроструктуру словаря лемму, этимологическую справку (при необходимости), синонимы или синонимический ряд леммы (при наличии), пометы (при необходимости), дефиницию, текстовую иллюстрацию (факультативно), графическую иллюстрацию.

Проиллюстрируем на примере несколько вариантов словарных статей, составленных по предлагаемой микроструктуре.

БАГРÓВ НИКОЛА́Й ВАСИ́ЛЬЕВИЧ (1937–2015, Симферополь) – крымский ученый-географ, доктор географических наук, академик Национальной академии наук Украины (2010 г.), ректор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (1999–2014 гг.) (см. *ТНУ*), Президент Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (2015 г.).

Труды Н. В. Багрова (200 публикаций, 21 монография) отмечены высочайшими государственными наградами, напр. «Герой Украины» (2007), «Пальмовая академическая ветвь» (Франция, 2006) и мн. др.

Имя Н. В. Багрова ассоциируется с крымским образованием. Вся его жизнь и деятельность связаны непосредственно с *Крымом*.

Пребывание Николая Васильевича в должности Первого секретаря Крымского обкома КПСС, Председателя Крымского областного совета народных депутатов, Председателя Верховного Совета Крымской АССР оставило заметный след в истории республики.

Ботанический сад Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского назван именем Н. В. Багрова (2015 г.).

«СЕВАСТО́ПОЛЬСКИЕ РАССКА́ЗЫ» (опубл. 1855 г.) – цикл из трех рассказов *Л. Н. Толстого*, описывающих *Оборону Севастополя* в период *Крымской войны*, в которой автор принимал непосредственное участие: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года».

Благодаря публикации рассказов Л. Н. Толстой становится знаменитым в России. «Севастопольские рассказы» занимают особое место не только в творчестве писателя, но и в военной литературе. Считается, что этими рассказами Толстой положил начало русской военной корреспонденции.

Рассказы объединяет идея неприятия войны: Толстой пишет о героизме русских солдат и командования и одновременно о бесчеловечности, бессмысленности войны как явления.

Название рассказов стало прецедентным именем, которое живет и обыгрывается в названиях произведений, сборников, газет и электронных ресурсов. Напр., «Севастопольские рассказы» – свободная платформа социальной журналистики (<http://sevstory.ru/>); «Севастопольские рассказы. Путешествие в историю с И. Золотовицким» – документальный сериал об истории Севастополя (реж. А. Бруньковский, 2009–2010); «Севастопольские истории. Подводные тайны Крымской войны» – документальный фильм (реж. А. Лютенков, 2005) и др.

ВЫВОДЫ

Комплексное влияние экстралингвистических факторов, разнообразных по происхождению, силе воздействия и временной характеристике, способствовало созданию языковой ситуации, позволяющей рассматривать Республику Крым как уникальный лингворегион Российской Федерации.

Резкая смена политических, административных, правовых, экономических и социальных систем в регионе напрямую повлияла на языковую ситуацию, а значит, стала причиной перераспределения функций языков, их формальных и неформальных статусов, способствовала взаимодействию языков или их обособлению.

Таким образом, языковую ситуацию, сложившуюся в Республике Крым, можно охарактеризовать как социолингвистическую зону этнического поляязычия при доминировании русского языка как языка титульной нации во

всех сферах социального взаимодействия, используемого этническими меньшинствами в качестве второго родного и/или в качестве языка-посредника.

В регионе в связи с преобладанием русского языка во всех функциональных стилях сегодня наблюдается тенденция к уменьшению крымского языкового разнообразия, снижению престижности владения родным (нерусским) языком и ассимиляции национальных меньшинств.

Перспектива

Для всестороннего представления русского языка на полуострове предстоит подробно изучить и описать особенности социолингвистической ситуации в регионе. В частности, установить социолингвистические параметры для объемного описания проблемы, провести полевые исследования, разработать модель представления материала; определить особенности взаимодействия языков в регионе; проанализировать использование русского языка в роли языка-посредника и процессы, сопровождающие его использование в этой роли. Обобщенные данные, включающие информацию по вышеназванным пунктам, позволят создать лингвистическую карту региона.

Особой частью работы мы видим создание модели лингворегионоведческого словаря, способного отразить региональное и культурное своеобразие номинативной сферы крымского региона.

Данная работа соответствует научной тенденции в отечественной лингвистике по изучению регионального своеобразия русского языка.

Список литературы

1. Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства [Текст] / М. А. Арутюнова // *Вестн. Моск. ун-та., Сер. 25. Международные отношения и мировая политика.* – 2012. – № 1 – С. 155–178.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии [Текст] / Г. Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 397 с.

3. Дорофеев Ю. В. Функциональная типология вариативности языка (на материале номинативных единиц славянских, германских и романских языков) [Текст]: дис. ... доктора фил. наук: 10.02.20 / Ю. В. Дорофеев. – М., 2016. – 457 с.
4. Забашта Р. В. Применение идей функциональной семантики к культурологическому описанию региональной лексики Крыма [Текст] / Р. В. Забашта // Язык и социальная коммуникация: Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / Международный научно-информационный центр «Наукофера». – Смоленск: ООО «Новаленсо», 2017. – С. 18–23.
5. Коновалова Е. А. Смешение родственных языков (на примере русско-украинского двуязычия Крыма) [Текст] / Е. А. Коновалова // Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2015 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко: Сб. науч. ст. В 2-х частях. I часть. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – С. 263–270.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) [Текст] / Э. Косериу; [пер. с испанского И. А. Мельничука]. – [2-е изд., стер.] – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
7. Лановая Т. В. Лингвострановедческие особенности регионально маркированной лексики (на материале номинативных единиц с региональным компонентом значения «Крым») [Текст] / Т. В. Лановая // Современные исследования социальных проблем. – Том 9, № 3–2. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2017. – С. 346–356.
8. Лановая Т. В. Принципы отбора словника в лингвострановедческий словарь «Крым» [Текст] / Т. В. Лановая // Крымоведение: итоги и перспективы: сб. докладов. – Симферополь: Наша Школа, 2016. – С. 197–201.
9. Лановая Т. В. Особенности языковой ситуации Республики Крым на современном этапе [Текст] / Т. В. Лановая // Сборник публикаций научного журнала «Globus» по материалам VIII международной научно-практической конференции: «Достижения и проблемы современной науки» г. Санкт-

- Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – СПб.: Научный журнал «Globus», 2016. – С. 101–104.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков [Текст] / Н. Б. Мечковская: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
 11. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы [Текст] / Л. Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 168 с.
 12. Перкова Д. В. Языковая политика как фактор этнополитической стабильности в регионах Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. полит. наук. – М.: Реглет, 2013. – 22 с.
 13. Полуостров Крым от А до Я: Лингвокультурологический словарь на русском и украинском языках [Текст] / И. Г. Балашова, Г. Ю. Богданович, Т. Ю. Новикова. – Симферополь: Ната, 2007. – 274 с.
 14. Современная картина мира: крымский контекст [Текст]: коллект. моногр. Кн. 1 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др. [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь: Издательство, 2017. – 382 с.
 15. Старченко Р. А. Языковая жизнь и этнополитические ориентации крымчан: 2013–2014 гг. [Текст]: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Р. А. Старченко; [Место защиты: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН]. – М., 2015. – 38 с.
 16. Федеральная служба государственной статистики / Перепись населения в Крымском федеральном округе [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (Дата обращения: 05.03.2018).
 17. Эмирова А. М. Новый правовой статус крымско-татарского языка в Республике Крым: проблемы имплементации [Текст] / А. М. Эмирова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». Том 2 (68). – № 1. – Симферополь, 2016. – С. 86–90.

THE REPUBLIC OF CRIMEA AS A UNIQUE LINGUISTIC REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lanovaya T. V.

Republican Pedagogical Post Diploma Training Institute, Simferopol
E-mail: lanovaya.tatyana@gmail.com

Summary. In this article, the Republic of Crimea is regarded as a special linguistic region of the Russian Federation, which has a number of unique features distinguishing it from other subjects of the Russian Federation. The peculiarity of the region is caused both by linguistic and extralinguistic reasons (territorial location, biological variety, demographic problem, change of government etc.), which are discussed in more detail in the article. One of the region features is the language situation prevailing in the Crimean Republic after the accession of the peninsula to the Russian Federation in March 2014, as well as a change in the nominative system of the Russian language functioning on the peninsula.

The factors that determine the usage of the Russian language on the peninsula in all functional styles are disclosed. The process of mutual influence of state and republican language policy is considered. The normative base for the functioning of the Russian language in Crimea is presented. The language situation specify in the Crimean Republic is shown in the context of the functioning features of the Russian language in Russia. It is noted that the regional specificity of the Russian language in Crimea requires further study with a view to lexicography. The linguocultural specificity of the Crimean nominative units reflecting the realities and concepts specific to the region is substantiated.

Keywords: Russian language, lingvoregion, Republic of Crimea, nomination system, language situation.

References

1. Arutyunova M. A. Yazykovaya Politika i Status Russkogo Yazyka v SSSR i Gosudarstvakh Postsovetskogo Prostranstva [Language Policy and Russian Language Status in USSR and States of Post-Soviet Space]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye Otnosheniya i Mirovaya Politika, 2012, № 1, pp. 155–178.
2. Bogdanovich G. Yu. Russkii Yazyk V Aspekte Problem Lingvokulturologii [Russian Language in the Aspect of Linguoculturological Problem]. Simferopol: Dolya Publ., 2002, 397 p.
3. Dorofeev Yu. V. Funktsionalnaya Tipologiya Variativnosti Yazyka (na Materiale Nominativnykh Edinits Slavyanskikh, Germanskikh i Romanskikh Yazykov) [Functional Typology of Language Variability (on the Material of Nominative Units of Slavic, Germanic and Romance languages)]: Diss. ... Doktora Filologicheskikh Nauk, Moscow, 2016, 457 p.

4. Zabashta R. V. *Primenenie Idei Funktsionalnoi Semantiki k Kulturologicheskomu Opisaniyu Regionalnoi Leksiki Kryma* [Application of the Idea of Functional Semantics to the Cultural Description of Crimean Regional Vocabulary]. *Yazyk i Sotsialnaya Kommunikatsiya: Sbornik Nauchnykh Trudov po Materialam I Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii*, Smolensk: Novalenso, 2017, pp. 18–23.
5. G. Balashova, G. Yu. Bogdanovich, T. Yu. Novikova. *Poluostrov Krym ot A do Ya: Lingvokulturologicheskii Slovar na Russkom i Ukrainskom Yazykakh* [The Crimean Peninsula from A to Z: Linguocultural Dictionary in Russian and Ukrainian Languages]. Simferopol: Nata, 2007, 274 p.
6. Konovalova E. A. *Smeshenie Rodstvennykh Yazykov (na Primere Russko-Ukrainskogo Dvuyazychiya Kryma)* [Two Languages Mixing (on the Example of Crimea Russian-Ukrainian Bilingualism)]. *Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: IX Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya. Konferentsiya*, Simferopol: Antikva, 2015, pp. 263–270.
7. Koseriu E. *Sinkhroniya, Diakhroniya i Istoriya (Problema Yazykovogo Izmeneniya)* [Synchrony, Diachrony and History (the Problem of Language Change)]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001, 204 p.
8. Lanovaya T. V. *Lingvostranovedcheskie Osobennosti Regionalno Markirovannoi Leksiki (na Materiale Nominativnykh Edinits s Regionalnym Komponentom Znacheniya «Krym»)* [Culture-Oriented Linguistics' Features of Regionally-Marked Lexicon (on a Material of Nominative Units with a Regional Component of Crimea)]. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 2017, Vol. 9, № 3–2, pp. 346–356.
9. Lanovaya T. V. *Printsipy Otбора Slovnika V Lingvostranovedcheskii Slovar «Krym»* [Principles of Vocabulary Selection for Culture-Oriented Linguistics Dictionary “Crimea”]. *Krymovedenie: Itogi i Perspektivy: Sbornik Dokladov*, Simferopol, Nasha Shkola Publ., 2016, pp. 197–201.
10. Lanovaya T. V. *Osobennosti Yazykovoї Situatsii Respubliki Krym na Sovremennom Etape* [Features of Crimean Language Situation at the Present Stage]. *Sbornik Publikatsii Nauchnogo Zhurnala «Globus» po Materialam VIII*

- Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii: Dostizheniya i Problemy Sovremennoi Nauk, Saint-Petersburg: Nauchnyi Zhurnal Globus Publ., 2016, pp. 101–104.
11. Mechkovskaya N. B. *Obsheee Yazykoznanie: Strukturnaya i Sotsialnaya Tipologiya Yazykov* [General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages]. Uchebnoe Posobie dlya Studentov Filologicheskikh i Lingvisticheskikh Spetsialnostei, Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2001, 312 p.
 12. Nikolskii L. B. *Sinkhronnaya Sotsiolingvistika: Teoriya i Problemy* [Synchronous Sociolinguistics: Theory and Problems]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 168 p.
 13. Perkova D. V. *Yazykovaya Politika kak Faktor Etnopoliticheskoi Stabilitnosti v Regionakh Rossiiskoi Federatsii* [Language Policy as a Factor of Ethnic Stability in the Regions of the Russian Federation]. Avtoref. Dis. na Soiskanie Uchenoi Stepeni Kand. Polit. Nauk, Moscow: Reglet Publ., 2013, 22 p.
 14. Starchenko R. A. *Yazykovaya Zhizn i Etnopoliticheskie Orientatsii Krymchan: 2013–2014 gg.* [Language Life and Ethnopolitical orientations of Crimeans]. Avtoreferat Dis.... Kandidata Istoricheskikh Nauk, Moscow, 2015, 38 p.
 15. T. V. Arzhanceva, G. YU. Bogdanovich, S. S. Dikareva I Dr. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst* [The Modern Picture of the World: Crimean Contecst]. Simferopol, 2017, Vol.1, 382 p.
 16. *Federalnaya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki. Perepis Naseleniya V Krymskom Federalnom Okruge* [Federal Service of State Statistics. Population census in The Crimean Federal District]. Available at: URL: [Http://Www.Gks.Ru/Free_Doc/New_Site/Population/Demo/Perepis_Krim/Perepis_Krim.Html](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html) (accessed: 05.03.2018).
 17. Emirova A. M. *Novyi Pravovoi Status Krymsko-Tatarskogo Yazyka v Respublike Krym: Problemy Implementatsii* [New Legal Status of Crimean-Tatar Language in the Crimean Republic: the Problems of Implementation]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Seriya Filologicheskie Nauki. Simferopol, 2016, Vol. 2 (68), № 1, pp. 86–90.

УДК 821.161.1 Станюкович

**КРЫМСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ К. М. СТАНЮКОВИЧА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА»,
«СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»)**

Лисицына Е. Ю.

**Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО
«КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Армянске, Россия
E-mail: gorbinko.elena@gmail.com**

В современном литературоведении актуальной темой является взаимосвязь двух понятий: «топосный свертхтекст» и «миф». Поскольку познание мира происходит в основном через литературно-художественные произведения, то они или называются мифами, или содержат столько структурных и содержательных элементов мифа (мифологем, мифем), что последние становятся определяющими для понимания и оценки данного произведения. В нашем исследовании акцент сделан на изучении структурных компонентов крымского мифа, который становится «фундаментом» для образования крымского текста. Необходимо отметить, что миф постоянно эволюционировал, поэтому в нем отображены культурные изменения на разных исторических этапах. В данной статье показаны сегменты мифа рубежа XIX–XX веков, которые присутствуют в произведениях К. М. Станюковича «Черноморская Сирена» и «Свадебное путешествие». Подробно рассмотрены мифологемы «мусульманский край» (топонимика, культурные объекты, миф о Бахчисарайском фонтане), «дорогой отдых», «уединенное место» и «крымский пейзаж», мифемы Партеон и Сирена. Каждый из рассматриваемых компонентов крымского мифа функционирует не только в рамках художественных текстов К. М. Станюковича, они формировались и ранее, а в повестях актуализировались.

Ключевые слова: крымский миф, мифологема, мифема, К. М. Станюкович.

Проблема взаимодействия мифа и литературы не нова для науки, но в последнее время она становится объектом пристального внимания отечественных ученых (Т. М. Алпеева, М. Ю. Вышина, С. Ю. Гуцол, И. М. Дьяконов, И. А. Едошина, Н. А. Кобылко, С. О. Курьянов, А. П. Люсый, В. В. Орехов, Л. А. Орехова, Е. П. Ращевская, А. В. Ставицкий, М. Элиаде и др.). В крымских реалиях актуальной считаем проблему возникновения и эволюции крымского мифа. Согласно работам С. О. Курьянова, термин «крымский миф» призван объединить все представления о Крымском полуострове, которые проявились в литературе. Несмотря на возрастающий интерес к проблеме крымского мифа на сегодня мало исследований посвящено его сущности, генезису и структуре. Данное обстоятельство связано с ложным или неполным толкованием ключевого

понятия – миф: с одной стороны, его недооценивают, представляя как нечто простое и понятное, а с другой – переоценивают, и тогда мнимая сложность его понимания заводит исследователя в тупик.

Цель статьи – выявить и проанализировать компоненты крымского мифа (мифологемы, мифемы) в повестях К. М. Станюковича «Черноморская Сирена» и «Свадебное путешествие».

Т. М. Фадеева, анализируя сакральное пространство Крымского полуострова, говорит о наличии у мифа двух смыслов: исторического и символического. При этом не следует думать, что они противоречат друг другу. Религиозно-символическая точка зрения помогает подчеркнуть значимость исторических событий, как выражение высших реалий [17, с. 275]. Поэтому она не только отображает исторические факты, но имеет в себе скрытый смысл, послание, направленное потомкам через века. В ней содержится то, что было самым главным, самым сокровенным для авторов мифов. Процесс «одушевления мира и даже определенного его очеловечивания по своему характеру является мифологичным, так как вводит в мифологическое пространство все, что для нас является интересным и значимым» [13, с. 36].

Миф – это восприятие мира индивидуумом, его осмысление и принятие, поэтому он порождает текст, отображающий внешний мир, каким его чувствует человек. Миф можно рассматривать с точки зрения литературоведческой прагматики, специфическим предметом которой «является художественная коммуникация – как закодированная в самом тексте в определенной системе приемов и фигур, так и осуществленная в практике реального чтения» [16, с. 150]. Теория литературного поведения, обоснованная в научных изысканиях Ю. М. Лотмана в рамках семиотического подхода, – наглядный пример влияния художественного текста на модель поведения человека. Опыт, полученный с помощью литературы, помогает конструировать жизненные ситуации, предвосхищая итог, или же подталкивает к формированию определенной модели поведения. Например, читая многочисленные заметки, рассказы, очерки, повести

и т. п. об отдыхающих на крымском побережье героях, люди также стремились туда попасть.

На рубеже веков для жителя Москвы или Санкт-Петербурга Крымский полуостров ассоциировался, прежде всего, с античным прошлым, морем, солнцем, горами, виноградом, крымскими татарами. А из этого набора константных признаков сформировались крымские мифологемы и мифемы.

Согласно исследованиям психолога С. Ю. Гуцола, мифологема – это «специфический гносеологический образ, отличительной чертой которого является непосредственное единство двух планов – предметного и символического, константа мифологического мышления, минимальная единица мифологического дискурса, который хранит качество мифа» [3, с. 103]. И. М. Дьяконов именуется мифологемами «сюжетообразующие персонажи и ситуации, определяющие общее содержание мифического сюжета и способные повторяться в семантически однородных рядах» [4, с. 191]. Е. Ю. Шейгал также определил мифологему как вербальный носитель мифа [18]. И. А. Едошина подчеркивает, что, несмотря на все различия, мифологема тесно связана с мифом: вырастает из него и не может быть адекватно воспринята вне своего источника. Не найдено еще исследователями и однозначного определения мифемы, которую часто отождествляют с мифологемой. В «Литературоведческой энциклопедии» терминологическое различие поясняется так: «мифологема – это обломок мифа, который именно из-за процесса дробления потерял свои автохтонную характеристику и функции», а «мифема – наименьший, мельчайший элемент мифа» [9, с. 54]. Е. П. Рашевская определяет мифему как «более частный образ, который функционирует на меньшем историко-культурном пространстве, чаще в пределах одного художественного произведения», а «сущностным ядром мифемы является личный мистический опыт художника» [12, с. 4]. М. Ю. Вышина под мифемой понимает «использование в литературе имен мифологических героев и определенных мифологических фактов», также считая мифологему более широким понятием: «введение в художественный текст известного мифологического сюжета или мотива». Таким образом, мифема выполняет

«изобразительную функцию (вызывает в воображении читателя определенные ассоциации)», не меняя хода событий, а «мифологема – формообразующую, структурируя весь сюжет» [1, с. 141].

Учитывая представленные определения, в исследовании мы будем руководствоваться следующим понятием мифологема: это *минимальная вербальная единица мифа, которая повторяется в семантически однородных рядах, хранит качества мифа и не может быть адекватно дешифрована вне данного мифологического дискурса*. А под мифемой, вслед за М. Ю. Вышиной, понимаем *«использование в художественном тексте имен мифологических героев и определенных мифологических фактов»* [5, с. 5].

В статье рассмотрим лишь некоторые крымские мифологема и мифемы: «мусульманский край», «дорогой отдых», «место уединения», «Партедон», «Сирена». Материалом для исследования стали «крымские» произведения К. М. Станюковича: повести «Черноморская Сирена» (1896 г.) и «Свадебное путешествие» (1902 г.).

Станюкович Константин Михайлович, крымчанин с польской родословной, родился в Севастополе в 1843 г. События Крымской войны кардинально изменили жизнь юноши, он вынужден был выехать из родного города и продолжить обучение в Санкт-Петербурге в Морском кадетском корпусе. Военную службу вскоре заменило писательское дело. К. М. Станюкович прославился как писатель-маринист, морские рассказы и повести неоднократно перепечатывались и всегда охотно воспринимались публикой. Особое внимание автор уделял родному Крыму, описывая не только красоту природы, но и разные грани общественной и культурной жизни полуострова. Например, экзотичность Крыма реализовалась в мифологеме «мусульманский край» (условное название).

Анализируя мифологему «мусульманский край» в контексте крымского мифа рубежа XIX–XX веков, невозможно не заметить сочетание в ней разных смыслов: «обитель неверных», «нечистая земля», «экзотика», «крымские татары», «коренные жители», «сограждане», «восточные легенды», «ханский дворец», «Бахчисарайский фонтан» и т. д. Этот набор характеристик указывает на

специфический признак мифологемы – способность объединять противоположные понятия: верх/низ; рай/ад; добро/зло. В прозе К. М. Станюковича при детальном изучении также обнаруживаются некоторые из этих представлений.

Одной из примет полуострова писатель называет крымско-татарское население: *«Все здесь говорило обь югъ. И эти татары съ южнаго берега...»* [15, с. 256]. Наблюдательный читатель сразу обратит внимание, что рассказчик конкретизировал местность – юг – и главной характеристикой обозначил присутствие крымских татар. То есть для писателя крымские татары – это жители южного побережья, а не всего Крыма. Незадолго до К. М. Станюковича путешественник Е. Л. Марков не был столь категоричен в суждениях и соотнес татар с Северным Крымом. Начиная свой крымский вояж в перекопских степях, он вполне определенно заявил, что встретить здесь татарина – обычно дело: *«степь особенно кажется степью, и Крым – Крымом, когда встречаешь верхом на маленькой кобылке какого-нибудь хаджи в белой чалме»* [8, с. 36]. Конечно, за три десятилетия представления путешественников о национальном составе полуострова существенно переменялись. В повести К. М. Станюковича представлены впечатления о более позднем периоде жизни полуострова, моменте, когда экзотическая составляющая Крымского мифа сконцентрировалась в южной части.

Многонациональность полуострова – типичная примета, не удивляет проезжающих и «сожительство» в одном городе нескольких конфессий: *«Нальво виднѣлись бѣлые дома Симферополя, утопающіе въ зелени садовъ, съ золотыми маковками церквей, съ куполами мечетей и верхушками минаретовъ»* [15, с. 257]. Симферополь не был единственным городом с таким разнообразием религиозных сооружений, в целом для Крыма это характерная черта. До сих пор во многих городах полуострова рядом находятся мусульманские, православные, католические храмы. Не вызывает удивления и то, что герой повести воспринимает этот пейзаж спокойно. При дальнейшем рассказе его интонация не меняется, и Оверин уверенно перечисляет крымско-татарские названия почтовых

станций по дороге из Симферополя в Севастополь. Экзотическая тюркская топонимика – это культурно-историческая память Крыма, каждое название отражает взгляд местного населения на окружающий мир: «*Все здѣсь говорило объ югѣ. <...> ...и эти названія дальнѣйшихъ станцій: Булганакъ, Алла, Шакуль, Бахчисарай...*» [15, с. 257]. Из четырех названий неискушенный читатель поймет только одно, ведь многие селения давно переименованы или (что намного печальней) исчезли с топографической карты Крыма. Рассмотрим подробнее указанные топонимы.

Булганакъ в переводе с крымско-татарского означает «грязный, мутный» и на старинных картах употребляется в качестве гидронима (реки Булганак, Восточный и Западный Булганак). Неблагозвучное название реки получили неслучайно, ведь источники маловодные, а жарким крымским летом пересыхают. Западный Булганак, например, наполняется водой только во время активного снеготаяния или же после сильных дождей. В художественном тексте распространенный крымский топоним выступает в качестве ойконима (старое название сел Пожарское, Кольчугино в Симферопольском районе, Добролюбовка в Кировском районе, Бондаренково в Ленинском районе, исчезнувшего села Суслово в Белогорском районе). В повести Станюковича герой мог назвать село Пожарское, поскольку именно оно раньше выполняло функцию почтовой станции.

Следующий экзотизм – *Шакуль* – на крымско-татарском звучит как Шакъул, исследователи предположи, что слово образовано от арабского имени Шакирулла и переводится как «прославляющий Аллаха». Достоверных и однозначных сведений о происхождении названия в авторитетных научных изданиях недостаточно. Ныне село Шакъул в Бахчисарайском районе переименовано в Самохвалово.

Особый интерес представляет топоним *Алла*. Вероятнее всего, искаженное название станции 4-го класса Альма, которая была построена в 1874 году вблизи села Почтового на Курско-Лозово-Севастопольской железной дороге. Название возникло по аналогии с ойконимом Альма. Долину этой реки описала в

путеводителе М. А. Сосногорова (книга до сих пор переиздается многотысячными тиражами, а знатоки отмечают небывалую точность в описании местности): «... здесь протекает речка Алма, сделавшаяся историческою со времени последней крымской войны, и дорога захватывает часть Алминской долины, покрытой превосходными садами <...> из которых ежегодно отправляют внутрь России, особенно в Москву, многия тысячи пудов яблок, известных в продаже под названием “крымских”» [11, с. 160]. В переводе с крымско-татарского алма – яблоко, яблочный, это пример точной характеристики данной местности.

Следующий топоним, упоминаемый Овериним, – *Бахчисарай*, который переводится с крымско-татарского как «дворец в саду» и окутан многовековой историей Крымского полуострова. Возник город на рубеже XV–XVI веков, когда хан Гирей перенес столицу из Старого Крыма на берег реки Чурук-Су. Более 350 лет город был сосредоточием политической власти династии Гиреев и главным культурным центром Крымского ханства. Герой К. М. Станюковича видит город Бахчисарай издалека и по традиции именует его живописной столицей ханов, центром национальной культуры крымских татар: «*Вотъ и Бахчисарай – это татарское гнѣздо, живописный маленькій городокъ <...> съ домиками, которые лѣнятся одинъ около другого, со множествомъ мечетей*» [15, с. 257]. Архитектура незамысловатая, но полностью отражает дух городка: многочисленные строения и обязательный атрибут мусульманского селения – мечети. Особенно выделяется на фоне остальных сооружений Ханский дворец: «*Овъринъ вспомнилъ, конечно, про Бахчисарайскій фонтанъ, про дворець крымскихъ хановъ*» [15, с. 257].

Бахчисарайский дворец привлекал внимание путешественников и поэтов-романтиков XVIII, XIX и XX веков. Настоящую славу ему принесла южная поэма А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Созданная великим поэтом удивительная огранка для небольшой легенды о сооружении неприметного фонтана слез в ханском дворце и преподнесенные две розы вдохновили последующие поколения (Адам Мицкевич, Леся Украинка) на размышления и

восхищения. Романтические образы полячки Марии и хана Гирея навсегда останутся спутниками этого памятника архитектуры. Л. А. Орехова провела интересное исследование, связанное с влиянием пушкинской поэмы на путешественников первой половины XIX века, и отметила, что «романтическое представление корректируется реальными личными впечатлениями. Впечатления эти зависят не только от исторических реалий (состояние построек Дворца, интерьера и т. п. в разное историческое время), но и от психологического настроения путешественника» [10, с. 258]. К сожалению, герой повести не посетил Бахчисарай, но молодой писатель Оверин определенно находился под властью Бахчисарайского мифа, некогда умело созданного А. С. Пушкиным.

После живописного описания мусульманского Крыма автор показывает нам полуостров с другой культурой. Герои попадают в Севастополь: «<...> красовалось красивое здание в греческомъ стилѣ возстановленнаго Петропавловскаго собора <...> съ портикомъ и колоннадой, напоминающими Партемонъ» [15, с. 258–259]. В восстановленной после войны архитектуре города автор видит отголоски античной традиции, а именно древнегреческой. Рассказчик сравнивает христианский храм с языческим святилищем. Партемон, храм Афины Партемонской (Девственной), до сих пор сохранившийся в Афинах, считается символом всей Греции. Вполне вероятно, влетая в повествование мифему, автор хотел подчеркнуть преемственность традиций. Также К. М. Станюкович постепенно подводит к следующей мифеме, которая тоже неразрывно связана с греческой цивилизацией.

В новой локации постепенно проясняется символика названия повести. Черноморской Сиреной прозвали очаровательную Марианну Николаевну Христофори, приехавшую «откуда-то с юга». Молодая красавица, по рассказам бывалых путешественников, проводит в Крыму в одиночестве каждую весну и осень. Для разъяснения символики перифраза следует вспомнить истоки мифа о сиренах. Сиренами в греческой мифологии называют полуженщин-полуптиц, которые волшебным пением губят мореходов. По «Одиссее» Гомера, они обитают на острове, лежащем между островом Кирки Эей и чудовищем Скиллой.

У К. М. Станюковича культурологическая связь с древними мифами сохранилась, но содержательная составляющая трансформировалась в рамках реалистического метода повествования. Так, Сирена тоже обладает способностью сводить с ума мужчин, но без использования сверхъестественных чар: *«Назвали ее такъ потому, что она оболваниваетъ вашего брата, молодыхъ людей... Да и старыхъ тоже»* [15, с. 288]; *«Адмирала и того съ ума свела», «Слышала? Здѣсь и Сирена водится... Всѣхъ съ ума сводить»* [15, с. 260]; *«Манитъ и топить въ моръ?»* [15, с. 267]. Главные инструменты Сирены Станюковича – внешность и обаяние, а не удивительный неземной голос. Тем не менее Марианна Николаевна так же, как мифологический прототип, собирает вокруг себя мужчин всех возрастов и чинов: мичман, инженер, капитан парохода, петербургский чиновник, товарищ министра и др. Таинственности и загадочности образу придает вид роковой красавицы (*«ослѣпительная блондинка лѣтъ двадцати пяти, высокая, стройная и гибкая»* [15, с. 273]; *«...залитая блескомъ луннаго свѣта, легкою, плывущею походкой <...> Овѣринъ успѣлъ замѣтить необыкновенную бѣлизну красиваго лица, черные глаза, взглянувшіе на него, и рыжіе волосы»* [15, с. 263–264]) и немногословность дамы: *«И вообще о себѣ не говоритъ»* [15, с. 267]. Как видим, мифема «Сирена», реализованная в художественном тексте, сохраняет ключевые характеристики прообраза, что придает ей исключительность: несхожесть с другими женщинами, внешняя привлекательность, способность сводить мужчин с ума разговорами. Это проявление аффективного плана мифа, т. е. мифический образ, призван вызывать те же эмоции, какие вызывает референт. Но при этом Сирена органично вписывается в общество XIX века: богата, одета по последней моде, умна, начитана.

Описанные выше компоненты крымского мифа дополняет еще одна деталь. Нередко экзотический Крым ассоциируется с местом, где можно спрятаться от шумных петербургских и московских салонов: *«...и вся эта петербургская жизнь съ ея сутолокой, ресторанами и островами вдругъ показалась ему такой пошлой и ничтожной»* [15, с. 259]. Отголоски этого качества были заметны еще в прозе А. П. Чехова, а в последующей литературе только усиливаются. Писатель Оверин

отправляется в Севастополь: «*Вагон прямого сообщения до Севастополя? Первый класс?*» [15, с. 243], – по рекомендации врача подлечить нервную систему: «... *пришел доктор Валькевич и посоветовал мне отдохнуть... <...> Советоваль так месяц-другой полное уединение!*» [15, с. 247].

Для героев К. М. Станюковича Крым часто становится потаенным уголком, способным скрыть возлюбленных от суматохи и подарить вдохновение поэту: «*Весело болтая о том, как должно быть хорошо теперь в Крыму, как уединенно поселятся они в Алушке, Мисхоре или Ялте...*» [15, с. 255]; «*здѣсь в Крыму любовь его возродится съ новою силою*» [15, с. 258]; «*И ему казалось, что именно на берегу моря онъ долженъ написать что-нибудь значительное*» [15, с. 259]. «*Какая прелесть, – невольно воскликнулъ Овѣринъ, любуясь южной природой и чувствуя какую-то бодрящую жизнерадостную силу въ своей груди*» [15, с. 256]. В представленной цитате мы видим соединение пейзажа и уединения, что указывает на органичную связь всех компонентов крымского мифа, его объединяющую функцию. Присутствует и резкое противопоставление северного Петербурга южному Крыму: «*Онъ вспомнил про Петербургъ, про эти острова, сырые и холодные, и какъ хорошо казалось ему здѣсь*» [15, с. 256]. По определению А. П. Люсого, таврический миф является южным полюсом петербургского мифа. Разнятся два культурных пространства не только месторасположением на карте, но и пейзажем. Мрачные тона петербургских углов резко контрастируют с жизнерадостностью южной природы. Примечательно, что поездка Екатерины II в Тавриду была запланирована таким образом, чтобы выехать из зимнего сумрачного Петербурга и прибыть на летний цветущий полуостров. Таврический вояж прекрасно демонстрирует полюсность Петербурга и Крыма.

Даже сейчас невозможно представить Крым, отдых и лечение здесь вне его природы. В повести «Черноморская Сирена» крымский пейзаж описан ярко и поэтично: «*Овѣринъ жадно вдыхалъ чудный, полный острой свѣжести, воздухъ ранняго майскаго крымскаго утра и любовался дивнымъ пейзажемъ. <...> А далѣе виднѣлись цѣпи горъ съ ихъ верхушками, подернутыми золотистой*

дымкой. <...> И надъ всѣмъ этимъ медленно поднималось ослѣпительное солнце по бирюзовому безоблачному небу, заливая блескомъ сады, поля и деревни» [15, с. 256]. Тем не менее есть обратная сторона крымских прелестей: «*Экое свинство! Даже порядочной пристани не могли устроить!*» [15, с. 280]; «*Она [Алупка] все же меньше загажена московскими купчихами, чѣмъ Ялта*» [15, с. 287]. Проявляется дуалистическая природа мифологемы «крымский пейзаж»: сочетание прекрасного и безобразного. Прослеживается реалистический план Крымского мифа и соединение историко-генетической и актуальной части мифологемы.

В другом же произведении автора, повести «Свадебное путешествие», начиная разговор о Крыме, главный герой, вероятно, ранее не бывавший здесь, перечисляет наиболее явные приметы: «*И как хорошо мы проживем в Крыму... Море... Горы... Тепло... Прогулки...*» [14, с. 688].

Мифологема «дорогой отдых» в полной мере реализуется в повести «Свадебное путешествие». Молодожены – Никс и Мета – в день венчания незамедлительно отправляются на отдых. Из разговора невесты с матерью становится ясно, что маршрут лежит в Крым: «*...Пришли в Алупку мой берет...*» [14, с. 681]. Опираясь на публицистику начала XX века, мы пришли к выводу, что свадебное путешествие на юг – это обычная практика для состоятельных молодоженов [2]. Герои К. М. Станюковича проведут на южном берегу не менее месяца: «*Ведь ненадолго прощаемся, Мета...? // – На месяц, мама*» [14, с. 682]. Столь длительный период требует немалых затрат, которые могут себе позволить люди «из “монда” (высшего света – Е. Л.)» [14, с. 679]. Автор дает подробное описание невесты, подчеркивая дороговизну нарядов и свойственный аристократам бронзовый цвет кожи (загар показывал, что человек может себе позволить отдых у моря): «*...высокая, стройная брюнетка с крупной родинкой на загоревшейся матовой щеке <...> была в “стильном” сером дорожном платье...*» [14, с. 681]. Жених охарактеризован не менее ярко, но его вид более щегольской: «*Никс, плотный, цветущий, красивый блондин <...> с*

подстриженной маленькой бородкой и пушистыми, кверху вздернутыми усами, в темно-синем вестоне и в мягкой шляпе...» [14, с. 682].

Из разговора Никса с другом читатель узнает, что он обычный ловелас, надеющийся деньгами молодой жены откупиться от многочисленных кредиторов: *«Но, главное, уговори моих подлецов кредиторов... <...> Убеди, что получу же за женой средства... Со всеми расплачусь»; «Неловко было сказать, что, кроме долгов, ничего...»; «Положение мое отчаянное... Кругом в долгах... Вексель...» [14].* Мета, как оказалось, тоже неплатежеспособна. Узнав об этом, Николай оставляет ее одну, сойдя с поезда на ближайшей станции. Таким образом, «лакмусовая бумажка» в виде отдыха в Крыму указала на погрешности брака. Медовый месяц на дорогом южном курорте не состоялся из-за двусторонней лжи о финансовом положении.

Примечательно, что автор устами другого героя, дяди Марьи Александровны, поощряет желание соотечественников поднимать престиж русского курорта: *«Благоразумно сделали, что везете жену в Крым. Отдыхать и тратить деньги лучше дома, чем за границей!» [14, с. 682].* Однако он также косвенно указывает на дороговизну крымского вояжа.

ВЫВОДЫ

Крым в сознании русских писателей конца XIX – начала XX века по традиции сильно мифологизирован (впрочем, мифологизация Крыма сохраняется в литературе до сих пор). Художественный текст «крымских» повестей К. М. Станюковича, несомненно, несет в себе элементы мифов (как древних, так и новых), – своеобразных мифологизированных представлений. И это становится способом постижения художником окружающей действительности, что формально выражается в наборе своеобразных мифологем и мифем, расшифровка которых возможна лишь при условии знания культурно-исторического кода, взятого за основу писателем.

Проанализировав две повести К. М. Станюковича, мы выделили наиболее значимые компоненты крымского мифа, как усвоенные и воспроизведенные, так

и вновь порожденные. Так, мифологема «мусульманский край» включает тюркскую топонимику, авторскую интерпретацию образа крымских татар, миф о Бахчисарайском фонтане. Мифемы «Партедон» и «Сирена» связаны с античным прошлым Крымского полуострова и показывают связь Крыма с древнегреческой культурой. Мифологеми «уединенное место» и «крымский пейзаж» находятся в тесной взаимосвязи и в определенной мере противопоставляют теплый южный берег Крыма холодному и пасмурному Санкт-Петербургу. Следует отметить, что в семантике каждого компонента присутствуют оппозиционные элементы, что свойственно для структуры мифа.

Список литературы

1. Вишина, М. Парадигма ключових понять мифологічного аналізу художнього тексту [Текст] / М. Вишина // Вісник Житомирського державного університету. – 2010. – Вип. 55. Філологічні науки. – С. 140–143.
2. Газетные старости [Электронный ресурс]: обзор русских газет начала XX века. – Режим доступа: <http://www.starosti.ru/>. – (Дата обращения: 01.02.2017).
3. Гуцол, С. Психологічні особливості структурних складових неомифологічного нарративу [Текст] / С. Гуцол. // Вісник НГУУ «КПШ». Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2011. – Вип. 1. – С. 103–108
4. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – 3-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
5. Кобылко, Н. А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы [Электронный ресурс] / Н. А. Кобылко // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 4–6. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/>. – (Дата обращения: 26.02.2017).
6. Курьянов, С. О. «...тайный ключ русской литературы»: генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков [Текст]: монография / С. О. Курьянов. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 424 с.

7. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб.: Алетейя, 2003. – 314 с.
8. Марков, Е. Л. Очерки Крыма [Текст]: картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – Симферополь: ООО «Терра-АйТи», 2015. – 528 с.
9. Міфологема [Текст] // Літературознавча енциклопедія: у 2 т. / Уклад. Ю. А. Ковалів. – Т. 2: М (Маадай-Кара) – Я (Я-форма). – Київ: Академія, 2007. – 624 с.
10. Орехова, Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина (Материалы Всероссийского форума, посвященного 215-й годовщине со дня рождения поэта, 6–8 июня 2014 г.) // Вестник Псковского государственного университета. – Выпуск 1. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 258–265.
11. Путеводитель по Крыму для путешественников [Текст]: с приложением статьи: «Берег Крыма от Феодосии до Евпатории как климато-лечебная местность» / М. Сосногорова – 2 изд. исправл. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1874. – 362 с.
12. Ращевская, Е. П. Космогонический миф Даниила Андреева и культура Серебряного века [Текст]: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Е. П. Ращевская. – Киров, 2006. – 17 с.
13. Ставицкий, А. В. Онтология современного мифа [Текст] / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 544 с.
14. Собрание сочинений К. М. Станюковича: в 10 т. – Т. 10: Рассказы и повести. – М.: Правда, 1977. – 721 с.
15. Собрание сочинений К. М. Станюковича: в 13 т. – Т. 12: Жрецы; Черноморская сирена; Нянька; Матроска; Маленькие моряки. – М.: Издание А. А. Карцева, 1898. – 553 с.

16. Турышева, О. Н. Прагматический подход в литературной науке [Текст] / О. Н. Турышева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 150–159.
17. Фадеева, Т. М. Крым в сакральном пространстве [Текст]: история, символы, легенды / Т. М. Фадеева. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 302 с.
18. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 432 с.

CRIMEAN MYTH IN THE WORKS BY K. M. STANJUKOVICH (BASED ON THE NOVELS THE BLACK SEA SIREN AND THE HONEYMOON)

Ye. Yu. Lisitsyna

Summary. In the modern literary studies, the relevant topic is that one of the relationship between the concept of topos supertext and the concept of myth. Since the cognition of the world occurs mainly through a literary or artistic work, they are called myths or contain many structural and substantive elements of myth (mythologem, mytheme) that are crucial for the understanding and evaluation of the work. Our study focuses on the study of the structural components of the Crimean myth, which becomes the «foundation» for the formation of the Crimean text. It should be noted that myth is constantly evolving, so it displays cultural changes at different historical stages. This article shows the segments of the myth of the 19th–20th centuries, which are present in K. M. Stanyukovich' works *The Black Sea Siren* and *The Honeymoon*. Details the mythologems of «the Muslim land» (place names, cultural objects, the myth of the fountain of Bakhchisarai), «an expensive vacation», «private place» and «Crimean landscape», mytheme of Parthenon and Serena. Each of the considered components of the Crimean myth does not function only within the artistic texts of K. M. Stanyukovich, they were formed earlier, and were updated and expanded in Stanyukovich' works.

Keywords: Crimean myth, mythologem, mytheme, K. M. Stanyukovich.

References

1. Vyshyna M. Paradigma Klyuchovikh Ponyat' Mifologichnogo Analizu Hudozhn'ogo Tekstu [Key Concepts Paradigm of Literary Text Mythological Analysis]. Visnyk Zhitomir'skogo Derzhavnogo Universitetu. Filologichni Nauki, 2010, no 55, pp. 140–143.
2. Gazetnye Starosti: Obzor Russkikh Gazet Nachala XX Veka [Older Newspapers: a Review of Russian Newspapers of the Early Twentieth Century]. Available at: <http://www.starosti.ru/>. (accessed 1 February 2017).

3. Gutsol S. Psikhologichni Osoblyvosti Strukturnykh Skladovikh Neomifologichnogo Naratyvu [Psychological Characteristics of the Structural Components of Neomythological Narrative]. *Visnik NTUU KPI. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2011, no 1, pp. 103–108.
4. Dyakonov I. M. Arkhaicheskie Mify Vostoka i Zapada [Archaic Myths of East and West]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 248 p.
5. Kobylko N. A. Mifologema kak Klyuchevoe Ponyatie Mifokritiki: Sovremennyye Podkhody [Myth as a Key Concept Metacritic: Modern Approaches]. *Sovremennaya Filologiya*. Ufa: Leto Publ., 2014, pp. 4–6. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/>. (accessed 26 February 2017).
6. Kuryanov S. O. «...Tainyi Klyuch Russkoi Literatury» : Genezis, Struktura i Funktsionirovanie Krymskogo Teksta v Russkoi Literature X–XIX Vekov [...the Secret Key of Russian Literature: Genesis, Structure and Functioning of the Crimean Text in Russian Literature of 10th–19th Centuries]. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2014, 424 p.
7. Lyusyi A. P. Krymskii Tekst v Russkoi Literature [Crimean Text in the Russian Literature]. Saint-Petersburg: Aleteya Publ., 2003. 314 p.
8. Markov E. L. Ocherki Kryma: Kartiny Krymskoi Zhizni, Istorii i Prirody [Essays of Crimea: the Pictures of Crimean Life, History and Nature]. Simferopol': Terra-AiTi Publ., 2015. 528 p.
9. Literaturoznavcha Entsiklopediya [Literary Encyclopedia]: in 2 vol.. Vol. 2, Akademiya Publ., 2007. 624 p.
10. Orekhova L. A. «Bakhchisaraiskii Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvii po Krymu: Problemy Interpretatsii [The Fountain of Bakhchisarai by Alexander Pushkin in the Literature of Travels across the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2015, no 1, pp. 258–265.
11. Sosnogorova M. Putevoditel' po Krymu dlya Puteshestvennikov: s Prilozheniem Stat'i: «Bereg Kryma ot Feodosii do Evpatorii kak Klimato-Lechebnaya Mestnost'» [Guide to Crimea for Travelers: with The Coast of Crimea from Feodosia to

- Yevpatoria as a Climate-Healing Area Attached. Odessa: L. Nitche Publ., 1874. 362 p.
12. Rashhevskaya E. P. Kosmogonicheskiy Mif Daniila Andreeva i Kul'tura Serebryanogo Veka: Avtoref. Dis. ... Kand. Kul'turologii [Daniil Andreyev's Cosmogonic Myth and the Culture of the Silver Age]. Kirov, 2006. 17 p.
 13. Stavitskii A. V. Ontologiya Sovremennogo Mifa [Ontology of the Modern Myth]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 544 p.
 14. Sobranie Sochinenii K. M. Stanyukovicha. In 10 vol. Vol. 10. Moscow: Izdanie A. A. Kartseva Publ., 1898. 553 p.
 15. Sobranie Sochinenii K. M. Stanyukovicha. In 13 vol. Vol. 12. Moscow: Pravda Publ., 1977. 721 p.
 16. Turysheva O. N. Pragmaticheskiy Podkhod v Literaturnoi Nauke [A Pragmatic Approach in Literary Science]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya, 2016, no 1 (39), pp. 150–159; DOI: 10.17223/19986645/39/13.
 17. Fadeeva T. M. Krym v Sakral'nom Prostranstve: Istoriya, Simvoly, Legendy [Crimea in the Sacred Space: History, Symbols, Legends]. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2002. 302 p.
 18. Sheigal E. I. Semiotika Politicheskogo Diskursa: Dis. ... D-ra Filol. Nauk [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, 2000.

УДК 82

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ»: ВЕРСИЯ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА

Мащенко А. П.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: amas69@mail.ru

Сто лет тому назад, в 1918 году, немецкий философ Освальд Шпенглер написал свою главную книгу – «Закат Европы», в которой предрек Старому Свету упадок и гибель. Однако Европа выстояла, пережив Вторую мировую войну и удержавшись на краю ядерной бездны. В конце XX – начале XXI века классик современной французской литературы Мишель Уэльбек предлагает свою версию «заката Европы» в цикле романов: «Расширение пространства борьбы», «Элементарные частицы», «Платформа», «Возможность острова», «Карта и территория» и, наконец, «Покорность». Его сочинения привлекают внимание не только блестящим стилем, но и острой политической проблематикой. В художественном пространстве Уэльбека основанная на культе потребления безбожная современная западная система ценностей оказывается нежизнеспособной и обречена на гибель. Есть ли у Старого Света выход из этого кризиса? Сможет ли Европа опровергнуть мрачные прогнозы не только Освальда Шпенглера, но и Мишеля Уэльбека? Промежуточный ответ на этот вопрос мы сможем получить буквально через четыре года, которые отделяют нас от времени, в котором разворачивается действие романа «Покорность».

Ключевые слова: Уэльбек, «Покорность», Европа, Запад, ислам, терроризм.

ВВЕДЕНИЕ

Ровно сто лет тому назад, в 1918 году, знаменитый немецкий философ Освальд Шпенглер написал свою главную книгу – «Закат Европы», в которой предрек Старому Свету упадок и гибель на фоне радости юных народов и чужеземных завоевателей. Однако Европа выстояла, пережив самую кровопролитную в истории человечества Вторую мировую войну и удержавшись (по крайней мере до сих пор) на краю ядерной бездны.

В конце XX – начале XXI века классик современной французской литературы Мишель Уэльбек предлагает свою версию «заката Европы» в цикле романов: «Расширение пространства борьбы», «Элементарные частицы», «Платформа», «Возможность острова», «Карта и территория» и, наконец, «Покорность».

Творчество Уэльбека буквально пронизано злобой сегодняшнего европейского «дня, клонящегося к закату». Культ бессмысленного избыточного потребления, миграционный кризис, исламизация, террористическая угроза – эти

темы волнуют абсолютное большинство жителей Старого Света. Именно этим в первую очередь и определяется **актуальность** статьи.

Наша цель – проанализировать представления Уэльбека о будущем Европы.

Задачи:

- продемонстрировать злободневность творчества писателя;
- описать его понимание деградации современной европейской цивилизации;
- оценить продуктивность идей Уэльбека для осмысления острейших проблем, стоящих перед современным миром.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В юности Мишель Уэльбек увлекался сочинениями Говарда Филлипса Лавкрафта – американского писателя, работавшего в жанрах ужасов, мистики, бади-хоррора, фэнтези, научной фантастики, и даже написал книгу о его творчестве: «Г. Ф. Лавкрафт: против человечества, против прогресса».

Стилистически произведения Уэльбека – это, конечно, не романы ужасов, но от сценария европейского будущего, который писатель разворачивает на страницах своих книг, у многих бегут мурашки по коже. Либеральные «достижения» безбожного, прожигающего жизнь западного общества оказываются под сомнением уже в первом романе классика «Расширение пространства борьбы». «Элементарные частицы», «Платформа», «Карта и территория», «Возможность острова» развивают эту тему. «В сегодняшнем мире можно заниматься групповым сексом, быть би- и транссексуалом, зоофилом, садомазохистом, но воспрещается быть старым» [2, с.270], – замечает герой романа «Возможность острова». По Уэльбеку, «мир, не уважающий ничего, кроме юности, сексуальной свежести и молодого тела, мало-помалу пожирает человеческое существо» [1]. «Я не хочу быть проглоченным этой обманчивой жаждой удовольствий», – признается писатель в одном из интервью [1].

Вместе с потерей веры в бессмертие человеческой души западный человек теряет смысл жизни. Ничто и никто – ни фитнес, ни пластические хирурги, ни

деньги не могут вернуть ему стремительно проносящуюся назад, в прошлое, молодость.

Личностный экзистенциальный кризис западного человека неизбежно оказывается сопряжен с кризисом общественно-политическим. Эту тему Уэльбек особенно детально разрабатывает в романе «Покорность». Действие книги разворачивается во Франции в 2022 году. В результате выборов, которые проходят на фоне массовых беспорядков на религиозной почве, президентом страны становится лидер Мусульманского братства Мохаммед Бен Аббес. Франция начинает исламизироваться не только де факто, но и де юре.

Сам Уэльбек определил жанр своего романа как «политическую фантастику», однако судя по событиям, происходящим в мире, эта фантастика может в той или иной степени оказаться пророческой – как уже не раз бывало с классиками французской и шире – европейской и мировой литературы, которые в своих произведениях предвосхищали будущее.

Иллюстрацией тому – история публикации романа. «Покорность» попала на прилавки парижских книжных магазинов аккурат 7 января 2015 года – в день кровавого теракта в редакции журнала «Шарли Эбдо», посвятившего одну из статей в текущем номере как раз новой книге Уэльбека.

С тех пор в мире произошло множество кровавых террористических актов, совершенных радикальными исламистами. Вспомним лишь те, что больше всего потрясли Западный мир:

- серия терактов в Париже, рядом со стадионом «Стад де Франс» и в театре «Батаклан», 13 ноября 2015 года, в ходе которых погибли 129 человек;

- серия терактов 22 марта 2016 года в Брюсселе, в результате которых погибли 35 человек;

- террористический акт 12 июня 2016 года в Орландо, США (стрельба в ночном гей-клубе), унесший жизни 49 человек;

- террористический акт в Ницце, Франция, 14 июля 2016 года, в результате которого погибли 86 человек;

- террористический акт во время Рождественской ярмарки в Берлине 19 декабря 2016 года, в результате которого погибли 11 человек;

- террористический акт в Манчестере 22 мая 2017 на концерте американской певицы Арианы Гранде, в результате которого погибли 22 человека;

- террористический акт на Лондонском мосту 3 июня 2017 года, в результате которого погибли 8 человек;

- террористический акт в Барселоне 17 августа 2017 года, в результате которого погибли 13 человек.

Ответственность за все эти убийства взяло на себя «Исламское государство» – реальная террористическая организация (запрещена в России), название которой переключается с вымышленным «Мусульманским братством» Уэльбека.

Тема ислама, его роли в современном мире – одна из главных в жизни и творчестве Уэльбека. Против него даже инициировали судебный процесс, обвиняя в исламофобии, но писатель отстоял свое право на критическое мышление. В своих произведениях он исследует средствами художественной литературы результаты столкновения ислама с безбожным западным миром и, увы, приходит к печальным для Запада выводам.

Пятой части романа «Покорность» предпослан эпиграф из лидера исламской революции в Иране Аятоллы Хомейни: «Весь ислам – это политика» [3, с. 257]. Но, по Уэльбеку, в основе конфликта ислама и секулярной европейской цивилизации лежат даже не столько политические, сколько метафизические причины. В представлении писателя главный враг ислама – не христианство, которое переживает в Западной Европе глубочайший кризис, а именно безбожное светское общество: «Заклятым врагом мусульман, внушающим им страх и лютую ненависть, является вовсе не католичество, а секуляризм, антиклерикализм, атеистический материализм» [3, с. 179].

Как уже говорилось, героям романов Уэльбека не хватает «воли к жизни», им незачем жить, кроме потребления и сексуальных удовольствий. Персонаж «Покорности» хорошо понимает, не испытывая при этом ни отчаяния, ни даже

особой печали, что близок к самоубийству просто ввиду постепенной деградации «совокупности функций, противостоящих смерти» [3, с. 238].

У атеистического материализма нет сил противостоять традиционным религиозным ценностям. «Последние ветераны 68-го года» – эти «дышащие на ладан мумии прогрессизма, которые давно себя исчерпали в общественном плане» [3, с. 176], лишь блокируют восстановление семейных ценностей и традиционной морали, без которых старушка Европа обречена.

Секулярный человек терпит поражение на всех «фронтах». Уэльбек критикует Запад за его веру в собственную непогрешимость, за упорное стремление навязать всему человечеству свои жизненные ценности и политические «привычки»: «Как ни удивительно, западные страны чрезвычайно гордились своей избирательной системой, которая, в общем-то, была не более чем способом поделить власть между двумя враждующими бандами, и порой даже доводили дело до войны, а все ради того, чтобы навязать эту систему странам, не разделяющим их восторгов» [3, с. 57].

Между тем в современной Франции «выборы не представляли ни малейшего интереса; убожеству «политического предложения» можно было только поражаться [3, с. 57], – уничижительно характеризует Уэльбек политический процесс на родине. Так называемая интеллектуальная элита Запада оказывается бессильной, ее имитация политического процесса больше никому не интересна, а на политическую сцену выходят мощные фундаменталистские религиозные силы.

Весь интеллектуальный спор двадцатого века выразился в противостоянии между коммунизмом – скажем так, «жестким» вариантом гуманизма – и либеральной демократией, его мягким вариантом, как полагает один из героев романа профессор Редигер, однако в финале «все вернется на круги своя».

«Возвращение религии» представляется Редигеру неизбежным. «Религиозность дает преимущество при естественном отборе: супружеские пары, исповедующие одну из трех мировых религий, патриархальные ценности которых незыблемы, имеют больше детей, чем атеисты и агностики; женщины в

таких парах менее образованны, гедонизм и индивидуализм выражены слабее» [3, с. 80], – объясняет ученый.

При этом новой религией Европы станет не вроде бы куда более органичное здесь христианство, а ислам. «Постыдное жеманство, телячьи нежности и заигрывание с прогрессистами привело к тому, что католической церкви уже не под силу противостоять падению нравов, твердо и мощно выступить против гомосексуального брака, абортот и права женщин на работу. Пора уже признать: Западная Европа, дойдя до крайней степени разложения и мерзости, не в состоянии спастись, как не мог спастись Рим в V веке нашей эры. Массовый приток мигрантов – носителей традиционной культуры с ее естественной иерархией, покорностью женщины и уважением к старшим – это исторический шанс для морального и семейного перевооружения Европы; мигранты открывают перспективу нового золотого века на старом континенте. Некоторые из этих народов исповедуют христианство; но в большинстве своем, разумеется, это мусульмане» [3, с. 318–319].

«Покорность» Уэльбека – это покорность современной бессильной Европы перед лицом более молодой, более сильной, варварской культуры ислама. «Я вообще ни за что, ты прекрасно знаешь, но патриархат... в качестве социального уклада был устойчив, и семьи с детьми, в общем и целом, воспроизводили себе подобных по одной и той же схеме, короче, дело шло своим чередом. А сейчас детей не хватает, так что это дохлый номер» [3, с. 46], – говорит герой романа. Ислам по Уэльбеку – это носитель чужих, часто даже враждебных, но традиционных ценностей. Единственная жизнеспособная модель в современной разлагающейся Европе.

Реформы пришедшего к власти президента-мусульманина официально направлены на то, чтобы «вернуть почетное место и утраченное достоинство семье как основополагающей ячейке нашего общества» [3, с. 230]. Мусульманское братство отводит центральное место не экономике, а демографии и образованию. «Победа останется за группой населения с более высоким уровнем рождаемости, которой удастся обеспечить преемственность

своих ценностей, вот и вся наука, считают они, а экономика и даже геополитика – это дешевые понты: кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим, и точка. Поэтому основной и единственный пункт, по которому они хотят во что бы то ни стало добиться своего, – это школьное образование» [3, с. 96].

Главному герою романа – университетскому профессору – не остается ничего, кроме как покорно сдаться на милость победителя и принять ислам: «Мне будет дан второй шанс – шанс начать другую жизнь, никак, по сути, не связанную с предыдущей» [3, с. 345].

ВЫВОДЫ

Будущее Европы и – шире – всей Западной цивилизации – одна из главных тем творчества Мишеля Уэльбека. Его романы привлекают внимание исследователей и широкой публики не только блестящим стилем, но и острейшей политической проблематикой.

Как уже говорилось, творчество писателя насквозь пронизано злобой дня. Доказательством тому – потрясения, которые переживает сегодня Старый Свет. Здесь и кровавые теракты, и миграционный кризис, и приближающийся распад Европейского союза – поддержанный писателем референдум в Великобритании положил конец мифу о единой Европе.

При этом, по мнению Уэльбека, основанная на культе потребления безбожная современная западная система ценностей оказывается нежизнеспособной. Европа, дойдя до крайней степени разложения и мерзости, не в состоянии спастись, как не мог спастись Рим в V веке нашей эры.

Есть ли у Старого Света выход из этого кризиса? Сможет ли Европа опровергнуть мрачные прогнозы не только Освальда Шпенглера, но и Мишеля Уэльбека? Промежуточный ответ на этот вопрос мы сможем получить буквально через четыре года, которые отделяют нас от времени, в котором разворачивается действие романа «Покорность».

Сам писатель видит шанс в так называемой прямой демократии – недостижимом утопическом политическом идеале. «Я за прямую демократию, – говорит Уэльбек в интервью другому классику современной французской литературы Фредерику Бегбедеру. – Мне кажется, что мы переживаем кризис представительной демократии. Но это многообещающий кризис, который может вылиться в позитивные изменения. Я никогда не голосовал на парламентских выборах, поскольку не хотел делегировать кому-то мою власть для создания законов. Единственный приемлемый способ менять законы – это проводить референдум по инициативе народа. Таким же способом должен утверждаться бюджет. Каждый знает, сколько он готов потратить на полицию, на здравоохранение, на образование, на армию. Потом останется только высчитать среднее значение» [4].

«Я хочу расширить прямую демократию, убрав парламент, – мечтает Уэльбек. – На мой взгляд, президент республики должен избираться пожизненно, но с условием, чтобы его можно было лишить полномочий в случае, если так решит народный референдум. Третья важная мера: судьи должны быть выборными (выбирать их, разумеется, надлежит из числа дипломированных юристов, иначе говоря, такого, как ты, нельзя будет избрать). Четвертая мера: государственный бюджет будет распределяться гражданами, которые ежегодно будут заполнять листок, где надо галочкой отмечать соответствующие графы. Таким образом, народ должен решать, какие отрасли в первую очередь нуждаются в финансировании. И прежде чем определить бюджет того или иного министерства, специалисты будут подсчитывать среднее арифметическое. Если мы хотим выйти из кризиса политического представительства, в котором застряли, нужна прямая демократия. Если мы эти меры не примем, то все кончится катастрофой» [4].

Список литературы

1. Мишель Уэльбек. Счастья нет, но есть радость [Электронный ресурс] / М. Уэльбек // Труд. – № 191. – 10.10.2008. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/10-10-2008/134250_mishel_uelbek_schastja_net_no_est_radost.html (Дата обращения: 17.02.2018).
2. Уэльбек, М. Возможность острова [Текст] / М. Уэльбек. – М.: Иностранка, 2006. – 624 с.
3. Уэльбек, М. Покорность [Текст] / М. Уэльбек. – М.: АСТ: CORPUS, 2016. – 352 с.
4. Фредерик Бегбедер берет интервью у Мишеля Уэльбека [Электронный ресурс] / Ф. Бегбедер // Esquire. – 2013. – № 10. – Режим доступа: <https://esquire.ru/letters/27522-begbeder-houellebecq/> (Дата обращения: 17.02.2018).

THE DECLINE OF THE WEST: MICHEL HOUELLEBECQ'S VERSION

Mashchenko A.

Summary. One hundred years ago, in 1918, German philosopher Oswald Spengler wrote his main book – *The Decline of the West*, in which he predicted the decline and death of the Old World. However, Europe survived through the Second World War and stayed on the edge of the nuclear abyss. In the late twentieth and early twenty-first century, the classic of contemporary French literature, Michel Houellebecq, offers his version of the «decline of the West» in the series of novels: *Whatever*, *Atomised*, *Platform*, *The Possibility of an Island*, *The Map and the Territory* and, finally, *Submission*.

His works attract attention not only with a brilliant style, but also with the most acute political problems. In the artistic space of Houellebecq, the godless modern Western value system, based on the cult of consumption, is doomed to destruction. Does the Old World have a way out of this crisis? Will Europe be able to refute the gloomy forecasts not only of Oswald Spengler, but of Michel Houellebecq? We will be able to get an intermediate answer to this question in just four years, which separate us from the time in which the plot of *Submission* takes place.

Keywords: *Houellebecq, Submission, Europe, West, Islam, terrorism.*

References

1. Mishel' Ual'bek: Shchast'ya net, no est' Radost' [Michel Houellebecq: There Is no Happiness, but there Is Joy]. Trud. № 191. 10.10.2008. Available at: http://www.trud.ru/article/10-10-2008/134250_mishel_uelbek_schastja_net_no_est_radost.html (accessed 17.02.2018).
2. Houellebecq M. Vozmozhnost' Ostrova [The Possibility of an Island]. Moscow, 2006.
3. Houellebecq M. Pokornost' [Submission]. Moscow, 2016.
4. Frederik Begbeder Beriot Interv'yu u Mishelya Ual'beka [Frederic Beigbeder Interviews Michel Houellebecq. Esquire. 2013. № 10. Available at: <https://esquire.ru/letters/27522-begbeder-houellebecq/> (accessed 17.02.2018).

УДК 81'22:165

**ЯЗЫК НАУКИ И МИФА:
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО**

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
Севастополь, Россия
E-mail: stavis@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы понимания мифа и перевода языка мифа на язык науки в контексте исследований мифа лингвистами и семиологами. Данный вопрос важен для изучения мифа как такового и выявления его роли в обществе и связан с неизбежной полной или частичной утратой смысла мифа в ходе его научной интерпретации. Однако в свою очередь проблема перевода мифа на понятный наблюдателю язык позволяет ему трансформироваться и лучше обслуживать интересы и потребности тех, кто в нем заинтересован, выявляя те стороны взаимодействия науки и мифа, которые воплощают их интеллектуальное единство.

Основная цель данного исследования – рассмотреть, почему миф остается для науки непознанным настолько, что его исследователи не смогли договориться о его содержании даже на уровне понятий; выяснить, какие причины и факторы определяют принципиальную неперевоимость мифологических текстов и символов на язык науки. Разобраться, как наука решает эту проблему и к чему выбранный способ решения ее приводит.

Из основных выводов исследования особо стоит отметить, что неточность перевода и невозможность раскрыть миф во всей его глубине и целостности является важным источником развития мифа в его бесконечных трансформациях, где изменение смыслового содержания заложено в миф как возможность его развития через игру смыслов, создавая диалог разностей, который обеспечивает творческое напряжение, смысловую устойчивость мифа и его развитие.

Ключевые слова: язык науки и мифа, проблема перевода мифологического смысла.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных проблем в изучении мифа является проблема перевода. И мы попробуем в данной статье рассмотреть данный вопрос, выявив, почему перевод языка мифа на язык науки так важен и столь затруднен, с какими проблемами сталкивается исследователь, занимающийся данной темой, какие перспективы она открывает для исследователей мифа в будущем.

Почему же это так важно? Познание мифа происходит через перевод с языка мифа на язык науки. А это требует изучения проблемы перевода. Изучение мифа всегда упирается в проблему своеобразной неперевоимости текстов, когда перевод столь приблизителен, что его точностью можно вообще пренебречь [8]. И, возможно, поэтому миф столь неуловим для исследователей, что за прошедшие

две тысячи лет им не удалось даже договориться в формулировках его определения [6; 10].

Отчасти это связано с тем, что, будучи базовой универсалией культуры, миф синкретичен и способен к таким трансформациям, которые выходят за рамки возможностей отдельных научных дисциплин [12; 15]. И не исключено, что именно лингвистика и семиотика позволят нам в данном вопросе найти недостающее звено и описать круг связанных с ним проблем.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

С точки зрения лингвистики мышление можно воспринимать как переход от еще немислимого (неизреченного) в мыслимое (изреченное) через уже установленные или заново определяемые формы субъективности и речи. А это значит, что «онтология перевода составляет первое и последнее условие преобразования невербального содержания сознания в артикулированные, грамматические и дискурсивные формы» [17]. При этом, согласно теории Р. Якобсона, онтология перевода выстраивается в рамках трех его основных эмпирических видов: внутриязыкового (перифраз), межъязыкового (перевод как таковой) и интерсемиотического (трансформация знаков одной семиотической системы в знаки другой или других семиотических систем [19, с. 18–19]. И каждый из них вписывается в мифотворчество на своем уровне, осуществляя перевод структурированного в языке бессознательного (Ж. Лакан) в критические или превращенные формы сознания. В любом случае убеждение, что в своих построениях философия имеет дело скорее с истиной, чем с языком, и с бытием, чем со знаком, до сих пор является преобладающим [10].

В связи с этим стоит вспомнить, что в своей работе «Категории мышления и категории языка» (1958) Э. Бенвенист одним из первых показал зависимость формы мышления от языка. Так, в частности, по его мнению, вся философия Аристотеля была продиктована исключительно структурой греческого языка, а проблематика т. н. бытия восходит к соответствующему греческому глаголу. Иначе говоря, вся эллинская метафизика была обусловлена конкретной

«лингвистической ситуацией», отнюдь не исчерпывающей все возможности обозначения, или соотношения, слов и вещей. В результате Аристотель «думал, что определяет свойства объектов; а полагал исключительно языковые сущности; именно язык, в силу собственных категорий, позволяет их распознавать и характеризовать» [20, с. 70].

Однако, на наш взгляд, несмотря на это, языковая природа бытия не дает оснований устанавливать лингвистический детерминизм в духе раннего Л. Витгенштейна, для которого язык был «формой жизни», так как «всякое бытие есть бытие-о-котором-говорят». В результате этого язык и речь вытесняли и маргинализировали не только мышление, но и элементарные, построенные на чувствах и ощущениях представления с такой безапелляционностью, как будто мысль действительно рождается во рту (Т. Тцара), а не объективируется с помощью речи. И если учесть, что с «легкой руки» Л. Витгенштейна неопозитивизм относил миф скорее к «невыразимому», поскольку для логики он до сих пор в значительной степени остается неуловимым, то придется признать, что в таком виде он попросту выводится из системы познания [13]. Но это было неправильным.

В отличие от них Г. Д. Гачев, оттолкнувшись от успехов и притязаний лингвистики, сумел прийти к тем выводам, которые наглядно показывают, что данная проблема носит не узколингвистический характер. Согласно Г. Д. Гачеву, она является по своей сущности комплексной, синкретической, универсальной и подводит к той довольно туманной, но уже признаваемой всеми категории, как ментальность, выражаемой Г. Д. Гачевым в краткой, но емкой формуле «космо-психо-логос» [1]. В результате, по его мнению, хотя специфика национального мышления и связана с языком, но сам язык является следствием ментальности, сложившейся исторически и сформировавшейся в определенных пространственно-временных условиях, которые у разных народов меняются настолько медленно, что собственно этими изменениями в краткой исторической перспективе можно просто пренебречь.

Особую роль в этом играла мифопоэтика, когда в силу отмечаемого сходства мифических и поэтических структур у отдельных специалистов создавалось впечатление, что «все в тексте потенциально переводимо на некий единый язык, на котором никто не говорит, но который универсально отражает свойства всех других языков и их “кодов”» [2, с. 751].

Хотя, вполне возможно, их сходство в значительной степени связано с тем, что речь идет об одном явлении, рассматриваемом с позиций разных научных дисциплин, представители которых нередко даже не пытаются распространить миф на современность [11; 14]. Впрочем, писавший об этом К. Леви-Стросс в данном вопросе шел дальше: «В обоих случаях речь идет об упразднении оппозиции “чувственное/интеллектуальное” в игре структур различных уровней; а так как в зависимости от этой оппозиции находится само различие науки и искусства, заодно растворяется и оно» [2, с. 751]. Однако современный миф в состоянии сохранять целостность растворенного, с одной стороны, различными способами, включая его в целостность более общего и фундаментального порядка, а с другой – позиционируя его как нечто самодостаточное [12].

Возможно, поэтому, работая с мифами, исследователи испытывают необходимость перевести миф как «методологически иное» (Джеймс Бун) в привычные для них понятия, что делает подобную работу схожей с литературной критикой. В этом случае для них речь идет о чем-то непознанном, но имеющим для мифа и лингвистики некое универсальное значение. Хотя, так это или нет, пока непознанное остается непознанным, говорить, видимо, еще рано. И вполне возможно, что не раскрытое, но явственно ощущаемое структуралистами – антропологами и лингвистами – сходство связано не с тем, что существует на самом деле, а с их общей лингвистической позицией, вытекающей из теории структурной лингвистики Р. Якобсона и Ф. Соссюра. Тем самым они не только внесли неоценимый вклад в развитие мифологии в целом, но и существенно повлияли на формирование современной лингвистической мифологии.

Однако проблема не только в этом. Ведь в силу того, что миф принадлежит к личностным мирам, пересказывать его столь же сложно относительно его

действительной сути, как пересказывать увиденное во время сна сновидение. Кто пытался сделать это, знает, сколь неуловимым является видение и убогим становится его пересказ. Определявшие общее впечатление детали во время пересказа куда-то пропадают. И восстановить их практически невозможно. Хотя общие представления передать все-таки можно. Но насколько они будут соответствовать увиденному, зачастую не сможет сказать и тот, кто этот сон видел. Так и с мифом [9].

Понятно, что если между наукой и мифом как сложными саморазвивающимися системами нет и, возможно, быть не может взаимооднозначных соответствий [7], то точный перевод одних мифологических текстов на язык науки в принципе невозможен. И тогда в данном случае мы сталкиваемся не просто с проблемой перевода, о которой неоднократно писали семиологи, а с проблемой перевода непереводаемого. В свою очередь, необходимость перевода при заведомой его невозможности вынуждает исследователей устанавливать соответствия, имеющие скорее метафорический характер, когда элементу текста в переводе может соответствовать не один элемент, а некоторое их множество. В результате этого перевод выглядит как неоднозначное преобразование. Впрочем, миф и культура эту проблему решают. Чего не скажешь о науке. Точнее, она осуществляет перевод в соответствии со своими возможностями [6; 9]. Но они оказались весьма ограниченными.

В связи с этим следует оговорить и еще одну важную деталь: наука не может не доорганизовывать мифологический мир, переводя его на свой язык, а непонятое из своей сферы исключая [13]. В результате в ходе подобного «диалога» формируется образ в целом «рациональной» культуры, которой противостоит иррациональная «антикультура» как некая «темная материя». Ее основу и суть составляет миф, который, будучи как бы оттесненным на периферию культуры, во многом благодаря этому обеспечивает резерв культурной динамики. Но отражает ли подобная картина реальное положение вещей? Наверное, настолько, насколько исследователи способны убедить себя и других в этом сами.

Возможно, поэтому, анализируя функционирование семиотических систем, выдающийся исследователь культуры Ю. М. Лотман сделал довольно интересное наблюдение, которое в полной мере может быть соотнесено с той ролью, которую в целом играет по отношению к современной мифологии наука. Так, Ю. М. Лотман писал: «повышение степени организованности семиотической системы сопровождается ее сужением, вплоть до предельного случая, когда метасистема становится настолько жесткой, что почти перестает пересекаться с реальными семиотическими системами, на описание которых она претендует. Однако и в этих случаях авторитет “правильности” и “реального существования” остается за ней, а реальные слои социального семиозиса в этих условиях полностью переходят в область “неправильного” и “несуществующего”» [4, с. 547].

Понятно, что все вышесказанное напрямую относится и к мифу. То есть роль описывающей миф «метасистемы» взяла на себя наука. При этом применительно к современной мифологии «она становится настолько жесткой», что, как пишет Ю. М. Лотман, с ней «почти перестает пересекаться». Но, поскольку приоритет суждения все равно остается за ней, мифологии «в этих условиях полностью переходят в область “неправильного” и “несуществующего”».

Однако неясно, на каком основании, лишь потому, что их «языки описания» не совпадают? Более того, жесткая семиотическая структура науки не позволяет ей адекватно описывать миф. Он обвиняется в излишней хаотичности и непредсказуемости, а значит, неправильности, но, как писал об этом К. Хюбнер, «разве мы не оказываемся в том же положении, когда пытаемся судить о науке? Разве не предлагает она нам постоянно растущее и даже противоречивое многообразие гипотез и теорий? Тем не менее мы говорим о науке в единственном числе» [18]. И не пытаемся от нее отказаться лишь потому, что в каких-то исследовательских вопросах она оказалась нам не понятна или неправа.

К сожалению, поскольку для науки мифология являлась чем-то инородным, чужим, внесистемным, а значит, по природе своей неправильным, отношение к ней в науке традиционно выстраивалось как к чему-то неправильному,

несовершенному, несущественному и даже «несуществующему», что нужно изжить или игнорировать, но вовсе не стоит понимать.

В качестве аналогии такого подхода можно привести пример отношения людей в свое время к носителям другого языка как к «немым», «немцам». И даже если уже было известно, что иностранный язык является определенной системой информирования, в другой среде он воспринимался пренебрежительно, считаясь «испорченным», «неправильным», не имеющим внутренней структуры, не обладающим связностью и упорядоченностью логотанием.

Пример такого отношения был предложен в романе «Война и мир» у Л. Н. Толстого, где описывалась реакция простых людей на французскую речь: «Вот так по-хранцузски, – говорили солдаты в цепи. – Ну-ка, ты, Сидоров!

Сидоров подмигнул и, обращаясь к французам, начал часто, часто лепетать непонятные слова.

– кари, мала, тафа, сафи, мутер, каск'ф, – лопотал он...» [16, с. 217].

Естественно, что сейчас подобная реакция на незнакомую речь ничего не говорит о качестве иностранного языка, но зато очень доходчиво показывает ограниченность тех, кто его в силу своего непонимания не принимает. Однако для нас это лишь частный случай. Хотя в аналогичной ситуации оказываются и те «знатоки» культуры, которые, подобно скандально известному украинскому политологу В. Бебику, уверяют, что Л. Н. Толстой прибегал к французской речи в «Войне и мире» тогда, когда не мог на русском выразить те мысли и переживания, которые его при написании романа охватывали. Поэтому нам приходится лишь сочувствовать такому отношению и сожалеть, что оно никак не способствует процессу познания, существенно его тормозит.

Но не в таком ли положении находится сейчас и современная наука, относящаяся предвзято к тому, что плохо понимает и, возможно, не хочет понимать, пренебрежительно называя его «всего лишь» мифом? И если да, то тогда речь идет об отношении, носящем для науки и общества не частный характер, а системный. Отношении, которое говорит о науке значительно больше, чем о мифе как таковом.

При этом поднятый выше вопрос подводит нас снова к проблеме «перевода» языка мифа на язык науки. Ведь очевидно же, что наука с этим имеет затруднения. И возможно, правы те, кто вслед за К. Леви-Строссом считают, что «мифы являются доступными переводу лишь друг в друга» [2, с. 612]. Иначе говоря, нельзя миф переводить в нечто иное, чем он сам. Однако возможно, что К. Леви-Стросс прав в том смысле, что взаимная неперево́димость мифа и науки связана с несовершенством научного аппарата и является в данном случае временной. Но вполне возможно и другое: что эта неперево́димость носит принципиальный характер и в перспективе не будет полностью решена.

Но определенные догадки и гипотезы у исследователей в этом плане есть. Одно из них, в частности, касается известного сравнения у К. Леви-Стросса мифа с музыкой с тем расхождением, что в отличие от музыки «вместо схемы, закодированной в звуках, миф предлагает схему, закодированную в образах» [2, с. 620]. Трудно сказать, в каком случае стоит миф сводить к схеме, а в каком нет. Однако «ожидать от мифа однозначности, – писал в связи с этим Филипп Нейл, – все равно, что пытаться изложить сонет Шекспира в прозе» [5, с. 6]. Но и это сравнение, на наш взгляд, является крайне приблизительным, т. к. миф в своих играх с реальностью легко создает эффекты, аналогичные кольцу Мебиуса или уроборосу, где синкретизм становится обязательным условием понимания, позволяя малому поглощать большое, а вещам переходить в свою противоположность и обратно, сочетая несовместимое. Поэтому проблема перевода смысла и содержания мифа для науки остается неразрешенной.

Учитывая это применительно к функционированию языков, а через них и к функционированию всей семиотической системы, Ю. М. Лотман писал: «Невозможность точного перевода текстов с дискретных языков на недискретно-континуальные и обратно вытекает из их принципиально различного устройства: в дискретных языковых системах текст вторичен по отношению к знаку, то есть отчетливо распадается на знаки. Выделить знак как некоторую исходную элементарную единицу не составляет труда. В континуальных языках первичен

текст, который не распадается на знаки, а сам является знаком или изоморфен знаку» [4, с. 572].

Отметим, что в целом данная мысль возражений не вызывает. И ее главная ценность в констатации трудности перевода дискретно-линейных текстов на имеющий принципиально иное устройство язык. Действительно, любой перевод с одной знаковой системы на другую неизбежно ведет к трансформации, когда потеря определенных устойчивых смысловых связей неизбежна. Но сама трансформация при этом заложена в миф как возможность его развития через игру смыслов, которую знаки в разных сочетаниях обеспечивают. И на этом принципе строится диалог, а диалог разностей обеспечивает смысловую устойчивость и развитие.

С другой стороны, на наш взгляд, мифу как тексту и знаку на разных уровнях его существования свойственны и дискретность, и континуальность. В результате в одной ситуации он может распадаться на знаки и, соединяя их в разные комбинации, предлагать веер интерпретационных возможностей. В иной – выступать знаком самому, вступая как знак в отношения с другими знаками и трансформируясь в другое свое проявление или реализуя свою самодостаточность в законченной знаковой структуре, где каждый встроенный в нее знак «работает» на целое и в совокупности предстает в нем как целостное недифференцированное знание. Благодаря этому любая трансформация мифа в своей среде позволяет его носителям безошибочно определять, какое значение приписывать ему в той или иной ситуации. Однако проблемы перевода это обстоятельство не снимает. Хотя некоторым исследователям и представляется спорным. «Миф можно определить как такой вид высказываний, при котором известное выражение “traduttore – traditore” совершенно несправедливо», – утверждал в связи с этим К. Леви-Строс, подтверждая свой вывод следующим умозаключением: «Миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если можно так выразиться, отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [3, с. 218].

Отметим, что в целом эта мысль великого французского антрополога производит сильное впечатление. Впрочем, вполне возможно, что в данном вопросе К. Леви-Стросс не прав. Причем его собственное высказывание выдает определенные сомнения, которые проявляются уже в том, что К. Леви-Стросс не уверен, что правильно свою мысль выражает. Особенно там, где он «намекает» на то, что миф – чуть ли не язык вне языка. Однако попробуем, в свою очередь, перевести его высказывание, актуализировав наиболее важные аспекты. И тогда получится, что миф можно представить как язык. Но он – язык, работающий на уровне, где смысл отделяется от языка. То есть уровень функционирования мифа позволяет ему работать вне сферы привычного для нас языка. И уже хотя бы поэтому он к языку не сводится. И с этим соображением мы согласны полностью.

Что касается известной итальянской поговорки «переводчик – предатель», то ее толкование требует особого уточнения, так как проблема перевода на примере мифа выглядит особенно наглядно. И поскольку определяющая жизнь мифов игра смыслов строится на особенностях перевода, на наш взгляд, итальянская поговорка и по отношению к мифу вполне справедлива. Спрашивается: почему же К. Леви-Стросс считал иначе? Потому что у мифов смысл отделяется от своей языковой основы? Но как смысл может отделиться от своей языковой основы? И как сам К. Леви-Стросс это зафиксировал? Ведь его размышления на этот счет довольно путаны и не дают возможности подтвердить его правоту фактами. Причем он сам отмечает это. И пока сторонники его выводов не найдут более весомые аргументы в пользу его высказывания, данный вопрос можно считать как минимум открытым и спорным.

ВЫВОДЫ

Впрочем, данное обстоятельство не перечеркивает той смысловой цепочки, которая увязывает язык и миф через перевод в одно целое. И она показывает следующее. Где используется язык, там функционирует пространственно-временное многоязычие. Где есть многоязычие, там существует проблема перевода. Перевод не может быть полным, однозначным и исчерпывающим.

Значит, в ходе его возникает то смысловое напряжение, которое дает импульс новым образно-символически оформленным интерпретациям. И миф ими живет. И будет жить, каждым своим проявлением давая понять, что одной из основных посылок для анализа взаимодействия мифа и науки является тот факт, что в данном диалоге «исходно задается ситуация непереводаемости» [4, с. 587]. И нам придется с ней считаться, так как попытки снять данную проблему не только не представляются возможными, но являются в принципе нежелательными. Ведь точность перевода в данном случае заменяется проблемой смысловой эквивалентности, когда противоположные тенденции и смыслы снимаются на другом уровне единого структурного целого. Так, благодаря своему взаимодействию, миф и наука образуют то интеллектуальное целое, которое представляет собой главное достижение человечества.

Список литературы

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г. Д. Гачев. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
2. Леви-Стросс, К. Мифологии. В 4-х тт. Т.4. Человек голый / К. Леви-Стросс. – М.; СПб.: Университетская книга, 2007. – 784 с.
3. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова / К. Леви-Стросс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
5. Нейл, Ф. Мифы и легенды. Расшифрованные послания и символы в работах великих мастеров / Ф. Нейл. – Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2009. – 128 с.
6. Ставицкий, А. В. Міф і онтологія наукової методології / А. В. Ставицкий // Філософія і політологія в контексті сучасної культури: Науковий журнал. – Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського національного університету, 2012. – Вип. 3. – С. 254–261.

7. Ставицкий, А. В. Мифологизация науки: постановка проблемы / А. В. Ставицкий // Ноосфера і цивілізація. Всеукраїнський філософський журнал. – Донецьк, 2012. – Випуск 1 (13). – С. 31–35.
8. Ставицкий А. В. Мифологическое отражение реальности: основные подходы / А. В. Ставицкий // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2011. – Вып. 115 – С. 89–94.
9. Ставицкий, А. В. Наука и миф: проблема соотношения / А. В. Ставицкий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2014. – № 2. – С. 167–176.
10. Ставицкий, А. В. Наука и философия: мифологический аспект / А. В. Ставицкий // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 209. – С. 128–131.
11. Ставицкий, А. В. Научный миф позитивизма: проблема непроявленного / А. В. Ставицкий // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 214. – С. 136–138.
12. Ставицкий, А. В. Онтология современного мифа. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 543 с.
13. Ставицкий, А. В. Современная мифология: опыт постижения Иного / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 192 с.
14. Ставицкий, А. В. Современный миф: его природа и предназначение / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2013. – 148 с.
15. Ставицкий, А. В. Современный миф и его основные функции / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 238 с.
16. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой // Собр. соч. В 14 т. – М., 1951. – Т. 4. – 362 с.
17. Фокин, С. Л. Перевод как незадача русской философии: к критике проблемы концепции мимезиса В. А. Подороги [Электронный ресурс] // Сайт «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/perevod-kak-nezadacha-russkoj-filosofii-k-kritike-kontseptsii-mimesisa-v-a-podorogi> (дата обращения 09.09.2017).

18. Хюбнер, К. Прогресс от мифа, через логос, к науке? [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6257> (дата обращения 09.09.2017).
19. Якобсон, Р.. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – С. 18–19.
20. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. – Paris: Gallimard, 1966.

**LANGUAGE OF SCIENCE AND MYTH:
THE PROBLEM OF TRANSLATION AND INTELLECTUAL UNITY**

A. V. Stavitskiy

Summary. The article is devoted to the problem of understanding the myth and translating the language of myth into the language of science in the context of myth studies by linguists and semiologists. This issue is important for studying the myth as such and revealing its role in society and is associated with the inevitable complete or partial loss of the meaning of the myth in the course of its scientific interpretation. However, in turn, the problem of translating a myth into an understandable language allows it to transform and better serve the interests and needs of those who are interested in it, identifying those aspects of the interaction of science and myth that embody their intellectual unity.

The main goal of the research is to find out why the myth remains unknown to science so that its researchers could not agree on its content even at the level of concepts. Consider what factors determine the fundamental non-transferability of mythological texts and symbols, and what this untranslatability is related to. Understand how science solves this problem, and what the chosen method of solving it leads to.

From the main findings of the study, it is especially worth noting that the inaccuracy of translation and the inability to disclose the myth in its entire depth and integrity is an important source of myth development in its endless transformations, where the change in the semantic content is embedded in the myth as the possibility of its development through the play of meanings, creating a dialogue of differences, which provides creative tension, the semantic stability of the myth and its development.

Keywords: language of science and myth, the problem of translating mythological meaning.

References

1. Gachev G. D. Natsional'nye Obrazy Mira: Kurs Lektsii [National Images of the World: Course of Lectures]. Moscow: Akademiya Publ., 1998. 432 p.
2. Levi-Stros K. Mifologiki [Mythologiques]. Vol. 4.: Chelovek golyi. Moscow: Universitetskaya Kniga Publ., 2007. 784 p.
3. Levi-Stros K. Strukturnaya Antropologiya [Structurale Anthropologie]. Moscow: EKSMO Publ., 2001. 512 p.

4. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo Publ., 2004. 704 p.
5. Neil F. Mify i Legendy. Rasshifrovannye Poslaniya i Simvoly v Rabotakh Velikikh Masterov [Myths and Legends: The World's Most Enduring Myths and Legends Explored and Explained]. Khar'kov, Belgorod: Klub Semeinogo Dosuga Publ., 2009. 128 p.
6. Stavitskii A. V. Mif i Ontologiya Naukovoii Metodologii [Myth and Ontology of Scientific Methodology]. *Filosofiya i Politologiya v Konteksti Suchasnoi kul'tury: Naukovii Zhurnal*. Dnipropetrovs'k: Vidavnistvo Dnipropetrovs'kogo Natsional'nogo Universitetu, 2012, no. 3, pp. 254–261.
7. Stavitskii A. V. Mifologizatsiya Nauki: Postanovka Problem [Mythologization of Science: the Formulation of the Problem]. *Noosfera i Tsivilizatsiya. Vseukraïns'kii Ailosofs'kii Zhurnal*. Donetsk, 2012 no (13), pp. 31–35.
8. Stavitskii A. V. Mifologicheskoe Otrazhenie Real'nosti: Osnovnye Podkhody [Mythological Reflection of Reality: the Main Approaches]. *Visnik SevNTU*, 2011, no 115, pp. 89–94.
9. Stavitskii A. V. Nauka i Mif: Problema Sootnosheniya [Science and Myth: the Problem of Correlation]. *Filosofiya khozyaistva. Al'manakh Tsentra Obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU*. 2014, no 2, pp. 167–176.
10. Stavitskii A. V. Nauka i Filosofiya: Mifologicheskii Aspekt [Science and Philosophy: Mythological Aspect]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ya*, 2011, no 209, pp. 128–131.
11. Stavitskii A. V. Nauchnyi Mif Pozitivizma: Problema Neproyavlennogo [The Scientific Myth of Positivism: the Problem of the Unmanifested]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2011, no 214, pp. 136–138.
12. Stavitskii A. V. Ontologiya Sovremennogo Mifa [Ontology of the Modern Myth]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 543 p.

13. Stavitskii A. V. *Sovremennaya Mifologika: Opyt Postizheniya Inogo* [Modern Mythology: the Experience of Comprehending of Other]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 192 p.
14. Stavitskii A. V. *Sovremennyi Mif: Ego Priroda i Prednaznachenie* [The Modern Myth: its Nature and Purpose]. Sevastopol': Ribest Publ., 2013. 148 p.
15. Stavitskii A.V. *Sovremennyi Mif i ego Osnovnye Funktsii* [The Modern Myth and its Main Functions]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 238 p.
16. Tolstoy L. N. *Voina i Mir* [War and Peace]. *Sobr. Soch.* V 14 t. Moscow. 1951. Vol. 4. 362 p.
17. Fokin S. L. *Perevod kak Nezdacha Russkoi Filosofii: k Kritike Problemy Kontseptsii Mimesisa V. A. Podorogi* [Translation as a Failure of Russian Philosophy: Criticism of the Problem of Concept of Mimesis V.A. Podoroga]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/perevod-kak-nezdacha-russkoy-filosofii-k-kritike-kontseptsii-mimesisa-v-a-podorogi> (accessed 09 September 2017).
18. Khyubner K. *Progress ot Mifa cherez Logos k Nauke?* [Progress from Myth through Logos to a Science]. *Gumanitarnye Tekhnologii. Analiticheskii Portal*. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6257> (accesswed 09 September 2017).
19. Jakobson R. *O Lingvisticheskikh Aspektakh Perevoda* [About the Linguistic Aspects of Translation]. Moscow: Progress Publ., 1978. 18–19 pp.
20. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris : Gallimard, 1966.

УДК 82-225

**«ПИСЬМА ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА» К. М. СТАНЮКОВИЧА:
СИНТЕЗ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ**

Чжан Менцзя

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: mengjia9339@mail.ru

Большинству читателей К. М. Станюкович известен как автор увлекательных произведений о море и морях. Это закономерно, поскольку писателю удалось создать достоверные портреты моряков и реалистичные картины морской жизни, что стало для русской маринистики явлением совершенно новым и перспективным. Однако созданию произведений на морскую тему предшествовали два десятилетия напряженных творческих поисков, результаты которых публиковались на страницах российской прессы. Анализ этого творческого периода позволяет объективно оценить эволюцию, которую претерпели литературные приемы и методы К. М. Станюковича. В настоящей статье исследуется синтез русских литературных традиций, реализующийся К. М. Станюковичем при создании цикла фельетонов «Письма знатного иностранца» (1878–1897). Адаптировав в сфере публицистики литературные подходы авторов-предшественников, обновив существующие традиции, писатель сумел создать оригинальное и широкоформатное сатирическое полотно современной ему действительности.

Ключевые слова: К. М. Станюкович, литературная традиция, сатира, мнимый иностранец, пародия.

ВВЕДЕНИЕ

Главным достижением К. М. Станюковича стали произведения на морскую тематику, созданные в последние полтора десятилетия жизни писателя. Строго говоря, литературное творчество К. М. Станюковича и началось с произведений о море и морях: еще в 1863–1864 гг. в «Морском сборнике» публиковались его очерки, основанные на наблюдениях, сделанных во время кругосветного плавания. Однако чтобы морской офицер стал знаменитым писателем-маринистом, понадобилось более двадцати лет напряженного творческого развития. В эти годы К. М. Станюкович испробовал себя во множестве жанров художественной литературы и публицистики, освоил множество тем, весьма далеких от морского быта, но именно этот долгий период поиска оригинальных стили, тем и героев стал уникальной школой, позволившей К. М. Станюковичу вывести русскую литературную маринистику на новый уровень. Творчество этого

периода должно вызывать пристальный интерес науки, поскольку только анализ эволюции писателя позволит объяснить природу художественных открытий, принадлежащих зрелому К. М. Станюковичу в области маринистики. И в этой плоскости первостепенное значение приобретает вопрос о формировании автором собственной тактики взаимоотношений с литературными традициями. Причем вопрос этот должен рассматриваться в более широком контексте, нежели произведения на морскую тематику, поскольку, повторим, маринистика К. М. Станюковича – результат авторских поисков в разных идейно-тематических направлениях и в разных областях и жанрах словесности.

Цель настоящей статьи – выявить механизмы модернизации литературной традиции, выработанные К. М. Станюковичем при создании цикла фельетонов «Письма знатного иностранца». При этом необходимо решить следующие **задачи**: проследить традицию имитации русской литературой иностранной рецепции России; выявить объекты и цели пародирования в «Письмах знатного иностранца»; доказать влияние сатирических приемов М. Е. Салтыкова-Щедрина на стиль и структуру «Писем...»; выявить оригинальные подходы и методы К. М. Станюковича, использованные при создании «Писем...». **Объект** статьи – синтез и модернизация литературных традиций в «Письмах знатного иностранца», **предмет** – особенности пародирования зарубежного текста о России и специфика сатирического осмысления российской действительности в «Письмах знатного иностранца».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Многие газетные и журнальные выступления К. М. Станюковича образуют тематические или жанровые единства, маркированные или не маркированные автором, но имеющие характерный набор идейно-тематических и стилистических признаков. В нашей статье речь пойдет о, пожалуй, самом цельном и последовательном публицистическом цикле, над которым К. М. Станюкович работал с 1878 по 1897 г. и который состоит из 92 отдельных текстов, создававшихся автором под общей рубрикой «Письма знатного иностранца».

Публикацию «Писем...» К. М. Станюкович начал в 1878 г. во влиятельном журнале «Дело», имевшем выраженный революционно-демократический характер. В 1883 г. К. М. Станюкович возглавит этот печатный орган, однако в 1878 г. он только начал сотрудничество с журналом в роли корреспондента. Как правило, К. М. Станюкович выступал под псевдонимом «Откровенный Писатель», наполняя рубрику «Картинки общественной жизни». Содержание рубрики под пером К. М. Станюковича получалось весьма пестрым – и по стилю, и по жанру. Чаще всего это были обличающие отклики на актуальные события. Порой они приобретали вид сатиры с элементами гротеска, порой тяготели к аналитическим рассуждениям, основанным на статистических сведениях, а иногда включали в себя выраженное лирическое начало. Так, в № 5 за 1879 г., анализируя т. н. «Кутаисский процесс» (или «Кутаисское дело», в рамках которого рассматривались обвинения евреев в ритуальных убийствах), К. М. Станюкович посвятил несколько страниц детским воспоминаниям [10, с. 119–122], чтобы обосновать свою позицию по этому делу личным жизненным опытом. В иных случаях К. М. Станюкович вовсе отходил от привычных для рубрики «Картинки общественной жизни» жанров фельетона, обзора, аналитической статьи и вместо них помещал художественные очерки, изображающие некие типажи из русского общества. В качестве примера можно привести очерк «Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим», помещенный в журнале «Дело» в 1879 г. [11].

Но хотя стилевое и жанрово-тематическое содержание «Картинок общественной жизни» выглядело мозаичным, целый ряд фельетонов К. М. Станюковича явно и последовательно формировался в рамках единого, регулярно пополнявшегося цикла. Речь идет о псевдокорреспонденциях, написанных от лица некоего англичанина и якобы переведенных с английского языка Откровенным Писателем; они поначалу публиковались под рубрикой «Картинки общественной жизни» [12], но потом оформились в самостоятельный раздел под заглавием «Письма знатного иностранца». В 1878 и 1879 гг. новые «Письма...» регулярно появлялись в журнале, однако позднее перерывы в их

публикации стали значительными. В 1884 г. работа над этим циклом была надолго прервана арестом и ссылкой писателя. После возвращения из Сибири К. М. Станюкович, однако, сумел возобновить (в 1896 г.) публикацию «Писем...» в одном из самых читаемых журналов того периода – «Русской мысли». В 1897 г. «Письма...» были собраны воедино (за исключением не пропущенных цензурой) и составили два тома (X и XI тт.) первого собрания сочинений писателя (в 13 тт.), публиковавшегося в издательстве А. А. Карцева в 1997–1900 гг.

В 1970-е гг. «Письма знатного иностранца» привлекли внимание известного советского литературоведа В. Г. Дмитриева, который изучал историю псевдонимов. Цикл фельетонов К. М. Станюковича он отнес к группе мистификаций, написанных от лица «мнимых иностранцев». В. Г. Дмитриев полагал, что тексты такого рода образуют некую традицию, которая ведет свое начало от «Персидских писем» Ш. Монтескье (1721). Имитируемые отзывы вымышленного иностранца на страну, как справедливо утверждал В. Г. Дмитриев, позволяли «по-новому освещать давно знакомые вещи – ведь иностранцы часто замечают то, на что коренные жители страны, свыкшись, не обращают внимания» [3, с. 182]. В качестве непосредственного предшественника К. М. Станюковича в русской литературе В. Г. Дмитриев указывал В. С. Курочкина, который в 1862 г. опубликовал стихотворение «Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию. (Перевод с японского и примечания Тацио-Ио-Саки)», где пародировал японский взгляд на Петербург и иронично показывал результаты заимствования Россией западных форм жизни и культуры [8, с. 140–145]. В качестве ближайшего последователя «английских» фельетонов К. М. Станюковича В. Г. Дмитриев называл С. А. Раппопорта, выпустившего «Письма незнатного иностранца о России», которые «отражали разгул реакции после революции 1905 г.» [3, с. 182].

Выделение упомянутой триады авторов, маскирующихся под иностранцев (В. С. Курочкин, К. М. Станюкович, С. А. Раппопорт), выглядит весьма обоснованным (даже если учесть, что сочинение В. С. Курочкина по форме и объему несопоставимо с «Письмами знатного иностранца»). Однако

представляется слишком «пунктирным» выводить «родословную» русских «мнимых иностранцев» второй половины XIX в. напрямую от Монтескье. Дело в том, что в русской литературе с начала XIX в. формировалась собственная традиция имитации зарубежных текстов о России, и эта традиция должна была оказаться для К. М. Станюковича более актуальной, нежели пример Монтескье.

В монографии В. В. Орехова «Русская литература и национальный имидж» подробно исследована природа интереса русской литературы XIX в. к европейским текстам о России и описана история осмысления русской литературой этих текстов. Если обобщить, то всплеск внимания русского общества к европейской рецепции России был обусловлен возросшей ролью России на международной арене после победы над Наполеоном. Европейские тексты о России собирались в библиотечные коллекции, исследовались, переводились на русский язык, перепечатывались в сопровождении научных и публицистических комментариев, обсуждались в прессе. И на протяжении всей первой половины XIX в. эта тенденция усиливалась, вовлекая в процесс общенационального обсуждения европейских мнений о России литераторов первостепенной величины: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена и мн. др. Помимо прочего, русская литература стремилась воссоздать типичные элементы европейского текста о России. Именно в этом контексте следует рассматривать и знаменитый Грибоедовский пассаж о французики из Бордо, и анекдоты об иностранных путешественниках из «Старой записной книжки» П. А. Вяземского, и многочисленные высказывания о России и русских, вложенные в уста французских персонажей романа М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», и рассказанную устами французского офицера историю о российских победах французов в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белозор», и описание российских впечатлений м'сье Петитома в рассказе В. И. Даля «Находчивое поколение», и т. д. [7, с. 538–542; 554–559]. По мнению В. В. Орехова, эти фрагментарные зарисовки были продиктованы общим стремлением русской литературы осмыслить европейский текст о России [7, с. 540]. Причем со временем русская литература научилась имитировать европейский текст о России с исключительной точностью. В качестве

примера можно привести знаменитую мистификацию П. П. Вяземского, который в 1880-х гг. подделал письма французской путешественницы Омер де Гелль и надолго ввел в заблуждение историков литературы [4, с. 9–33; 400–414].

Таким образом, нам необходимо ответить на вопрос, что побудило К. М. Станюковича вести повествование от лица иностранца: желание вслед за Монтескье заострить взгляд на предметах малопримечательных для коренных жителей страны или стремление вслед за русскими литераторами, моделируя европейский текст о России, осмыслить сущность этого текста?

С мнимым автором «Писем...» мы знакомимся на страницах первого же послания. Это некий Джон Смит, который регулярно рассказывает в корреспонденциях к супруге Дженни о своем пребывании в России. Стилевая «интимность» переписки позволяет ему признаваться в таких вещах, которые изначально ставят под сомнение его авторитет. Так, оказывается, что знатность Джона является фальшивой, поскольку свой паспорт на имя лорда Розберри он попросту подделал, да и цели его путешествия выглядят весьма шарлатанскими: «заняться в русской столице весьма благородной профессией медиума или духовной деятельностью по обращению светских дам из лона православия в лоно духовных жен» [9, т. 10, с. 182]. Словом, Джон Смит должен был ассоциироваться у российского читателя с хорошо знакомым по многим литературным произведениям типажом «мошенника-иностранца», прибывшего в Россию «на ловлю счастья и чинов». Однако столь прямое саморазоблачение, да еще – в первом же письме, заставляет читателя, во-первых, с иронией отнестись к личности Смита, а во-вторых, подозревать, что послание является не частью реальной переписки, а искусственной, художественной конструкцией – слишком полной выглядит самохарактеристика псевдолорда и чересчур явной и циничной изображается его склонность к жульничеству.

Эта последняя читательская догадка должна была усиливаться после рассказа Смита о первых «русских впечатлениях». Пока он сообщал жене о «снежных полях» и «заметенных деревнях», его повествование укладывалось в формат типичного европейского текста о России, поскольку «северный колорит»

был почти обязательным атрибутом российской экзотики [5, с. 154–159]. Но далее в письме следовал пассаж о русских волках: «Русские чувствуют замечательную любовь к этим животным (такую же, как и к клопам) и, несмотря на то, что эти хищники ежегодно поедают детей и вообще приносят стране большой убыток, они пользуются правами русского гостеприимства и были даже случаи, что они забегали в земские управы справляться, получены ли ходатайства об их истреблении» [9, т. 10, с. 184]. Этот фрагмент выглядел совершенно анекдотичным и напоминал упоминавшиеся нами сатирические имитации европейского текста о России, предпринимавшиеся П. А. Вяземским, А. А. Бестужевым-Марлинским, В. И. Далем и т. д. Уже с этого момента читатель должен был абсолютно увериться, что «Письма знатного иностранца» представляют собой сатирический вымысел, принадлежащий вовсе не иностранцу.

Как уже было сказано, имитация европейского текста о России, в том числе имитация со значительной долей сатиры и гротеска, была вполне освоена русской литературой. Можно предположить, что после первого письма Джона Смита читатель ожидал, что и последующие корреспонденции будут высмеивать верхоглядство англичанина в отношении России и непонимание им российских реалий. Действительно, второе письмо, посвященное Петербургу, начиналось с описания русских дрожжек. В этом проглядывает стремление реального автора писем снова использовать типичную модель иностранных «сказаний» о России, значительную часть которых, как правило, составляли яркие сцены путешествий на перекладных и связанные с этим видом транспорта неудобства и приключения [6]. Джон Смит не пользовался перекладными, поскольку в столицу он добирался поездом, однако и столичных дрожжек ему вполне хватило, чтобы получить яркие впечатления о местном способе передвижения. Сравнив этот род экипажа с орудием средневековой пытки, он пояснял супруге: «Представь себе инструмент или снаряд, возможный для сидения одному и невозможный для двух, который словно мячик, прыгает по каменным кочкам, внушая со стороны зрителей соболезнование за целостность внутренностей седока, и ты будешь иметь слабое

понятие о том адском экипаже, который называется здесь дрожками» [9, т. 10, с. 190–191]. Эта ирония в отношении «изнеженного европейца», столкнувшегося с российскими дорожными трудностями, думается, была вполне ожидаема читателем, но вот дальнейший текст сигнализировал о том, что реальный автор стилизованных писем выходит за рамки традиционного подтрунивания над иностранцем и распространяет сатирический тон описания и на сами российские реалии.

Со слов некоего гласного, Джон Смит сообщает Дженни, что мостовые и дрожки в российской столице именно потому и существуют, что обеспечивают тряскую езду. Это обусловлено тем, что «чиновники и клерки разных учреждений, отправляясь на службу, находятся в том состоянии полуспячки, которая по прибытии к местам службы легко и скоро переходит в летаргию и, таким образом, дела, и дела иногда весьма спешные, часто остаются без движения в ожидании окончания перемежающейся летаргии» [9, т. 10, с. 191]. Лишь мостовые и дрожки, по словам Смита, позволяют российским властям бороться с сонливостью мелких чиновников. Впрочем, дополняет Смит, эта мера не имеет эффекта в отношении чиновников уровня директоров правлений, поскольку у них есть возможность передвигаться с комфортом в собственных каретах, вследствие чего швейцары вынуждены доставать их сонными из карет, снимать с них шубы и нести в совещательные комнаты, где «сажают их в кресла и дают каждому в рот по одному пшеничному леденцу, и никто из них не просыпается» [9, т. 10, с. 191]. Пародирование европейского текста о России допускало прием гротеска (например, комично преувеличенный ужас перед российскими холодами), но у К. М. Станюковича гротеск разрушал привычную структуру пародии. Дело в том, что подобная фантазмагория никак не могла объясняться неосведомленностью иностранца или его доверчивостью к чужим мнениям, национальным эгоизмом и т. д. Гротеск такого уровня давал читателю понять, что автор, скрывшийся под маской англичанина, нацелил сатирическую оптику не только на пресловутое непонимание иностранцами российских нравов, но и на сами российские нравы.

После такого поворота русский читатель мог вспоминать уже не отечественные пародии на зарубежные заметки о России, а, скажем, «Путешествие Гулливера» в страну лилипутов, жизнь которых явилась карикатурным отражением общественных порядков Англии. Но в «Письмах знатного иностранца» в карикатурном зеркале отразились не английское административное устройство, а российское, а потому для российского читателя были более актуальны ассоциации с произведениями отечественного сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, прежде всего – с «Историей одного города», вышедшей не так давно – в 1870 г.

Исследователи уже обращали внимание на особое отношение К. М. Станюковича к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. По убеждению В. П. Вильчинского, будущий маринист публицистике «использовал словесно-изобразительные средства, сатирические формулы Щедрина, стремясь развить их в новых исторических условиях» [2, с. 201]. В «Письмах знатного иностранца» К. М. Станюкович порой сам намекал на ассоциации с творчеством М. Е. Салтыкова-Щедрина. В одном из писем Джон Смит, повествуя о системе образования для привилегированных детей, пересказывал супруге произведение «одного из талантливейших русских писателей» об «ужасном» положении, в котором «очутились два русских гражданского ведомства генерала, выкинутые по легкомыслию на необитаемый остров» [9, т. 10, с. 295].

Однако более прочную связь «Письма...» все же образовывали именно с «Историей одного города». Многие эпизоды своей абсурдностью должны были напомнить читателю портреты глуповских градоначальников. Таков, например, рассказ Джона Смита о заседании членов некой страховой компании. Ее директор был уличен в мошенничестве и получил от акционеров вотум недоверия, тем не менее сохранил за собой должность, публично заявляя, что досрочное переизбрание нанесет ему материальный урон, при этом ожесточенную критику, или «ядра брани» [9, т. 10, с. 201], акционеров он перенес совершенно спокойно, поскольку лоб его был «из бронзированной меди» [9, т. 10, с. 202].

Но дело даже не в частных «переключках» на уровне использования похожих сатирических приемов, а в схожей архитектонике сатирического отражения действительности. В обоих произведениях создан персонаж-рассказчик, способный из отдельных карикатурных зарисовок сконструировать цельный сюжет повествования: у Щедрина – это летописец, а у Станюковича – иностранный путешественник. В результате обоим сатирикам удалось создать весьма масштабные сатирические полотна. Разница лишь в том, что для Щедрина было важным выстроить сюжет по хронологической (исторической) оси, а Станюкович мало углублялся в историю, явно стремясь к широте охвата современности. Поэтому-то ему и был удобен образ иностранного путешественника – человека, который передвигается по современной К. М. Станюковичу России в любых направлениях: от Крыма до Нижнего Новгорода и от Дерпта до Уфы.

Тем не менее сходство между летописцем Щедрина и заезжим англичанином Станюковича весьма сильно. Оба рассказчика описывают очевидный абсурд с видимой серьезностью человека, воспринимающего этот абсурд либо в качестве нормального хода дел, либо – примечательного явления. И это, безусловно, усиливает комический эффект. В этом отношении К. М. Станюковичу в качестве вымышленного автора «Писем...» опять же очень подходил именно иностранец, поскольку восприятие нестандартных ситуаций *чужого* быта в качестве нормы – распространенная и узнаваемая черта большинства путевых заметок о *чужих* странах [7, с. 14–15].

К. М. Станюкович решил еще усилить комический эффект и сопроводил текст «Писем...» комментариями псевдопереводчика, роль которого, напомним, выполнял «Откровенный Писатель». Этим псевдонимом К. М. Станюкович подписывал большинство своих публикаций в журнале «Дело», а потому для читателя «Откровенный Писатель» был автором множества довольно серьезных произведений. Но в «Письмах...» задача «Откровенного Писателя» – подыгрывать англичанину-рассказчику, спорить с ним в серьезном тоне, но

одновременно демонстрировать собственную неспособность постичь абсурдность описываемых ситуаций.

Так, Джон Смит описывает заседание «знаменитого общества общественного кредита», которое завершилось скандалом. Причиной послужило то, что председатель общества г. Бабст отказался обнародовать финансовые отчеты, которые, как позднее выяснилось, подтверждали факты его злоупотреблений. Отказ от обнародования отчетов явно противоречил закону, однако некоторые из собравшихся придерживались убеждения, что «закон писан не для начальников». Тем не менее по залу распространялся недовольный ропот, который не удавалось заглушить. Тогда председатель «божьей милостью и волею народа» провозгласил себя королем взаимного кредита Бабстом I.

Откровенный Писатель сопроводил этот эпизод примечанием, в котором обвинил Джона Смита в преувеличениях, среди которых главное – рассказ о провозглашении г. Бабстом себя королем. «Этого не было» [9, т. 10, с. 217], – категорично заявляет комментатор. Такое опровержение откровенно фантастической части всей истории наталкивало читателя на очевидный вывод, что все остальные уродства ситуации: узаконенное обычаем неподчинение начальника государственному закону, непрозрачная отчетность, финансовые злоупотребления – в глазах благонамеренного комментатора вещь совершенно обычная и нормальная. Таким образом, игра в «иностранца и комментатора» значительно заостряла сатирический пафос.

Следует заметить, что, при явном сходстве между «Письмами знатного иностранца» и «Историей одного города», между этими произведениями существуют принципиальные различия. Сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина, как правило, нацелена не просто на современные ему изъяны общественной жизни, а на общие, исторические закономерности. Именно поэтому «История одного города» не сцементирована с одной конкретной эпохой и продолжает сохранять свою актуальность. Так, гибель невиновных и не причастных в периоды общественных потрясений отражена у М. Е. Салтыкова-Щедрина неоднократно

повторяющейся сценой: всякое бурное событие в Глупове завершается тем, что гибнет очередной Ивашка.

К. М. Станюкович временами также вовлекает в сферу сатирического осмысления общественные обычаи, которые имели долгую историю, сохранившись, например, как рудимент крепостного права. Речь, скажем, о рукоприкладстве как о традиционном способе административного воздействия. Джон Смит повествует, что рукоприкладство в России осуществляется «с целями весьма похвальными: исправить кого-либо или внушить какие-либо понятия высшего порядка». По уверению англичанина, такая система решения споров является национальной формой «самоуправления» [9, т. 10, с. 243–244].

Не обошел вниманием Джон Смит и пресловутую особенность национального характера – полагаться на «авось». «Ни перед какими обстоятельствами, – сообщает путешественник, – как бы они, казалось, ни были затруднительны, русские не только не падают духом <...>, но даже и не придают им того значения, какое придал бы скоро унывающий европеец, и с какою-то восхитительно детской верою из года в год, изо дня в день надеются на покровительство Провидения, предоставляя главнейшим образом ему заботы о всех своих нуждах, начиная с самых простых и кончая сложнейшими» [9, т. 10, с. 243–244].

Однако важно, что подобного рода «наблюдения» «знатного англичанина» по поводу ментальных особенностей занимают довольно незначительное место по сравнению с вопросами актуальной общественной жизни. Регулярно публикуемые в журнале, «Письма знатного иностранца» служили злободневным откликом на резонансные события, которые обсуждались в прессе. К числу таких событий и относились уже упомянутые нами и скандал на заседании одного из обществ общественного кредита, и подобный скандал в одной из страховых компаний, а кроме того – многочисленные громкие судебные процессы. Регулярно в поле зрения «знатного иностранца» попадали внешнеполитические вопросы, скажем, Берлинский конгресс (1878), который проходил в условиях жесткой дипломатической борьбы и значительно сужал политические

возможности балканских славян, приобретенные в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., что вызывало острую реакцию российских газет [9, т. 10, с. 247–253]. Закономерно, что в «Письмах...» сатирически освещались вопросы, близкие К. М. Станюковичу в силу его профессиональной флотской подготовки. Он высмеивает новый тип бронированных плавучих батарей – т. н. «поповки», которые, приняв участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., продемонстрировали ряд технических недостатков [9, т. 11, с. 250–254].

Зачастую «Письма знатного иностранца» становились откликом на события литературной жизни. Одно из них – статья Б. М. Маркевича «С берегов Невы. XIII» (1879), которая возводила на И. С. Тургенева «обвинения чуть ли не уголовного свойства» [9, т. 11, с. 129] и носила характер откровенного доноса [14, с. 679–680; 13, с. 296]. Даже в глазах «заезжего англичанина» эта статья выглядела как проявление нравственного уродства. Еще один литературный повод, привлечший внимание Джона Смита, – знаменитая речь Ф. М. Достоевского о Пушкине, произнесенная в июне 1880 г. Заметно, что на истинного автора «Писем...» К. М. Станюковича это выступление произвело негативное впечатление, поскольку ассоциировалось с ура-патетическими выступлениями, то и дело звучащими в прессе и отвлекавшими внимание от острых социальных вопросов. И потому устами Джона Смита К. М. Станюкович «хвалил» речь Достоевского за исключительную «самоуверенность» и «пророческий апломб» [9, т. 11, с. 210].

Сосредоточенность К. М. Станюковича на освещении именно резонансных событий вела к тому, что в поле зрения его героя-рассказчика попадала, главным образом, столичная жизнь, создавались типизированные портреты из городской среды: чиновников разного ранга, купцов, промышленников, журналистов, обывателей, финансовых аферистов и т. д. Что же касается крестьянства, которое всегда являлось носителем наиболее характерных черт национальной ментальности и традиций и которое поэтому, казалось бы, должно было привлечь внимание «знатного иностранца», то эта огромная общественная группа почти вовсе не попадает в зону видимости Джона Смита. На всем протяжении его

многолетней корреспонденции удается обнаружить лишь несколько обрывочных замечаний, на основании которых выстраивается нерадостное заключение, что «русские сельские граждане» «по поводу свершающихся событий никаких мнений не имеют, погруженные в заботы об изысканиях суррогатов, заменяющих хлеб» [9, т. 11, с. 267], и «лишь только чувствуют <...> свое высокое назначение быть <...> главным источником доходов государственного казначейства» [9, т. 11, с. 397].

Известный исследователь творчества К. М. Станюковича В. П. Вильчинский справедливо замечал, что «Письма знатного иностранца» «иногда почти дословно» повторяют текст его «Картинок общественной жизни» [1, с. 162]. Это объяснимо, поскольку оба публицистических цикла готовились автором синхронно, публиковались в одном и том же периодическом издании и выполняли сходную задачу – оперативно реагировать на актуальные события. Видимо, сжатость сроков для регулярной подготовки «Картинок...» и «Писем...» принуждала автора в ряде случаев жертвовать «чистотой жанра». Для «Картинок общественной жизни» это было несущественно, поскольку, как уже было сказано, они изначально отличались жанрово-стилистической разнородностью, что гарантировало автору «свободу маневра». Но вот «Письма знатного иностранца» требовали соблюдения определенных правил, выработанных самим же К. М. Станюковичем: изображение жизни в шутовом, юмористическом, сатирическом свете, пародирование иностранной рецепции России, продолжение дуэтной игры героя-рассказчика и переводчика-комментатора и т. д. Однако соблюсти эти правила автору удавалось не всегда. Порой он обращался к таким вопросам, которые попросту не допускают шутовского отношения. Когда речь заходит об эпидемии дифтерита, охватившей несколько губерний, то автор, отказавшись от привычной сатирической стилистики, от лица Джона Смита совершенно серьезно, с использованием фактов описывает масштабы бедствия и указывает на нераспорядительность властей [9, т. 11, с. 97–102]. Когда к эпидемии присоединяется еще и голод, то автор снова берет серьезный тон, перечисляет ужасающие факты и приводит скорбные статистические сведения [9, т. 11, с. 146–153]. В таких случаях автор вынужден отходить от формата

пародии, но тогда выглядит не вполне оправданным присутствие в тексте англичанина-рассказчика, поскольку читатель, конечно, с гораздо большим доверием воспринял бы факты и статистические данные из уст отечественного публициста, чем заезжего и не слишком добросовестного иностранца.

Еще одна сложность при создании «Писем...», думается, заключалась в том, что тема пародирования иностранной рецепции не могла развиваться бесконечно. Между тем формат «Писем...» предполагал, что почти во всякой корреспонденции высмеивается либо непонимание (недопонимание) англичанином российских реалий, либо казусы, возникающие между английской и русской ментальностью. Но, как выясняется, перечень ситуаций такого рода конечен, а потому автору приходится повторяться, используя для вышучивания одни и те же поводы: слишком легкомысленное для англичанина умение русских полагаться на «авось», слишком «свойское», по английским меркам, отношение русских к государственной казне, слишком губительное для английского здоровья пристрастие русских к торжественным возлияниям и т. п. И если в первых письмах «знатного англичанина» повествование строилось в основном на пародировании европейской рецепции России, то к последним письмам эта тема заметно иссякает, а также ослабевает и создаваемый ею юмористический эффект; основной темой становится сатирическое изображение самой России.

К. М. Станюкович довольно быстро осознал, что сохранение жанрово-стилистического единства «Писем...» – задача довольно сложная, и именно поэтому отказался от первоначального плана вести повествование от лица нескольких иностранцев поочередно. Первые «Письма...» вышли под заглавием «Письма *знатных* иностранцев». В предисловии к этой – первой – публикации также сообщалось, что читатель познакомится с «похождениями “знатных” иностранцев» [12, с. 71]. Однако позднее сатирик остановился на фигуре лишь одного вымышленного заморского рассказчика – известного нам Джона Смита. Это позволило К. М. Станюковичу избежать повторов при описании однотипных «историй» первого знакомства разных иностранцев с Россией и укрепить единство всего цикла «Писем...» (публикация которого, напомним, растянулась

почти на два десятилетия) персонажем-рассказчиком, который со временем стал узнаваем и ожидаем читателем.

ВЫВОДЫ

Публицистическое творчество К. М. Станюковича имело ярко выраженный критический пафос. В условиях напряженной журналистской борьбы К. М. Станюкович стремился к поиску оригинальных жанрово-стилистических форм, которые позволили бы читателю увидеть социально-политические проблемы сквозь оптику, «не затертую» многочисленными газетно-журнальными публикациями. Выработывая повествовательную тактику, К. М. Станюкович опирался на традиции русской литературы. В частности, автор использовал прием пародирования иностранных текстов о России, неоднократно апробированный русскими писателями первой половины XIX в. Однако цель пародирования у К. М. Станюковича оказалась качественно иной, нежели у его предшественников: не сконцентрировать внимание публики на стереотипных моделях европейской рецепции России, а представить в сатирическом свете российскую реальность. При этом писатель во многом опирался на приемы и методы, привнесенные в русскую литературу М. Е. Салтыковым-Щедриным: использование героя-рассказчика с целью организации сатирического повествования и усиления комического эффекта, создание масштабного сатирического отражения действительности, карикатурность изображаемых сфер общественной жизни, формирование гротескных и фантасмагорических картин и образов. При этом полная адаптация щедринских подходов в публицистической сфере была невозможна даже на уровне целей, поскольку автор «Писем знатного иностранца» стремился осмыслить не извечные противоречия российской жизни, а, прежде всего, – актуальные, злободневные, «кричащие» вопросы, что превращало «Письма...» в серию социально-политических памфлетов. В результате темы для корреспонденций «знатного иностранца» не столько выбирались самим автором, сколько диктовались публицистическим резонансом, сиюминутным общественным запросом. Это, в свою очередь, не всегда позволяло

К. М. Станюковичу создавать все письма в едином стилистическом ключе, отражать действительность во всей ее полноте. Однако при всех объективных сложностях в целом К. М. Станюковичу удалось, успешно синтезировав и модернизировав приемы литераторов-предшественников, выработать оригинальный публицистический подход, который обеспечил циклу «Писем знатного иностранца» единство и позволил создать широкоформатное сатирическое полотно современной писателю действительности.

Список литературы

1. Вильчинский, В. П. Константин Михайлович Станюкович: жизнь и творчество [Текст] / В. П. Вильчинский. – М. – Л.: АН СССР, 1963. – 334 с.
2. Вильчинский, В. П. Цикл исследований одного автора [Текст] / В. П. Вильчинский // Русская литература. – Л.: Наука, 1969. – № 1. – С. 200–206.
3. Дмитриев, В. Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов) [Текст] / В. Г. Дмитриев. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
4. Орехов, В. В. В лабиринте Крымского мифа [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь – Н. Новгород: Растр, 2017. – 579 с.
5. Орехов, В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2008. – 200 с.
6. Орехов, В. В. Образ ямщика во французском тексте и российском контексте [Текст] / В. В. Орехов // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. научно-практич. конф. (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь: АРИАЛ, 2016. – Т. 1. – С. 486–492.
7. Орехов, В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
8. Поэты «Искры». В 2-х тт. Том 1. В. Курочкин [Текст] / Сост. и примеч. И. Г. Ямпольского. – Л.: Советский писатель, 1987. – 383 с.
9. Станюкович, К. М. Собр. соч. В 13-ти тт. [Текст] / К. М. Станюкович. – М., 1897–1900. – Т. 10–11.

10. Станюкович, К. М. Откровенный писатель. Картинки общественной жизни [Текст] / К. М. Станюкович // Дело. – 1879. – № 5. – С. 119–146.
11. Станюкович, К. М. Откровенный писатель. Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим [Текст] / К. М. Станюкович // Дело. – 1879. – № 6. – С. 144–166; № 7. – С. 158–192; № 8. – С. 125–151.
12. Станюкович, К. М. Письма «знатных» иностранцев в переводе Откровенного Писателя [Текст] / К. М. Станюкович // Дело. – 1878. – № 3. – С. 71–97.
13. Тургенев, И. С. Из неизданной переписки с Б. М. Маркевичем и А. П. Философовой [Текст] / И. С. Тургенев // Звенья. – М. – Л.: АCADEMIA, 1935. – Т. V. – С. 282–303.
14. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. [Текст] / И. С. Тургенев. – М.: Наука, 1986. – Т. 12. – 814 с.

**LETTERS OF A NOBLE FOREIGNER BY K. M. STANYUKOVICH:
SYNTHESIS AND MODERNIZATION OF TRADITIONS**

Zhang Mengjia

Summary. K. M. Stanyukovich became famous for his literary works, in which he depicted the sea and sailors. The writer created authentic literary portraits of sailors and realistic, vivid pictures of marine life. Stanyukovich began writing about the sea and seamen in the last period of his life. Before that, he had published essays and articles for twenty years. He published them in various newspapers and magazines. It was a good literary school. Historians of literature must necessarily study this period. It helps to appreciate the evolution of Stanyukovich's style and skills. Our article studies the synthesis of literary traditions in the publicistic cycle by Stanyukovich *Letters of a Noble Foreigner* (1878-1897). It is a parody. The acquaintance of a fictional Englishman with Russian customs produced a comic effect. Stanyukovich adapted the literary discoveries of other well-known authors and added his original artistic techniques that helped him create an original satirical work about Russia.

Keywords: K. M. Stanyukovich, literary tradition, satire, fictional foreigner, parody.

References

1. Vilchinskii V. P. *Konstantin Mikhailovich Stanyukovich: Zhizn i Tvorchestvo* [Konstantin Mikhailovich Stanyukovich: Life and Works]. Moscow–Leningrad: AN USSR Publ., 1963. 334 p.
2. Vilchinskii V. P. *Tsikl Issledovaniï Odnogo Avtora* [One Author's Research Cycle]. *Russkaya Literatura*. Leningrad: Nauka Publ., 1969, no 1, pp. 200–206.
3. Dmitriev V. G. *Skryvshie svoe Imya (Iz Istorii Anonimov i Psevdonimov)* [Those Hidden their Names (From the History of Anonyms and Pseudonyms)]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 312 p.
4. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol–Nizhnii Novgorod: Rastr Publ., 2017. 579 p.
5. Orekhov V. V. *Mif o Rossii vo Frantsuzskoi Literature Pervoi Poloviny XIX Veka* [The Myth of Russia in the French Literature of the First Half of the 19th Century]. Simferopol: SGT Publ., 2008. 200 p.
6. Orekhov V. V. *Obraz Yamshchika vo Frantsuzskom Tekste i Rossiiskom Kontekste* [The Image of Coachman in the French Text and the Russian Context]. *Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: X Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (8-11 Iyunya 2016): Sbornik Nauchnykh Statei*. Simferopol: ARIAL Publ., 2016, t. 1, pp. 486–492.
7. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX v.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
8. *Poety Iskry. T. 1. V. Kurochkin* [Poets of *The Iskra*. In 2 Vols. Volume 1. V. Kurochkin]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1987. 383 p.
9. Stanyukovich K. M. *Sobranie Sochinenii* [Collected works. In 13 Volumes]. Moscow, 1897–1900. Vol. 10–11.
10. <Stanyukovich K. M.> *Otkrovennyi Pisatel. Kartinki Obshchestvennoi Zhizni* [Pictures of Social Life]. *Delo*. 1879, no 5, pp. 119–146.

11. <Stanyukovich K. M.> *Otkrovennyi Pisatel. Pohozhdeniya Odnogo Blagonamerennogo Molodogo Cheloveka, Rasskazannye im Samim* [The Adventures of a Good-Minded Young Man, He Told himself]. *Delo*, 1879, no 6, pp.144–166; no 7, pp. 158–192; no 8, pp. 125–151.
12. <Stanyukovich K. M.> *Pisma «Znatnykh» Inostrantsev v Perevode Otkrovennogo Pisatelya* [Letters of "Noble" Foreigners Translated by the Frank Writer]. *Delo*, 1878, no 3, pp. 71–97.
13. Turgenev I. S. *Iz Neizdannoi Perepiski s B. M. Markevichem i A. P. Filosofovoi* [Letters from Unpublished Correspondence with B. M. Markevich and A. P. Filosofova]. *Zvenya*. Moscow – Leningrad: ACADEMIA Publ., 1935, t. V, pp. 282–303.
14. Turgenev I. S. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem v 30-ti tt.* [Complete Works and Letters in 30 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1986, Vol. 12, 814 p.

УДК 821.261.1-09"18/19"

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ «КОД» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ

В. Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»

Шалина (Кустовская) М. А.

Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Евпатория, Россия
E-mail: marie_ka@mail.ru

Демина Е. Г.

Медицинская академия имени С. И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: d88e@mail.ru

В статье рассматриваются очевидные и скрытые аллюзии и реминисценции повести В. Распутина «Живи и помни» на творчество Ф. М. Достоевского, а также функции художественного диалога писателя-деревенщика с русским классиком XIX столетия. Не имея возможности напрямую говорить о причинах духовно-нравственного кризиса жителей сибирской деревни в частности и советского народа в целом, В. Распутин использовал прием интертекстуальности и зашифрованных смыслов. Прочтение в повести художественного «кода» Достоевского позволяет выявить глубинный смысл знакового произведения и трагическое предупреждение писателя XX века. Повесть «Живи и помни» прочитывается как своеобразная инверсия «Преступления и наказания»: если у Достоевского явлен путь падшей души от смерти во грехе к духовному воскресению благодаря вере, по воле Христа, путь от гордыни к смирению, то у Распутина дано последовательное описание деградации своевольной личности, не знающей Бога.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, Ф. М. Достоевский, «деревенская проза», интертекстуальность, христианская аксиология.

ВВЕДЕНИЕ

Деревенская проза рассматривалась советским литературоведением как явление значительное, требующее глубокого осмысления и анализа, однако исследования тех лет не выходили за рамки нравственной проблематики и публицистической злободневности, при этом отмечалось, что писателям данного направления удалось восстановить связь с традициями русской классической литературы, прерванные искусством социалистического реализма. И только в

последние два десятилетия с возвращением религиозной культуры в научный контекст обнаружился глубинный философский и христианский подтекст этой прозы, и вдруг оказалось, что точками соприкосновения почвенников XIX и XX века являются не только проблематика, поэтика или стилистика, но, в первую очередь, искание высшего религиозного света, «исцеляющего и преображающего жизнь как духовную, так и телесную» [15].

Появились работы, исследующие мотив праведничества в прозе В. Г. Распутина [1; 3; 7; 14], образы же антигероев часто остаются за пределами исследовательского внимания. Между тем для русской классической литературы, в которой собственная эпоха осознается кризисной, едва ли не апокалиптической, критическая оценка современником психологии грешника была особенно важной. «Чем мучительнее ощущение геенны, тем более понятным становится тот страстный порыв к Истине, который слышится в словах молитвы: “Из глубины возвах к тебе, Господи”», – писал князь Трубецкой [16].

В 2001 году в Таллине В. Г. Распутин был удостоен первой Международной литературной премии имени Ф. М. Достоевского. Факт не просто знаменательный, но в своем роде эмблематичный: это событие символически запечатлело преемственность традиций двух классиков русской литературы. Когда-то в 70-е признанный советский писатель-деревенщик называл Достоевского своим учителем в мастерстве углубленного психологического анализа [11, с. 5], спустя годы, в начале нового века, он подчеркнет прежде всего *духовную* миссию своего учителя, которого в торжественной речи именовал не просто «самым духовным писателем», но – «духовником» каждого из нас [12].

Даже в период всеобщего атеизма В. Распутин в числе творцов «деревенской прозы», продолжавших традиции почвенничества, чувствовал и осознавал, что потаенным духовно-нравственным стержнем русского народа испокон являлась именно его *вера*, православное христианство. Уже в нынешнем веке писатель выразил свое убеждение: «Две силы – родная вера и родная литература – духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и окрылили его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе увидеть больше нельзя. Когда

насильственно отвергнута была вера, почти столетие литература, пусть и недостаточно, пусть и притчево, иносказательно, но продолжала духовное дело окормления и не позволила народу забыть молитвы» [13].

В конце 90-х – начале 2000-х писатели будут ратовать за утверждение православия и возвращение к народно-национальным святыням открыто. В советское же время такой возможности, разумеется, не было и инструментом своеобразной тайнописи стала интертекстуальность, отсылающая к библейским, святоотеческим источникам или русской классике, проникнутой идеей духовного преображения. Так, в художественной прозе В. Распутина аллюзии и реминисценции на творчество Ф. М. Достоевского служат неким «кодом» передачи глубинного, зашифрованного от партийной цензуры религиозно-нравственного смысла. Показательным в этом отношении можно назвать текст одной из наиболее известных повестей автора – «Живи и помни» (1974), «недостижимой вершины» художественного мастерства прозаика [2], за которую он был награжден Государственной премией СССР.

Цель настоящего исследования – выявить интертекстуальные связи с художественным наследием Достоевского и охарактеризовать их в качестве метода «тайнописи» в повести «Живи и помни».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Явные и скрытые, доступные более эрудированному читателю, отсылки к Достоевскому задают особый семантический вектор понимания и интерпретации хрестоматийного произведения. Очевидно, что Распутин усвоил у Достоевского не только мастерство передавать «психологическое напряжение», но и основную идею всего творчества великого классика – утверждение *необходимости* веры в бессмертие души, благодать соединения со Христом.

Уже первая символическая деталь – *топор*, с пропажи которого из потайного места начинается повесть Распутина, вызывает устойчивую ассоциацию с романом «Преступление и наказание». Подкрепляют эту связь ощутимые художественные параллели между персонажами: «хитроумный чтей-грамотей»

Иннокентий Иванович, подошедший вплотную к раскрытию преступления Настены и Гуськова, имеет явный литературный прототип в образе следователя Порфирия Петровича. Игра в «прятки» Настены с ним повторяет «кошки-мышки» Порфирия с Раскольниковым. Героиня Надька, молодая еще женщина, после гибели мужа на войне оставшаяся вдовой с тремя детьми, своим гордым, бунтарским характером и экзальтированной манерой поведения напоминает Катерину Ивановну Мармеладову. Знаковым и отнюдь не случайным видится аллюзивное повторение имен детей: младших дочерей обеих героинь зовут Лидочками, старший же сын Надежды – Родька (Родион).

В обоих произведениях тонкому анализу подвергается психология преступника и метафизика преступления. Например, тайное желание нарушителя закона быть разоблаченным, пойманным. Или то, как преступление отсекает личность не только от близких, от социума, но и от самой жизни. И Раскольников, и Гуськов болезненно ощущают свою отрезанность от всеобщего мира, чувствуют себя «мертвецами». Осознание духовной смерти Раскольникова звучит в романе лейтмотивом, как в признании самого героя: «я себя убил, а не старушонку» [4, с. 322], так и в постоянно повторяющихся и усиливающих семантику смерти символических деталях: каморке-гробе, духоте, мертвой воде реки Невы, на берегах которой стоит каменный город-призрак Петербург (подробнее об этом см.: [8]). Принадлежность миру мертвых Андрея Гуськова многократно утверждается на мифопоэтическом уровне повести, когда герой сравнивается с нежитью – лешим, оборотнем. Так, Настена после близости с мужем испытывает неуверенность: «а муж ли? Не оборотень ли это с ней был?» [11, с. 188], позже признается мужу: «я в бане понять не могла, кто со мной – ты или леший» [11, с. 209].

Сам локус первого появления дезертира-Гуськова – *баня* – является маркированным и в романном мире Достоевского (вспомним «баню с пауками» как образ вечности у Свидригайлова или баньку в саду Федора Павловича Карамазова, в которой словно из «банной мокроты завелся» будущий отцеубийца Павел Смердяков), и в фольклорно-мифологических народных представлениях,

где баня – «наиболее *чужой* локус в пределах *своего* мира», «медиативный центр между мирами», где «возможна встреча живых и мертвых» (курсив наш. – М. Ш., Е. Д.) [9, с. 184]. Пространство пребывания «бегляка с войны» – «это “потустороннее” пространство не только в прямом смысле слова (по ту сторону Ангары), но и в символическом: “*живые там, он – здесь*”» [10, с. 237]. «*Мертвым углом*» именуется автор то место, где после возвращения «*хоронился Андрей*» Гуськов (курсив наш – М. Ш., Е. Д.) [11, с. 240].

В идейном плане сюжет повести «Живи и помни» оказывается своего рода художественной *инверсией* романной структуры произведения Достоевского. Если автор «Преступления и наказания» показывает путь к воскресению падшей, совершившей грех души, то Распутин демонстрирует обратное направление – движение от чести к бесчестию, от одного греха к другим, и вытекающее отсюда неминуемое «расчеловечивание» личности, преступившей «черту» и заглушающей в себе голос совести.

Преступления, совершенные Родионом Раскольниковым и Андреем Гуськовым, – убийство и дезертирство – различны по сути, но в основе обоих поступков лежит *утверждение своеволия*. Раскольников проливает невинную кровь в качестве пробы своей идеи права сильной личности преступать закон и заповеди. Гуськов, движимый обидой на военное начальство, отправившее его после тяжелого ранения без отпуска на фронт, решает сам «взять то, что отняли» [11, с. 194] – отправиться-таки в родную Атамановку, а значит, – бежать с войны.

Томас Манн в романе «Волшебная гора» говорил о том, что в военных есть нечто аскетическое: они, словно послушники в монастыре, отдают себя в полное распоряжение командования и должны быть готовы отдать жизнь в любой момент. Призванный на фронт, Гуськов исполнял свой долг, был надежным товарищем в бою, однако, получив серьезное ранение, решает, что «с него хватит, он свою долю прошел сполна» [11, с. 193]. Андрей осознает, что «на войне человек не волен распоряжаться собой, а он распорядился» [11, с. 195]. Ощущение несправедливости по отношению к себе, нежелание подчиниться приказу

рождают экзистенциальный бунт: «Он-то живой человек, почему с ним не посчитались?!» [11, с. 194].

Гордыня, своеволие, обида на несправедливость и, как следствие, – бунт, малодушная жалость к себе, эстетизация своего страдания, желание мстить окружающим за собственную низость и наслаждение от незаслуженной боли, причиняемой им, – набор типологических качеств *человека из подполья* у Достоевского. Гуськов в полной мере воплощает свою принадлежность к подпольному типу, достаточно вспомнить его отношение к «немой Тане» – женщине, приютившей его на некоторое время: ему хочется «в отместку [на ее заботу, терпение и ласку!] в свое удовольствие измываться над ней, а потом снова жалеть ее и снова измываться», потому что «вина требует вины, пропащая душа ищет пропасти поглубже» [11, с. 287].

Каждой деталью писатель настойчиво отсылает читателя к Достоевскому, не в последнюю очередь – именами своих персонажей. Случайно ли отца Андрея Гуськова зовут Федором Михайловичем? Полным именем и отчеством старика в повести не именуют ни разу, все зовут героя Михеичем, и лишь однажды жена называет его по имени – Федором. Михей – краткая форма имени Михаил (от древнееврейского «подобный Богу»). Подтверждением этой догадки является и профессия Михеича – конюх, в повести подчеркнуто его бережное отношение и уважение к лошадям, словно это «и не скотина». Известно особое расположение к лошадям Достоевского (достаточно вспомнить боль Раскольникова от сна о «забитой лошади», с одной стороны, и известное высказывание писателя о том, что у каждого русского мальчика должна быть деревянная лошадка, с другой). Интересно и то, что сын Достоевского, Федор, впоследствии живший в Симферополе, был конезаводчиком. Не хочет ли автор повести намекнуть читателю, что «отцом» его героя является именно Федор Михайлович, русский классик, создатель галереи образов раздвоенных подпольных гордецов и бунтарей, мечущихся между идеалами «Содома и Мадонны»?

Возвращаясь к мысли о параллелях образов Раскольникова и Гуськова, принадлежащих к типологическим вариантам подпольных героев, отметим все же

онтологическую разницу их личностей. Персонаж Достоевского движим альтруистической идеей спасения человечества, что неоднократно демонстрируется в романе; герой повести «Живи и помни» эгоистичен по своей натуре и продолжает утверждаться в своем индивидуализме. Выпавшее на его долю и на долю близких ему людей страдание не очищает своевольную душу, а наоборот, ведет к гибели, к потере нравственного человеческого облика.

Рядом с обоими героями-преступниками находятся женщины-спутницы, разделяющие с ними их нелегкую судьбу. Видится, что обращение Распутина к деминутивной форме имени – *Настена* (так Михеич сразу назвал молодую жену сына) – апеллирует к ласковому именованию *Сонечки* Мармеладовой Федором Михайловичем Достоевским. Оставляя за рамками внешние параллели между образами героинь, обратим внимание на решение ключевой духовно-нравственной проблемы, реализованной носительницами народно-почвенных начал. Для Раскольникова Сонечка – проводница к духовному воскресению, она спасает убийцу благодаря своей вере во Христа и убежденности в милосердии Бога, дарующего прощение даже таким грешникам, каким стал Раскольников и какой почитала себя сама Соня. По замыслу Достоевского, именно она выступает носительницей «православного воззрения», противостоящего «казуистике» идеолога-Раскольникова. Не обладая книжным интеллектом, героиня понимает истинную трагедию неудавшегося Наполеона «про себя» – «умом сердца». Таким же пониманием обладает и Настена. Андрей, доверяя ей свою страшную тайну, уверен в этом: «Я знаю, ты поймешь. Поймешь, все, как есть» [11, с. 216].

Первое, что Сонечка советует Раскольникову, открывшемуся ей одной: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [4, с. 322]. Настена же, узнав страшную правду о муже, которую боялась осознать до разговора с ним, восклицает: «Но как, как ты насмелился? <...> Как у тебя духу хватило?» [11, с. 214].

Безусловно симпатизируя Настене, Распутин все же воплощает в ее образе трагедию отрыва от животворящей и поддерживающей связи с Богом. Героине повести «Живи и помни», как всем вырванным из соборности коллективизацией, не хватает именно веры и воцерковленности, чтобы обрести спасение: как «положить крест» она уже не знает, слова молитвы полузабыты с детства, церковные свечи покупаются в магазине для сугубо житейских нужд, а не для молитвы. Настена, как и Соня, не единожды советует мужу выйти и покаяться перед людьми, однако без духовной опоры и фундамента веры ее слова не имеют убедительности, и поэтому побеждает Гуськов, склоняющий ее на свою – обратную – сторону.

Сонечку и Настену объединяет безоглядная готовность пройти скорбный путь вместе с избранником. Однако если Соня разделяет с Раскольниковым его *наказание*, то Настена разделяет с мужем его *преступление*.

На примере героини Достоевского можно наблюдать действие силы Духа – не индивидуалистического хотения и утверждения самостояния личности, но парадоксальной силы в слабости, даруемой свыше смиренным и умалившимся. Робкая, тихая Сонечка убеждает рационалистического героя-идеолога поступить так, как должно, а не так, как диктуют ему гордыня и своеволие. Настена проявляет силу духа – но только человеческого, она, как и Гуськов, поражена гордыней, и в отдельные моменты в ней вспыхивает тот же огонек своевольного утверждения собственной правды и правоты, обратной истине, тот же экзистенциальный бунт, вопрос о том, «почему же предназначенное для нее [счастье] как нарочно должно пройти мимо и попасть к кому-то другому? Нет, так с человеком нельзя» [11, с. 262]. Солгав и украв однажды, героиня осваивает эту «науку», чувствует, что «переступила уже через какую-то мелкую стыдинушку и теперь могла ступать дальше». При этом, сознавая, что делает, «вины за собой <...> все-таки не чувствовала, не признавала» [11, с. 286]. Она надеется на то, что выходом ей и мужу будет покаяние, однако так и не делает решающего шага к спасению.

Контрастом человеческой горделивой натуре в повествовании Распутина, думается, неслучайно явлен мир природы, живущий не по самоустановленному закону, а по Божьему. Герои, только что открывшие друг перед другом тайники души, свои самые сокровенные воспоминания, но так и не сумевшие услышать друг друга, выйти за пределы собственных «я», чувствуют себя «не настоящими», «тряпичными», «чужими» перед лицом дня, который отходил «покаянно и тихо, смиряя все вокруг, с полным прощением перед прощанием» [11, с. 263].

В «Преступлении и наказании» Достоевского через смиренную, не требующую счастья для себя Соню, читающую Раскольникову евангельскую главу о воскресении умершего Лазаря, проявляет себя сила Божественного Слова. Зерна, брошенные героиней, возрастают в Раскольникове подспудно. Даже после явки с повинной и принятия каторги герой не раскаивается в содеянном, но понимает только, что сам не выдержал «пробы», не смог стать «наполеоном», однако идея его по-прежнему казалась ему совершенной и действенной. И только через бессознательное – последний сон о моровой язве – герой получает откровение об истинной сущности всех измышленных идей спасения мира.

Мотив символических *вещих снов* – еще один элемент интертекстуальных связей с творческим дискурсом Достоевского. Гуськову и Настене снится «обоюдный сон», в котором каждый из них участвует «со своей стороны». Гуськов видит девочку, «в обтрепанном платьишке, заморенную, босиком», ничего в ней нет Настениного, но он почему-то понимает, что это она [11, с. 257]. Девчонка, будто жена, укоряет его, что тот не помогает ей с ребятами, он же недоумевает, какие дети могут быть у столь юной девочки, и отмахивается от нее, прогоняет несколько раз. Настена же в своем сне, являясь мужу намеренно «не в своем, а девчоночьем виде», чтоб на него «подействовать», напрасно надеется на то, что муж поймет знак, не откажет в просьбе. «Что тебе стоило согласиться или на худой конец промолчать? Теперь бы все по-другому было», – интуитивно прозревая истину, говорит Настена [11, с. 259].

Образная символика и проблематика «обоюдного сна» героев коррелирует со сном Мити Карамазова в итоговом романе Достоевского. Изможденная мать с

иссохшей грудью во сне Мити о плачущем «дिति» и Настена в облике худенькой обворованной девчонки, просящей помощи для «ребятишек», символизируют материнское начало родной земли, обездоленность Руси (вспомним березки во сне Андрея!), которая вопиет о помощи и защите. И если Митя Карамазов после увиденного сна решает «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого» [5, с. 457], то Андрей Гуськов несколько раз отмахивается от пришедшей к нему за помощью девочки.

На верхнем смысловом слое символику сна Гуськова можно интерпретировать как предвестие его будущего предательства Родины, отказа воевать и защищать вместе с бойцами русских «ребятишек» и их матерей. На глубинном же уровне, который открывается благодаря творческому диалогу автора с Достоевским, вещей сон героев выводит к проблематике детского страдания и совинности всех, возникающей как аллюзия на идейный комплекс «Братьев Карамазовых»: страдания невинных «деток» в страшных «анекдотах» Ивана Карамазова выступают самым сильным аргументом его бунта против Бога и мироустройства в целом. В образе же брата Дмитрия воплощается «теодицея» Достоевского, когда герой не бросает обвинения Всевышнему, а знает, что «все за всех виноваты», и берет эту общую вину на свои плечи: «Все – “дите”. За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» [6, с. 31].

Принцип совинности осознается, принимается и Настеной, которая уверена, что в грехах мужа виновата с ним жена («муж и жена – одно»), а значит, и ответ держать вместе. Размышления Ивана Карамазова о безвинной «слезинке ребенка» отзываются в мыслях Настены о вечно голодных, диких, оставшихся без отца детях Надьки: «Они-то в чем виноваты?» [11, с. 303].

Однако у Достоевского признание закона «все за всех виноваты» имеет спасительную силу, поскольку приводит к искупительной жертве. Распутин же в своей инверсированной истории демонстрирует, что без истинного раскаяния, без

обращения ко Христу, без смиренного принятия искупительного страдания спасение невозможно.

Само название повести Распутина – «Живи и помни» – прочитывается синтаксическим параллелизмом к заглавию романа «Преступление и наказание»: смысловой центр художественного высказывания Достоевского приходится именно на *наказание* преступника; *карающая память*, суд совести, на которые Распутин обрекает своего героя, являются самым грозным приговором для труса и эгоиста, погубившего своих близких.

Уже с момента решения о дезертирстве Гуськов чувствует, что стал существовать «обратной, спячивающейся жизнью» [11, с. 189]. Духовная деградация героя художественно подчеркнута автором и в ощутимой смысловой инверсии значимых символических образов «Преступления и наказания». Так, у Достоевского символ *камня*, сопряженный с образом каменного *гроба*, содержит в себе христианскую семантику воскресения из мертвых (недаром сразу после убийства Раскольников прячет украденные вещи под камнем во дворе *Вознесенского* проспекта) [4, с. 85; подробнее об этом: 15, с. 95, 145]. Классик символически воплощает идею духовного воскресения грешника, показывает путь души от губительного своеволия к благодатной связи с миром благодаря вере, любви и самопожертвованию. Духовное воскресение Раскольникова в финале, его освобождение из погребальной пещеры и «духоты» Петербурга на «воздухе» сибирских степей художественно усилено символикой *весны* как времени возрождения – не только природного, но и метафизического. В повести же Распутина, имеющей обратный замысел, *пещера* на *Каменном* острове, найденная Гуськовым в качестве безопасного, скрытого от всех места, становится знаком окончательной духовной гибели героя. Здесь он впервые обнаруживает зримые признаки бесовского одержания: с жадным любопытством наблюдая предсмертную агонию козы, герой вместо собственного отражения видит в ее глазах «две лохматые и жуткие, похожие на него, чертеняжки рожицы» [11, с. 223]. Сюда, на Каменный остров, в свою пещеру, собирается уйти Гуськов в малодушных «перспективах» сведения счетов с жизнью. Тогда и пришедшая в

Атамановку весна для героя, идущего по реверсивному пути, становится временем гибели, а не спасения.

ВЫВОДЫ

Подводя итог сказанному, можно отметить, что сегодня смысл повести В. Г. Распутина прочитывается глубже, чем в предшествующий период, благодаря постижению религиозно-нравственного урока, заложенного в ней. И урок этот воспринимается именно сквозь призму интертекстуальных связей с наследием Ф. М. Достоевского. С помощью идейно-художественного «кода» классика советским писателем подспудно утверждается мысль о том, что духовное восстановление личности невозможно без веры в Бога, для русского человека – без православия. Повесть Распутина можно назвать «доказательством от противного» (излюбленный художественный принцип Достоевского!) идейной концепции «Преступления и наказания»: герои лишены евангельского Слова, не имеют веры во Христа, дарующего прощение и воскресение, гордыня, свойственная в разной степени обоим, мешает раскаянию. Видится, что «православного воззрения», силы и милости, даруемых свыше, не хватило Настене для спасения семьи. Суеверие вместо веры повергает героев во тьму, лишая выхода к свету.

Уже в наши дни в слове о русской литературе В. Г. Распутин скажет, что «России для ее нравственного и духовного спасения и возвышения нужна не просто хорошая, честная, чистого письма литература – ей нужна литература <...> *жертвенного реализма*» (курсив наш – М. Ш., Е. Д.) [13]. В повести «Живи и помни» явлен пример безоглядной жертвенности героини. Однако памятен урок, извлекаемый из ее страшной судьбы: жертва без смирения оказывается бесплодной.

Список литературы

1. Барышева, О. А. Мотивы агиографической литературы в рассказе В. Г. Распутина «Изба» [Текст] / О. А. Барышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 3. – С. 109–113.
2. Беляков, С. Живи в России (критический отзыв на повесть В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана») [Электронный ресурс] / С. Беляков // Урал. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/3/bel-pr.html>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
3. Демина, Е. Г. Фаворский свет В. Распутина (повесть «Последний срок») [Текст] / Е. Г. Демина // Таврические духовные чтения: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 140-летию создания Таврической духовной семинарии. – Симферополь, 2013. – Т. 2. – С. 247–254.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6: Преступление и наказание. – 424 с.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14 : Братья Карамазовы: книги I–X.– 514 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. – Л.: Наука, 1976. – Т. 15: Братья Карамазовы: книги XI–XII: эпилог: рукописные редакции. – 624 с.
7. Королева, С. Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении народной религиозности) [Текст] / С. Ю. Королева // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 79–89.
8. Кустовская (Шалина), М. А. «Воздух» и «вода» как символы «живой жизни» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Текст] / М. А. Кустовская (Шалина) // Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. – Великий Новгород, 2008. – С. 131–138.
9. Новикова, Н. Л. Мифологический мотив «явление потустороннего гостя» в повести В. Г. Распутина «Живи и помни» [Текст] / Н. Л. Новикова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 10. – С. 184–188.

10. Новикова, Н. Л. Фольклорная символика в художественном пространстве повести В. Г. Распутина «Живи и помни» [Текст] / Н. Л. Новикова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 237–243.
11. Распутин, В. Живи и помни. Повести [Текст] / В. Распутин. – М.: Известия, 1977. – 592 с.
12. Распутин, В. Г. Время Достоевского (Из выступления В. Распутина) [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин. – Режим доступа: <http://mspu.org.ua/pulicistika/6768-vremya-dostoevskogo-iz-vystupleniya-vrasputina.html>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
13. Распутин, В. Г. Откройте русскому человеку русский свет. Размышления о русском человеке в русской литературе [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/invol.htm>. – (Дата обращения: 25.04.2018).
14. Смирнова, Н. Н. Концепция праведничества в повести В. Г. Распутина «Последний срок» [Текст] / Н. Н. Смирнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8. – С. 122–125.
15. Тихомиров, Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении [Текст]: книга-комментарий. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 472 с.
16. Трубецкой, Е. Н. Свет Фаворский и преображение ума. По поводу книги священника П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» [Электронный ресурс] / Е. Н. Трубецкой. – М., 1914. – Режим доступа: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/14_trube.pdf. – (Дата обращения: 25.04.2018).

DOSTOEVSKY'S LITERARY "CODE" IN THE NOVEL *LIVE AND*

REMEMBER BY V. RASPUTIN

Shalina M. A., Demina Ye. G.

Summary. The article deals with the obvious and hidden allusions and reminiscences on F. M. Dostoevsky's work in the novel *Live and remember* by V. Rasputin and the functions of literary

dialogue of the Village Prose writer with the XIX-century Russian classic. As it has been impossible for V. Rasputin to speak directly about the causes of spiritual and moral crisis of the Siberian villagers in particular and of Soviet people in general, he uses the technique of intertextuality and ciphered implications. Interpretation of Dostoevsky's literary "code" in the novel reveals the deep meaning of the 20th century writer's landmark work and tragic warning. Novel *Live and remember* is a peculiar inversion of *Crime and Punishment*: while Dostoevsky shows the path of a fallen soul from death in sin to a spiritual revival through faith, by the will of Christ, the path from arrogance to meekness, Rasputin demonstrates gradual degradation of a self-willed individual ignorant of God.

Keywords: V. G. Rasputin, Fyodor Dostoevsky, village prose, intertextuality, Christian axiology.

References

1. Barysheva O. A. *Motivy Agiograficheskoi Literatury v Rasskaze V. G. Rasputina «Izba»* [Motives of Hagiographic Literature in the Story by V. G. Rasputin *Izba*]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2008, no 3, pp. 109–113.
2. Belyakov S. *Zhivi v Rossii (Kriticheskii Otzyv na Povest V. Rasputina «Doch Ivana, Mat Ivana»)* [Live in Russia (Critical Review of the Story V. Rasputin *Daughter of Ivan, Ivan's Mother*)]. *Ural*, 2004. Available at: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/3/bel-pr.html> (accessed 25 April 2018).
3. Demina Ye. G. *Favorskii Svet V. Rasputina (Povest «Poslednii Srok»)* [Favorsky Light of V. Rasputin (novel *The Last term*)]. *Tavrisheskie Dukhovnye Chteniya: Mater. Mezhdunar. Nauch.-Prakt. Konf., Posvyashch. 140-letiyu Sozdaniya Tavricheskoi Dukhovnoi Seminarii*. Simferopol, 2013, vol. 2, pp. 247–254.
4. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tt.* [Full Collection of Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 6: *Prestuplenie i Nakazanie* [Crime and Punishment]. 424 p.
5. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tt.* [Full Collection of Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 14: *Bratya Karamazovy: Knigi I–X* [Brothers Karamazov: books I–X]. 514 p.
6. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tt.* [Full Collection of Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 15: *Bratya Karamazovy: Knigi XI–XII : Epilog : Rukopisnye Redaktsii* [Brothers Karamazov: Books XI–XII: Epilogue: Handwritten Versions]. 624 p.

7. Koroleva S. Yu. *Obraz Pravednika v «Derevenskoi Proze» V. Rasputina (k Voprosu o Hudozhestvennom Voploshchenii Narodnoi Religioznosti)* [The Image of the Righteous in V. Rasputin's Village Prose (to the Question of the Artistic Embodiment of Popular Religiosity)]. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 2009, no 1, pp. 79–89.
8. Kustovskaya (Shalina) M. A. «Vozdukh» i «Voda» kak Simvoly «Zhivoi Zhizni» v Romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i Nakazanie» [«Air» and «Water» as Symbols of «Living Life» in F.M. Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*]. *Materialy XXII Mezhdunarodnykh Starorusskikh Chtenii 2007 Goda*, Velikii Novgorod, 2008, pp. 131–138.
9. Novikova N. L. *Mifologicheskii Motiv «Yavlenie Potustoronnego Gostya» v Povesti V. G. Rasputina «Zhivi i Pomni»* [Mythological Motive "the Phenomenon of the Otherworldly Guest" in V. G. Rasputin's Novel *Live and Remember*]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2013, no 10, pp. 184–188.
10. Novikova N. L. *Folklornaya Simvolika v Hudozhestvennom Prostranstve Povesti V. G. Rasputina «Zhivi i Pomni»* [Folklore Symbolism in the Artistic Space of V.G. Rasputin's Story *Live and Remember*]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, no 10, pp. 237–243.
11. Rasputin V. *Zhivi i Pomni. Povesti* [*Live and remember. The story*]. Moscow: Izvestiya Publ., 1977. 592 p.
12. Rasputin V. G. *Vremya Dostoevskogo (Iz Vystupleniya V. Rasputina)* [Time of Dostoevsky (From the Speech of V. Rasputin)]. Available at: <http://mspu.org.ua/pulicistika/6768-vremya-dostoevskogo-iz-vystupleniya-vrasputina.html> (accessed 25 April 2018).
13. Rasputin V. G. *Otkroite Russkomu Cheloveku Russkii Svet. Razmyshleniya o Russkom Cheloveke v Russkoi literature* [Open the Russian Light to the Russian Person. Reflections on the Russian Man in Russian Literature]. Available at: <http://www.voskres.ru/idea/invol.htm> (accessed 25 April 2018).
14. Smirnova N. N. *Kontsepsiya Pravednichestva v Povesti V. G. Rasputina «Poslednii Srok»* [The Concept of Righteousness in V.G. Rasputin's Novel *The Last Term*].

Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta, 2010, no 8, pp. 122–125.

15. Tikhomirov B.N. «Lazar! Gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i Nakazanie» v Sovremennom Prochtenii* [The Novel by F.M. Dostoevsky *Crime and Punishment in a Modern Interpretation*]. St. Petersburg, Serebryanyi Vek Publ., 2005. 460 p.
16. Trubetsoi E. N. *Svet Favorskii i Preobrazhenie Uma. Po Povodu Knigi Svyashchennika P. A. Florenskogo «Stolp i Utverzhdenie Istiny»* [Light Favorsky and the Transfiguration of the Mind. Concerning the Book of the Priest P. A. Florensky *Pillar and the Statement of Truth*]. Available at: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=1743> (accessed 25 April 2018).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

ОЖИДАЕМЕЕ, ЛЮБИМЕЕ И БОЛЕЕ РАСТУЩИЙ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ КОМПАРАТИВОВ ОТ ПРИЧАСТИЙ

Борзенко Е. О.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

В данной статье рассматриваются синтетические и аналитические сравнительные формы разной степени окказиональности, образованные от причастий и прилагательных, имеющих в своей структуре суффикс причастия. В некоторых случаях подобные компаративы являются фактами языковой игры (сделанное, купленное), в других же они смотрятся достаточно естественно (более значимый, менее желанный). Приводится статистика употребления этих форм, анализируются их семантические особенности и синтаксические функции.

Ключевые слова: компаратив, причастие, семантика сравнительной степени, адъективация, шкала интенсивности, окказионализм.

ВВЕДЕНИЕ

Цель данного исследования состоит в изучении особенностей морфонологии, семантики, синтаксиса нестандартных аналитических и синтетических компаративов, образованных от причастий или отглагольных прилагательных¹

Новизна данной работы несомненна, поскольку в российской лингвистике отсутствуют комплексные исследования, описывающие отпричастные нестандартные формы сравнительной степени. Ограниченный набор подобных форм упоминается в трудах, посвященных языковой игре взрослых [15], творчеству отдельных писателей [9], детской речи [16]. Кроме того, существуют отдельные работы, рассматривающие частеречный статус и особенности

¹ Различение частей речи, служащих словообразовательной базой исследуемых компаративов, а именно причастия и отглагольного прилагательного с суффиксом причастия, для целей статьи не существенно, поэтому в дальнейшем ее тексте термин «причастие» будет применяться как к собственно причастию, так и к прилагательному, образованному от причастия.

образования сравнительных форм от адъективированных прилагательных и от причастий. Наиболее ценной в этом отношении является работа И. В. Замятиной и Г. Ю. Сызрановой [8], в которой приводятся разные точки зрения на отнесение подобных форм к определенной части речи. О возможности их образования писал Н. Н. Прокопович [12], а различные позиции относительно данной проблемы представлены в Российской грамматике 1980 г. (далее – РГ-80) [13] и Грамматике современного русского литературного языка 1970 г. [5].

Результаты данного исследования могут быть использованы при составлении пособий по современному русскому языку, преподавании дисциплин, связанных с языковой игрой, новообразованиями и корпусными методами в лингвистике.

Существуют различные семантические классификации прилагательных, в том числе включающие прилагательные, образованные от причастий. Наиболее подходящей для цели данного исследования является классификация Ф. Лемана. В ее рамках интересующие нас слова названы ситуативными прилагательными, для которых приводятся примеры: *пугающий, волнующий, напуганный*. Положительная степень данных прилагательных называет действие или акциональную ситуацию (термин «акциональная ситуация» в данном исследовании понимается как синонимичный предикативности в противоположность предметности и атрибутивности), а степени сравнения – шкалу интенсивности действия или величину результата. Эти формулировки применимы ко всем найденным нами причастиям и отадъективным формам. Ниже будет сделана попытка распределить все найденные формы сравнительной степени на две группы: компаративы, соответствующие определенному положению на условной шкале интенсивности действия, и компаративы, обозначающие степень величины результата [10, с. 160].

В современном русском языке постоянно идет процесс адъективации, и «провести четкую границу между “еще причастиями” и “уже прилагательными”, переставшими быть словоформами глаголов, принципиально невозможно» [14]. Хотя существует несколько признаков, свидетельствующих об адъективации

причастий, например: утрата компонентов семантики, связанных с локализацией ситуации во времени и пространстве, утрата способности присоединять зависимые слова, развитие способности сочетаться с наречиями меры и степени и т. д.; процедура определения, к какому частеречному классу относится каждая конкретная форма, очень сложна и трудоемка. При этом следует отметить, что в научной литературе существуют разные точки зрения на проблему отнесения данных форм к определенной части речи: либо образование компаратива и суперлатива от причастия считается безусловным показателем его адъективации ([9], [12]), либо по крайней мере часть примеров с подобными формами считаются такими причастиями, в которых в большей или меньшей степени акцентируется именная составляющая ([4], [8], [13]). Поэтому в рамках данного исследования вопрос о частеречной принадлежности базы, от которой образована форма сравнительной степени, может быть важен лишь потому, что он связан со степенью окказиональности компаратива.

Степень окказиональности исследуемых компаративов, соответственно, зависит от степени адъективации причастия, во-первых, а во-вторых, от способа образования компаратива. Наиболее естественно смотрятся аналитические компаративы. Синтетические сравнительные формы, образованные от причастий, выглядят маргинально, но они будут рассмотрены в данном исследовании, поскольку неологизмы и маргинальные формы также входят в язык, являются свидетельствами о микродиахронических сдвигах в его системе (см. об этом [6], [7]). Поэтому изучение редких и «неправильных» форм, в том числе нестандартных компаративов разных типов (образованных от существительных, местоимений, частиц и др. (см. об этом: [1; 2; 3]), является весьма показательным. Кроме того, возможно, что количество компаративов, образованных от причастий, будет увеличиваться, поэтому необходимо зафиксировать факт их наличия в языке.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Степень нестандартности компаративов, образованных от причастий

Согласно Русской грамматике 1980 г., формы сравнительной степени могут свободно образовываться от причастий на *-енный*, *-анный* в адъективном значении:

Дорога стала тяжелее и засыпаннее (Л. Толстой);

И ты знаешь, что нас разлученней

В этом мире никто не бывал (А. Ахматова).

Формы же компаратива от причастий в адъективном знач. с суффиксами

-ущ-, *-ащ-*, *-|о/м-* и *-т-* ограниченно употребительны:

Женщины умнее и любящее (В. Белинский);

Твой взор открытей и бесстрашней (А. Фет);

Но есть иные люди. Те

Еще несчастней и забытей (С. Есенин) [13];

На рисунке все формы типичнее, подчеркнутее (пример из газет) [9, с. 357].

Таким образом, согласно справочникам, образование компаратива от такой лексической базы, как причастие, затруднено, однако не запрещено. Это могут быть любые причастия, кроме причастий действительного залога прошедшего времени. Обязательным условием является только их адъективное значение.

Семантика и синтаксис компаративов, образованных от причастий

1. Формы действительного залога настоящего времени

Для компаративов, образованных от причастий различного времени и залога, в данной статье приведен полный список найденных форм – синтетических и аналитических, для поиска которых от 200 самых частотных глаголов по данным словаря Ляшевской, Шарова [11] были образованы синтетические и аналитические причастия, поскольку отдельного списка причастных форм в словаре нет. Следующим этапом было образование от данных причастий аналитических компаративов и синтетических компаративов на *-ее*, и на *-ей* (автор придерживается точки зрения на сравнительные формы на *-ее* и на *-ей* как

на варианты) и проверка того, представлены ли сгенерированные формы в реальных текстах, в том числе посредством поиска в базе Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) и в текстах Интернета через инструменты Яндекс и Google².

Синтетические компаративы: *знающее* (2), *любящее* (1).

Уважаемый охо! Маятника показывает, что вы самый знающий среди участников данной ветки.....а я еще знающее, у меня ник еще короче.:-) [<http://forums.kuban.ru/34178177-post84.html>].

*Я во многих вещах был всех их **знающее** и умнее, и сверх того, как они все ко мне ласкались и осыпали меня похвалами, то и я всех их полюбил и всегда был очень рад, когда они к нам приезжали.* [Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: В 3 т. Т. 1: 1738–1759 / Вс. ст. С. Ронского; Примеч. П. Жаткина, И. Кравцова. – М.: ТЕРРА, 1993].

*Женщины умнее и **любящее*** (В. Белинский) [РГ-80].

Существование исследуемых форм в текстах XVIII–XIX века является свидетельством того, что тенденция к их образованию существовала еще три века назад.

Аналитические компаративы:

Более отвечающий (138), более растущий (87), более кричащий (73), более понимающий (53), более любящий (46), более значащий (34), более становящийся (32), более принимающий (31), более относящийся (26), более выступающий (25), более пьющий (25), более стоящий (25), более следующий (22), более работающий (21), более знающий (21), более начинающий (19), более требующий (19), более нравящийся (16), более входящий (14), более уходящий (13), более говорящий (12), более чувствующий (11), более ведущий (10), более спящий (7), более живущий (7), более дающий (7), более существующий (7), более лежащий (6), более думающий (6), более берущий (6), более играющий (6), более ищущий (6), более

² Данный метод подбора материала был предложен А. И. Грищенко и впервые использован автором в [1].

значущий (4), более состоящий (4), более приходящий (3) более пишущий (3), более несущий (3), более касающийся (3), более выходящий (3), более желающий (2), более хватающий (2) более представляющий (2), более показывающий (2), более просящий (2), более поющий (2), более проводящий (2), более помогающий (2), более ходящий (2), более выглядящий (1), более пытающийся (1), более приходящийся (1), более позволяющий (1), более оказывающийся (1), более получающий (1), более слушающий (1), более слышащий (1), более держащий (1), более бегущий (1).

Менее говорящий (45), менее знающий (15), менее нравящийся (9), менее требующий (6), менее думающий (6), менее стоящий (5), менее чувствующий (4), менее работающий (3), менее существующий (3), менее пишущий (2), менее живущий (2), менее спящий (1), менее дающий (1), менее берущий (1), менее ищущий (1), менее касающийся (1).

Семантика:

К группе, обозначающей положение на шкале интенсивности действия, были отнесены компаративы от действительных причастий настоящего времени, образованных от глаголов *бежать (1), говорить (57), давать (8), думать (12), желать (2), жить (7), значить (38), знать (36), играть (6), искать (7), касаться (4), кричать (73), лежать (7), любить (46), нести (3), нравиться (25), относиться (26), писать (3), позволять (3), показывать (1), получать (1), понимать (53), петь (2), приходиться (1), проводить (2), просить (2), пытаться (1), пить (24), работать (24), растущий (87), слушать (1), слышать (1), становиться (32), стоящий (30), существовать (10), требовать (25), уходить (13), хватать (2), ходить (2), чувствовать (15), – всего от 40 причастий.*

Все же в этом обморочно-сонном плену я ощущала себя более живущей и реальной, нежели во время так называемого бодрствования [<http://magazines.russ.ru/ural/2008/11/ss7.html>].

К группе, обозначающей величину результата, относится меньшее количество причастий, а именно причастия, образованные от глаголов *брать (7), вести (10), входить (14), выглядеть (1), выступать (25), выходить (3), держать*

(1), начинать (19), оказываться (1), отвечать (138), помогать (2), представлять (2), принимать (31), приходить (3), следовать (22), состоять (4), спать (8), читать (21).

*В состоянии предложить вместо черты, кажущейся нам человеческой, другую, **более отвечающую** природе животного* [http://magazines.russ.ru/nov_yun/1999/5/dark.html].

Разделение компаративов на семантические группы, соответствующие положению на шкале интенсивности действия или шкале величины результата, происходило с учетом контекста, в котором данные компаративы были употреблены. Во многих случаях семантика этих двух типов, безусловно, связана между собой (например, степень интенсивности действия может напрямую влиять на величину результата). Однако при анализе конкретных примеров прослеживается определенная закономерность, в соответствии с которой и были выделены данные группы. Так, в примерах с компаративами от причастий типа *ищущий* акцентируется интенсивность названного глаголом *искать* действия, или интенсивность поиска, а результат данного действия в контексте предложения отходит на второй план: *он был натурой куда **более ищущей**, нежели мы*.

Компаративы второй группы, обозначающие степень величины результата, были выбраны с связи с несколькими причинами. Например, компаративы от причастия *ведущий* скорее указывают на то, к чему приводит данное действие, не называя этот результат прямо (вести): *Глобальная сеть берет все **более ведущую роль** в нашем мире*. Акцент в данном предложении сделан не на то, насколько интенсивно *глобальная сеть ведет* за собой, а на следствия данной ситуации, которые автор высказывания мог бы назвать далее: она заполняет умы и сердца людей, влияет на их сознание и т. д.

Таким образом, действительные причастия настоящего времени в основном образуют компаратив со значением шкалы интенсивности действия, что легко объяснимо, поскольку действие, которое они характеризуют, чаще всего происходит в моменте «сейчас».

Синтаксическая функция³:

1. Большая часть аналитических компаративов выполняет функцию определения (771 компаратив):

*И я не знаю более верных друг другу, **более любящих** друзей и товарищей*
[<http://magazines.russ.ru/neva/2013/7/11ch.html>].

2. Синтаксическую функцию сказуемого могут выполнять как синтетические (3), так и аналитические компаративы (71):

*У румын состав более боевой, у венгров – **более играющий***
[<http://m.livejournal.com/read/user/soglyadataj/146059>].

3. Очень редко встречается употребление исследуемого компаратива в функции дополнения (1 аналитический компаратив, образованный от субстантивированного причастия):

*сТрАннО, нОу **БолЕе ньЮЩих** рЕзУльтАт тЕстА мЕнЬшЕ 50*
[http://m.livejournal.com/read/user/palm_p/4606/comments/p1].

4. Также возможно употребление аналитического компаратива, образованного от субстантивированного причастия, в функции подлежащего (1):

***Более любящий** воспринимается как слабый и неспособный*
[<http://m.livejournal.com/read/user/galareana/197412>].

Сочетаемость:

Аналитические компаративы сочетаются со словами *все, еще, гораздо, чуть, куда: стала еще **более дающей**, все **более ведущие** позиции, аудитория **гораздо более думающая**, сделать их **чуть более выступающими**, куда **более отвечающий** состоянию перевод.*

Поскольку одним из показателей отсутствия адъективации причастия является зависимое слово, автором были отмечены компаративы, сохранившие глагольное управление. Такими оказались аналитические компаративы, образованные от причастий *берущий, входящий, становящийся и др.:* **более**

³ Поскольку количество аналитических и синтетических компаративов от страдательных причастий очень велико, для анализа разделов «Синтаксическая функция» было использовано не больше 50 форм от каждого причастия.

берущие в свои руки власть меньшинства, более несущая в себе элементы позитива мысль, более отвечающая природе животного черта, более любящие всякие погони и стрельбу дети, более требующее сил, и внимания, и чувств дело и т. д.

Итак, компаративы с суффиксом действительного причастия настоящего времени сохраняют глагольное управление и легко присоединяют зависимые слова.

Краткие и полные формы:

Среди проанализированных нами форм аналитического компаратива только один раз встречается краткая форма *ведущее*, которая выполняет функцию сказуемого и имеет семантику величины результата:

от шляпы будет зависеть, что более ведущее в одежде – юбка или кофточка. Тюбетейка подчеркивает юбку, к примеру.
[<http://m.livejournal.com/read/user/7popugaeff/248693/comments/p5>]

2. **Формы действительного залога прошедшего времени** (напомним, в РГ-80 они не упомянуты вовсе).

Синтетические компаративы: *бывший – бывшее (2), бывшее (1); поехавший поехавшее (1).*

Поехавший и еще поехавшее.

*Но культуру питья никто не отменял. Я не знаю ваших причин отказа от алкоголя, но чаще всего мне встречаются ярые трезвенники из «бывших» и сильно «бывших», и чем **бывее**, тем ярее.*

*Хоть и жена, но бывшая... Сама знала, что за разведенного мужчину замуж выходила. Так что же, мне теперь им обоим за это головы пеплом вечно посыпать? Понимаю, что «на виноватых воду возят», но я же не ради этого с ним жить собралась. Да и от нее чего теперь хотеть: «**бывЕе**» (или «**бывиЕе**»?) она вряд ли уже станет...*

Следует отметить специфически образованную окказиональную форму *бывее* (от *бывший*), при образовании которой происходит усечение части суффикса *-ви-*; эта форма встретилась только два раза наряду с «правильными»

формами, образованными от причастий разного залога и времени (*ср. знающее, поехавшее, любимее, сделаннее* и т. д.). Общее число таких «правильных» компаративов, образование которых сопровождается всего лишь смягчением последнего согласного основы, в нашей базе превышает 45 тысяч употреблений.

Аналитические компаративы:

Более бывший (29), более удавшийся (12), более поехавший (7), более ушедший (6), более отвечавший (5), более нравившийся (3), более казавшийся (3), более входивший (3), более вошедший (3), более прошедший (3), более любивший (2), более пришедшийся (2), более приходивший (2), более понимавший (2), более ожидавший (2), более поднявшийся (2), более выпивший (2), более подошедший (2), более становившийся (2), более подошедший (2), более потерявший (1), более попавший (1), более поднявший (1), более желавший (1), более бравший (1), более касавшийся (1), более произошедший (1), более севший (1), более успевший (1), более искавший (1).

Менее поехавший (9), менее отвечавший (1), менее выпивший (1).

Семантика:

Большинство компаративов, образованных от действительных причастий прошедшего времени, имеет семантику степени, этапа, величины результата. Это компаративы, образованные от причастий *бравший (1), бывший (29), вошедший (3), входивший (3), выпивший (3), отвечавший (6), поднявший (1), поднявшийся (2), подошедший (2), поехавший (16), понимавший (2), попавший (1), потерявший (1), приходивший (2), пришедшийся (2), произошедший (1), прошедший (3), севший (1), становившийся (2), удавшийся (12), успевший (1), ушедший (6).*

Еще более ушедший в классическую оркестровую музыку пауэр-метал, с элементами прогрессив и готик-металла [<http://m.livejournal.com/read/user/exnse/10112>].

Часть из них, однако, обозначает интенсивность действия. Чаще всего такое значение встречается в компаративах, относящихся к ситуации, в которой описывается «настоящее в прошедшем»: *искавший (1), казавшийся (3), касавшийся (1), любивший (2), нравившийся (2), ожидавший (2).*

Какое-то время здесь, на лоне природы, среди этих своеобразных, все более нравившихся мне людей [<http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/10/panin.html>].

Преобладание семантики величины результата среди компаративов, образованных от действительных причастий прошедшего времени, совершенно естественно, поскольку если причастие обозначает завершенное действие (*удавшийся*), то компаратив отображает степень этой завершенности и величину результата, к которой это действие привело: *учеба мне кажется более удавшейся, чем в прошлом году* – ‘принесшей больше результатов’.

Синтаксическая функция:

1. Аналитические компаративы от причастий действительного залога прошедшего времени чаще всего употребляются в функции определения (102 компаратива):

я утверждаю: нет в великой классической русской Литературе человека более любившего русского «мужика» и понимавшего его душу Автора, чем Салтыков [http://m.livejournal.com/read/user/русскuu_gyx/324002/comments/p1].

2. Намного более редки случаи употребления их в функции сказуемого (11 аналитических компаративов):

Жизнь не стала более удавшейся, но перестала выглядеть тупиком [<http://m.livejournal.com/read/user/chkusiya/616046>].

3. Функцию дополнения в найденных автором текстах выполняет всего лишь 2 аналитических и 2 синтетических компаратива, образованных от субстантивированных причастий:

что веселого? Глохнуть от криков. Слушать, как менее выпившие подкалывают более выпивших [<http://m.livejournal.com/read/user/rijikova/48213>].

4. Почти так же редки случаи употребления их в функции подлежащего (2 аналитических и 1 синтетический компаратив, образованные от субстантивированных причастий):

Никакого прогресса эта возня не несет, чуть более поднявшийся по финансовой лестнице начинает гнобить тех, кто внизу [http://m.livejournal.com/read/user/hungry_mouse/17944].

Сочетаемость:

Аналитические компаративы сочетаются со словами *еще, все, гораздо, чуть*: *все более бравшие Грузию под контроль, гораздо более искавшего впечатлений, еще более казавшимся нереальным, чуть более поднявшийся по лестнице.*

Аналитические компаративы, сохранившие причастное управление, образуются от причастий: *бравший (1), бывший (1), любивший (2) и др.: более отвечающая наступавшей тогда постидеологической эпохе форма правления, более любившие людей личности, более ушедший в чистую высшую жизнь, все более казавшиеся ему чистейшим безумием планы, более понимавшие нужды и состояние страны сановники и т. п.*

3. Формы страдательного залога настоящего времени.

Синтетические компаративы: *любимей (12224), любимее (5876), значимее (2406), значимей (746), ожидаемое (18), читаемое (5), ходимее (3), слышимее (3), видимее (1), ведомее (1), требуемое (1).*

Прямо фильм стал еще ожидаемое, если можно так сказать. [<https://oper.ru/news/read.php?t=1051618102&page=1>].

Стань еще прекраснее, Будь еще любимее! [<http://что-такое-lyubov.net/lyubovnyye-stikhi/pozdravleniya-rodnyim-i-blizkim/5188-pozdravlyayu-s-povym-godom-babushka-babulya>].

Аналитические компаративы:

Более значимый (11630), более любимый (2743), более ожидаемый (423), более читаемый (294), более желаемый (134), более видимый (33), более используемый (28), более понимаемый (13), более слышимый (12), более ведомый (9), более хоженный (6), более принимаемый (5), более называемый (4), более проводимый (3), более слушаемый (2), более представляемый (2), более требуемый (1), более ходимый (1), более чувствуемый (1).

Менее значимый (8422), менее любимый (4646), менее ожидаемый (213), менее видимый (164), менее желаемый (79), менее используемый (52), менее читаемый (31), менее слышимый (11), менее требуемый (8), менее ведомый (4), менее понимаемый (3), менее слушаемый (1).

Семантика:

Большинство как аналитических, так и синтетических компаративов, образованных от страдательных причастий настоящего времени, имеют семантику интенсивности действия. Это сравнительные формы, образованные от причастий *ведомый* (10), *желаемый* (184), *используемый* (80), *любимый* (25489), *ожидаемый* (636), *проводимый* (3), *слушаемый* (310), *требуемый* (2), *читаемый* (330), *чувствуемый* (1).

Собственно, как и день всех влюбленных, был более ожидаем в школьные годы [<http://m.livejournal.com/read/user/zeljoni1991/153473>].

Часть из них, однако, обозначает величину результата. Это аналитические компаративы, образованные от причастий *видимый* (198), *значимый* (23204), *называемый* (4), *понимаемый* (16), *представляемый* (2), *принимаемый* (5), *слышимый* (26), *ходимый* (4).

Крымскотатарская проблема благодаря этому станет еще более видимой миру и более выпуклой [<http://m.livejournal.com/read/user/andreistp/2381236>].

Совершенно естественно, что семантика интенсивности действия оказывается такой «популярной» для страдательных причастий настоящего времени, ср. в примере: *распахнул двери западный, запретный и оттого еще более желаемый мир*. Автор высказывания сосредоточен не на величине результата названного действия, но на его интенсивности, причем причина данной интенсивности объяснена предыдущими прилагательными: *западный, запретный*.

Что касается семантики величины результата, то она может быть заложена в самой семантике глагола (*значить*). *Более значимый* во фразе *ислам играл более значимую роль в политике* указывает на степень результата, а не на степень интенсивности совершаемого действия.

Синтаксическая функция:

1. Так же, как и для действительных причастий настоящего и прошедшего времени, для страдательных причастий настоящего времени наиболее частотной

является функция определения (2 синтетических и 728 аналитических компаратива):

*В каждом жизненным времени есть свои прелести, например, в старости это богатый жизненный опыт, любимые взрослые дети и еще **любимее** внуки...* [https://m.fotostrana.ru/public/post/333934/709328353/?frm=public].

*Для русского западника Россия – это самое любимое дитя, **более любимое**, чем любая другая страна* [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/1/gorbach.html].

2. Гораздо чаще, чем действительные причастия, страдательные причастия настоящего времени выполняют функцию сказуемого (127 синтетических и 178 аналитических компаративов):

*интересно, какой тег станет **более используемым**: мимими или айрони?* [http://m.livejournal.com/read/user/keepsliding/38189].

*И жалко-жалко, да, но от того они еще **любимее*** [http://m.livejournal.com/read/user/chiifa/1045166/comments/p2].

3. Синтетические компаративы встречаются также в функции дополнения (2):

*И я желаю тебе быть счастливее, **любимее** и лучше в твоём новом существовании* [http://m.livejournal.com/read/user/xuhin/502159].

Сочетаемость:

*Аналитические компаративы сочетаются со словами еще, все, гораздо, куда, чуть: что-то куда **более желаемое**, становится все **более используемым**, стала еще **более любимой**, гораздо **более ожидаемая** книга, сделала чуть **более читаемой**.*

Аналитические компаративы, сохранившие глагольное управление: *ведомый (3), понимаемый (1), требуемый (1) и др.: **более желаемый** для них исход, **более видимый** на рынке труда, **более требуемое** сейчас, **более понимаемый** для сообщества путь, **более используемый** на данный момент в Украине.*

Краткие и полные формы:

Среди проанализированных нами форм аналитического компаратива несколько раз встречается краткая форма: *называемый* (1), *ожидаемый* (53), *читаемый* (44) и др.:

Что-то влечет меня в темноту. И сейчас я более ведом, чем когда-либо [<http://m.livejournal.com/read/user/yazjcnik/785>].

4. Компаративы, образованные от причастий страдательного залога прошедшего времени:

Синтетические компаративы: *желанней* (17839), *желаннее* (4377), *открытое* (578), *открытой* (380), *сделанное* (23), *забытой* (8), *положенное* (7), *сделанной* (6), *забытое* (3), *купленное* (2), *связанное* (2), *потерянное* (1), *продолженное* (1), *приведенное* (1), *оставленное* (1).

Порою быть, ... что сказку делает для нас еще желанней *Вторгается в наш мир и нет названья...* [<http://m.livejournal.com/read/user/kruegger/13284>].

По своей концепции «Закрытый показ», как проект, на порядок отчетливей, сделанней [http://m.livejournal.com/read/user/ushel_v_kino/12411].

Аналитические компаративы:

Более открытый (18519), *более желанный* (2771), *более принятый* (152), *более положенный* (82), *более потерянный* (49), *более забытый* (41), *более представленный* (15), *более показанный* (11), *более поднятый* (11), *более поставленный* (10), *более понятый* (8), *более сделанный* (7), *более отмеченный* (4), *более взятый* (2), *более брошенный* (2), *более замеченный* (2), *более пройденный* (2), *более купленный* (2), *более переданный* (1), *более отданный* (1), *более созданный* (1), *более решенный* (1).

Менее желанный (454), *открытый* (151), *менее принятый* (91), *менее представленный* (19), *менее потерянный* (13), *менее понятый* (12), *менее замеченный* (5), *менее показанный* (2), *менее сделанный* (2), *менее отмеченный* (2), *менее пройденный* (1).

Семантика

Около половины компаративов, образованных от различных страдательных причастий прошедшего времени, имеет семантику величины результата: брошенный (2), взятый (2), забытый (44), замеченный (7), купленный (4), отданный (1), открытый (20128), отмеченный (6), оставленный (1), переданный (1), поднятый (11), показанный (13), положенный (8), понятый (20), поставленный (10), потерянный (19), представленный (34), приведенный (1), принятый (143), продолженный (1), пройденный (3), связанный (2), сделанный (31).

Сразу чувствуешь себя менее одиноким и более понятым [<http://m.livejournal.com/read/user/salvare/417415>].

Интенсивность действия или акциональной ситуации обозначает один компаратив, встречающийся в текстах очень часто: *желанный* (25441).

трудно достающийся в полное твое распоряжение, но от этого еще более желанный... [<http://magazines.russ.ru/ier/2009/31/ta7.html>].

Весьма естественно, что причастия, отнесенные нами к первой группе, встречаются так часто: констатация завершенного действия тяготеет к указанию результата данного действия, но не к указанию на его интенсивность: *все это постепенно становилось все более забытым прошлым*. Последнее возможно только для компаратива от *желанный*, который в силу семантики глагола *желать* может указывать только на интенсивность чувства, которое испытывал объект в прошлом: *Для меня не было книги желаннее*.

Синтаксическая функция:

1. Наиболее частотной для аналитических компаративов от страдательных причастий прошедшего времени является функция определения (576 компаративов):

все равно буду лишним за этим столом под кронами, где более желанная компания: водка, закуска и книги [<http://magazines.russ.ru/ra/2011/11/st24.html>].

2. Аналитические компаративы выполняют также функцию сказуемого (79 компаративов). Она является самой употребительной для синтетических компаративов (255):

*сказал: «это бьет Императора Александра, только чело его гораздо **открытее** и обширнее, чем я полагал!»* [http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_20.html].

*Пока экстремисты Киева спорят, кто из них **более купленный** Путиным, на избитого мирными протестувальниками кандидата в гетьманы несуществующей Украины* [http://m.livejournal.com/read/user/russskiy_malchik/456997].

Сочетаемость:

Аналитические компаративы сочетаются со словами *еще, все, гораздо, куда, чуть: смотрится еще **более брошенным**, куда **более забытые** зачарованные, становятся все **более открытыми**, быть чуть **более понятным**, оказывается гораздо **более потерян**.*

Аналитические компаративы, сохранившие глагольное управление: *взятый (2), открытый (10), представленный (15) и т. д.: **более забытое** всеми богами место, **более открытый** для восприятия человек, более представленные в традиционных обществах явления, **более показанный** детям мед.*

Краткие и полные формы.

Среди проанализированных нами форм аналитического компаратива несколько раз используется краткая форма: *желанный (30), положенный (1), принятый (83) и т. д.:*

*он пожирает своего творца. И чем более он узнаваем, чем **более взят** из литературы, тем акт поэтофагии совершается быстрее* [<http://magazines.russ.ru/arion/2011/4/i16.html>].

ВЫВОДЫ

Исследование особенностей образования, семантики и синтаксических функций нестандартных форм, образованных от причастий или причастий-прилагательных, позволяет выявить их некоторые характерные особенности.

Синтетические и аналитические формы такого рода распределяются следующим образом:

	Синтетические компаративы (СК) ⁴	Аналитические компаративы (АК)
Действительные причастия настоящего времени (ДН)	3, например, знающее	987, например, более живущий
Действительные причастия прошедшего времени (ДП)	3, например, бывшее	117, например, более прошедший
Страдательные причастия настоящего времени (СН)	21341, например, ожидаемое	28978, например, более используемый
Страдательные причастия прошедшего времени (СП)	23795, например, забытое	22446, например, более сделанный

Наименьшее количество компаративов образуют СКДН и ДП. По частотности их можно расположить в такой последовательности (от меньшего к большему):

1. СКДН: *любящее, СКДП: поехавшее;*
2. АКДП: *более нравившийся;*

⁴ В «Выводах» использованы следующие сокращения: СК – синтетический компаратив, АК – аналитический компаратив; Д – действительный залог, С – страдательный залог; Н – настоящее время, П – прошедшее время. Так, СКДП обозначает «синтетический компаратив от причастия действительного залога прошедшего времени».

3. АКДН: *более думающий*;
4. СКСН: *любимее*;
5. АКСП: *более открытый*;
6. СКДП: *купленнее*;
7. АКСН: *более читаемый*.

Самое большое количество компаративов образуют действительные причастия настоящего времени. Фактически такие образования нормативны (ср. компаратив от причастия *любимый*).

Компаративы, образованные от причастий, соотносятся с ситуативными прилагательными (по Ф. Леману) и обозначают шкалу интенсивности действия или величину результата. При этом причастия всех залогов и времен образуют сравнительные формы, которые можно отнести к обеим из этих подгрупп. Но численность таких компаративов в разных подгруппах различается в зависимости от времени причастия. Так, ДН и СН чаще обозначают интенсивность действия, а ДП и СП в большинстве случаев называют степень величины результата. При этом величину результата обозначают компаративы, образованные от причастий совершенного (чаще) и несовершенного вида, а интенсивность действия – только несовершенного вида.

Некоторые компаративы образованы от причастий, семантически близких к существительным: бывший ('бывший муж/парень, бывшая жена, 'бывший алкоголик). Они имеют семантику как интенсивности акционального состояния, так и величины результата.

Кроме того, компаративы, образованные от причастий типа *следующий* и *бывший*, в семантике которых изначально заложено указание на точку отсчета, часто указывают на новую точку отсчета, появившуюся в результате процесса градуирования.

Компаративы, образованные от причастий, выполняют функции определения, сказуемого, дополнения, подлежащего и одной из составляющих деепричастного оборота. При этом абсолютное большинство аналитических

компаративов выполняет функцию определения, а большинство синтетических форм сравнительной степени – функцию сказуемого.

Многие компаративы, образованные от причастий различного залога и времени, сохранили способность присоединять зависимые слова. При этом чаще всего в сочетании с зависимыми словами выступают сравнительные формы, образованные от действительных причастий настоящего времени: более читающая в пивных нация.

В большинстве случаев образование компаратива от причастия является показателем того, что на первый план в значении слова в данном контексте выходит адъективная семантика. Однако это происходит не всегда, о чем свидетельствует наличие форм с зависимыми словами. Данные формы встречаются реже, чем компаративы от причастий без зависимых слов.

В целом же следует отметить, что исследование форм компаратива, образованных от причастий, тесно связано с вопросами частеречной классификации и проблемой адъективации причастий [8, с. 84].

Список литературы

1. Борзенко, Е. О. Они и еще онее: семантика сравнительных форм, образованных от местоимений, в русском языке XXI века [Текст] / Е. О. Борзенко // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2016. – III: 3 (48). – С. 45–60.
2. Борзенко, Е. О. Семантические и прагматические различия между однокоренными отсубстантивными и отадъективными компаративами в современной русской речи / Е. О. Борзенко [Текст] // Вестник ПСТГУ. – Серия III: Филология. – 2015. – III: 3 (43). – С. 32–47.
3. Борзенко, Е. О. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее) [Текст] / Е. О. Борзенко, Е. Р. Добрушина // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – 1 (15). – С. 26–39.

4. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 601 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
6. Добрушина, Е. Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией, или Двести лет вместе с ихней [Текст] / Е. Р. Добрушина // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 2 (26). – С. 181–204.
7. Добрушина, Е. Р. Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики [Текст] / Е. Р. Добрушина, С. К. Пожарицкая // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). – 2017. – № 16. – С. 373–386.
8. Замятина, И. В. К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке: границы грамматической категории [Текст] / И. В. Замятина, Г. Ю. Сызранова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. – М.: МГОУ, 2014. – С. 82–86.
9. Зарецкая, Н. Н. Грамматические девиации в прозе А. И. Солженицына (лингвокультурологический анализ) [Текст] / Н. Н. Зарецкая : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Русский язык. – Ростов н/Д, 2001. – 158 с.
10. Леман, Ф. Лексическое значение и грамматические функции имени прилагательного [Текст] / Ф. Леман // Слово в тексте и словаре: сб. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 153–162.
11. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Текст] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.
12. Прокопович, Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка [Текст] / Н. Н. Прокопович. – М.: Высшая школа, 1974. – 350 с.

13. Русская грамматика: В 2 т. Том 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru> (Дата обращения: 22.09.2017)
14. Сай, С. С. Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс] / С. С. Сай. – Режим доступа: <http://rusgram.ru/Причастие> (Дата обращения: 10.01.2018).
15. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В. З. Санников. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 552 с.
16. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи [Текст] / С. Н. Цейтлин. – М.: Владос, 2000. – 238 с.

***ОЖИДАЕМЕЕ, ЛЮБИМЕЕ AND БОЛЕЕ РАСТУЩИЙ: LAWS OF
FORMATION AND USE OF COMPARATIVES FORMED FROM
PARTICIPLES***

Borzenko E. O.

Summary. Synthetic and analytical forms of comparative degree formed from participles and adjectives with the suffix of participles and having different degree of occasionality are considered in this article. In some cases, such comparatives are the facts of the language game (сделаннее, купленнее), while in others they look quite natural (более значимый, менее желанный). The statistics of the use of these forms are given, their semantic features and syntactic functions are analyzed.

Keywords: comparative, participle, semantics of comparative degree, adjectivation, the scale of the intensity, occasionalism.

References

1. Borzenko E. O. Oni i eshche Onee: Semantika Sravnitel'nykh Form, Obrazovannykh ot Mestoimennii, v Russkom Yazyke XXI Veka [Oni i eshche Onee: Semantics of Pronoun-Derived Comparatives in the Russian Language of the 21st Century]. Vestnik PSTGU. Filologiya, 2016, no. 3 (48), pp. 45–60.
2. Borzenko E. O. Semanticheskie i Pragmaticheskie Razlichiya mezhdu Odnokorennyimi Otsubstantivnymi i Otadektivnymi Komparativami v Sovremennoi

- Russkoi Rechi [Semantic and Pragmatic Differences between Denominal and Deadjectival Comparatives in the Contemporary Russian Speech]. Vestnik PSTGU. Filologiya, 2015, no. 3 (43), pp. 32–47.
3. Borzenko E. O., Dobrushina, E. R. Intensifikatory Semantiki Predikatov: Okkazional'nye Formy Sravnitel'noi Stepeni ot Glagola v Sovremennom Russkom Uzuse (Lyublyu Lyublee) [Intensifiers of the Semantics the Predicates: Occasional Formations of Forms of the Comparative Degree Derived from Verbs in the Modern Russian Usage (Люблю Любле)]. Vestnik RUDN. Russkii i Inostrannye Yazyki i Metodika ikh Prepodavaniya, 2017, no. 1 (15), pp. 26–39.
 4. Vinogradov V. V. Russkii Yazyk. Grammaticheskoe Uchenie o Slove [Russian Language. Grammatical Teaching about the Word]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1972. 601 p.
 5. Dobrushina E.R. Mezhdru Normoi-Intuitsiei i Normoi-Kodifikatsiei ili Dvesti Let Vmeste s Ikhonii [Between the Norm-Intuition and the Norm-Codification or Two Hundred Years Together with Ихний]. Russkii Yazyk v Nauchnom Osveshchenii, 2013, no. 2 (26), pp. 181–204.
 6. Dobrushina E. R., Pozharitskaya S. K. Orfoepicheskii Vzglyad na Nekotorye Variantnye Yavleniya Russkogo Literaturnogo Yazyka v Epokhu Korpusnoi Lingvistiki [Orthoepic View on Some Variant Phenomena of the Russian Literary Language in the Era of Corpus Linguistics]. Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Based on the Materials of the Annual International Conference "Dialogue" (Moscow, May 31 – June 3, 2017), 2017, no. 16, pp. 373–386.
 7. Zamyatina I.V., Syzranova G. Yu. K Voprosu o Stepenyakh Sravneniya v Sovremennom Russkom Yazyke: Granitsy Grammaticheskoi Kategorii [The Question of the Degrees of Comparison in the Modern Russian Language: The Boundaries of Grammatical Categories]. Ratsional'noe i Emotsional'noe v Russkom Yazyke: Collection of Works of the International Scientific Conference Devoted to the 200th Anniversary from the Birthday of M. Y. Lermontov. Moscow: MGOU Publ., 2014 82–86 pp.

8. Zaretskaya N.N. Grammaticheskie Deviatsii v Proze A.I. Solzhenitsyna (Lingvokul'turologicheskii Analiz): Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Grammatical Deviations in the Prose by A. I. Solzhenitsyn (Linguistic and Culturological Analysis). Abstract of Thesis]. Rostov-na-Donu. 2001.
9. Leman F. Leksicheskoe Znachenie i Grammaticheskie Funktsii Imeni Prilagatel'nogo [Lexical Meaning and Grammatical Functions of an Adjective]. Slovo v Tekste i Slovare: Collection to the 70th Anniversary of Academic Y. D. Apresyan. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 153–162 pp.
10. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Chastotnyi Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka (na Materialakh Natsional'nogo Korpusa Russkogo Yazyka) [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2009. 1112 p.
11. Prokopovich N. N. Voprosy Sintaksisa Russkogo Yazyka [Questions of Syntax of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1974. 350 p.
12. Sai S. S. Prichastie [Participle]. Materialy dlya Proekta Korpusnogo Opisanija Russkoi Grammatiki, 2011. Available at: <http://rusgram.ru>. (accessed 10 January 2018).
13. Sannikov V. Z. Russkii Yazyk v Zerkale Yazykovoi Igry [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 552 p.
14. Shvedova N. Yu. Grammatika Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka [Grammar of Modern Russian Literary Language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 767 p.
15. Shvedova N. Yu. Russkaya Grammatika: In 2 Vol. Vol. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian Grammar: In 2 Volumes. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 789 p. Available at: <http://rusgram.narod.ru>. (accessed 22 September 2017).
16. Tseitlin S. N. Yazyk i Rebenok: Lingvistika Detskoi Rechi [Language and Child: Linguistics of Children's Speech]. Moscow: Vlados Publ., 2000. 238 p.

УДК 811.161.1

СФЕРА ЛИЧНОГО В НОВОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМЫ «ВЫЗОВ» В ОТРАЖЕНИИ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Шакин П. В.

Уральский государственный архитектурно-художественный университет,
Екатеринбург, Россия
E-mail: shakinpv@gmail.com

В статье анализируется употребление в современном публицистическом дискурсе слова «вызов» в новом значении, которое сформировалось под влиянием английской лексики «challenge». Цель работы – определить, в каком объеме новое значение реализуется в современном русском языке. Корпусный анализ полной и частичной реализации нового значения в СМИ исследует степень актуализации семантических дифференциальных компонентов *позитивной коннотации, личного ресурса и новизны* в типовых контекстах употребления лексики – в области спорта, бизнеса, политики, творческого развития. В целях сопоставления реализации нового значения в общественной сфере и в сфере личного проведен анализ частотности употребления устойчивого выражения «угрозы и вызовы/вызовы и угрозы», типичного для политической риторики и лишённого позитивной коннотации, со словосочетанием «вызов для меня/него/нее». Результаты анализа демонстрируют, что новое значение значительно реже употребляется в личной сфере, чем в общественной. Тем не менее стабильный рост частотности употребления нового значения в личной сфере может свидетельствовать о модификации современной русской ментальности, постепенном движении в сторону развития дивергентного мышления.

Ключевые слова: лексема «вызов», ментальность, дивергентный Я-менталитет, семантика, корпусный анализ, сфера личного.

ВВЕДЕНИЕ

Активное взаимодействие языка, культуры и сознания является предметом интереса лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики и носит ярко выраженный антропоцентрический характер. Междисциплинарный подход обращен к изучению языкового выражения специфически различных исторически и этнически обусловленных реалий, см. работы: Н. Д. Арутюнова [2], А. Вежбица [3], Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [4], В. И. Карасик [7, 8], Ю. Н. Караулов [9], В. В. Колесов [10], И. Г. Ольшанский [12], З. К. Тарланов [13], В. Н. Телия [14] и др. При этом современная лингвокультурология широко оперирует понятием ментальности, под которой В. В. Колесов понимает «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе

познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [10, с. 81].

В. И. Тюпа, классифицируя типы ментальностей различных этносов, выделяет следующие виды: 1) ролевой мы-менталитет (статусно-ролевое, анонимное сознание); 2) ролевой он-менталитет (нормативно-ролевое, авторитарное сознание); 3) дивергентный я-менталитет (автономное, радикально-индивидуализированное сознание); 4) конвергентный Ты-менталитет (радикально диалогизированное сознание) [15, с. 21–25].

Первые два типа сознания соотносятся с традиционной русской «соборностью», фатализмом, со «сверхличной системой ценностей, в рамках которой “незаменимых нет”», третий тип сознания вполне правомерно идентифицировать с англо-американским индивидуализмом, который «исходит из абсолютной и безотносительной ценности “я”» [Там же, с. 25]. Соборность русского сообщества, унаследованная коллективным сознанием советского человека, всегда противопоставлялась индивидуализму западного мира.

Являясь многомерным и сложным феноменом, ментальность не может представляться статичной. Отражая социальные и культурные изменения в обществе, она видоизменяется, что выражается в языке, особенно на лексическом уровне. Более того, изменения ментального характера часто становятся результатом взаимодействия различных лингвокультур. Усиление процесса заимствования иноязычных слов в русском языке продиктовано бурными социальными, политическими и культурными переменами, происходящими в постсоветском обществе, и находит свое отражение в изменении национального характера, противоречивых попытках самоидентификации российского общества, столкновении старого и нового. Настоящая работа обращена к сопоставлению русской и англо-американской ментальности на примере расширения значения лексемы *вызов* под влиянием англо-американской лексемы *challenge*.

Как отмечает В. И. Карасик, психология успеха англо-американской лингвокультуры во многом строится на личных усилиях индивида, в то время как

в русской лингвокультуре достижение успеха во многом связывается с «везением и способностями человека» [7, с. 169].

Различия в русской и англо-американской ментальности показательно характеризует актер А. В. Серебряков в интервью журналисту и блогеру Ю. Дудь: *Американец берет и делает. Потому, что там психология другая, психология успеха, психология карьеры, психология того, что я имею право, у меня есть свободы. Я свободен в своем волеизъявлении. Я знаю, что я делаю. Я ответственен за свою жизнь. Вот психология американца* [17].

После распада Советского Союза нельзя отрицать влияние англо-американской культуры на русскую ментальность, которое может реализоваться в виде импорта концептов, репрезентирующих ценности другой культуры. Зачастую манифестация западных образцов приобретает форму калькирования, когда «под давлением иностранного образца» в семантической структуре лексемы языка-реципиента появляется новое значение [11, с. 24]. Так, под влиянием англоязычной лексемы *challenge*, которую В. И. Карасик относит к числу этноспецифичных концептов [8, с. 51], русскоязычная лексема *вызов* приобретает новое значение, зафиксированное в «Активном словаре русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна: «Трудная проблема А1, возникшая перед лицом А2, которая требует от А2 смелости и больших усилий для своего решения», [1, с. 420]. Например:

Нападающий Артем Дзюба прокомментировал переход из «Зенита» в тульский «Арсенал»: Эмоции потрясающие. Для меня это вызов, я уже в предвкушении. Есть над чем работать, есть что самому себе доказывать. Хочу, чтобы команда поднималась постоянно в таблице (Советский спорт, 01.02.2018).

В контексте новое значение лексемы подчеркивается употреблением личного местоимения в разных падежных и предложно-падежных формах *я*, *для меня*, возвратного местоимения *себе*. Очевидно, что для говорящего *вызов* характеризуется позитивными коннотациями личных достижений, успеха, профессиональной самореализации (*я уже в предвкушении, есть над чем работать, есть что доказывать*).

Анализируя специфику концепта *challenge*, В. И. Карасик связывает его с концептами *смелость*, *усилие*, *испытание*, *успех*, проводя ассоциативные линии *вызов* – *опасность* – *смелость*; *вызов* – *трудность* – *усилие*; *вызов* – *интерес* – *приключение*, *испытание*; *вызов* – *цель* – *успех* [8, с. 44–45], что отражает базовые ценности англо-американской культуры.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Цель работы – осуществить корпусный анализ употребления лексемы «вызов» в его новом значении, детерминированным *Я-менталитетом*, количественно сравнив с контекстным употреблением нового значения, где деятель репрезентируется *мы-менталитетом*, а личностные позитивные коннотации отсутствуют, например:

Происходящие сегодня в системе высшего образования изменения ставят перед вузами кардинально новые вызовы (Известия, 20.03.2017).

Деятель в данном контексте выражен метонимическим употреблением существительного *вузы*, которое означает совокупность должностных лиц, руководителей высших учебных заведений и, соответственно, репрезентирует коллективный *мы-менталитет*.

Эмпирической базой исследования явилась база данных Интегрум (Integrum.ru), которая включает 3578 источников СМИ. Модификаторы поисковых запросов и контекстные ограничители позволяют настроить детальный поиск необходимой информации. Временные рамки анализа ограничены периодом с 1995 по 2017 гг.

В современном русском языке лексема *вызов* является многозначной. Формирование нового значения лексемы произошло на базе сходства семных структур лексем *вызов* и *challenge*. Основное значение слова *вызов*: действие по глаг. *вызвать* – *вызывать*. *Вызывать* – «1. а) Словами знаками и т. п. просить, побуждать выйти, показаться; б) Предлагать явиться, прибыть куда-л.; приглашать» [5, с. 253]. Данное значение реализует каузативную ситуацию, которая может быть представлена следующей структурой:

КЛС (категориально-лексическая сема) *речевая иницированность/каузация*

ДС (дифференциальная сема) *субъект действия/одушевленный каузатор*

ДС объект действия/*одушевленный каузируемый*

ДС цель побуждения – *прибытие по вызову*.

Лексико-семантическим вариантом, который объединяет лексему *challenge* с русским *вызов*, является следующее вторичное значение: «An invitation to someone to compete or fight, especially in sport (приглашение участвовать в соревновании или борьбе, особенно в спорте)» [16]. Представим семную структуру данного значения:

КЛС – *речевая иницированность/каузация*

ДС субъект действия/*неодушевленный или одушевленный каузатор*

ДС объект действия/*одушевленный каулируемый*

ДС цель побуждения – *участие в соревновании или борьбе*.

У лексемы *challenge*, кроме общего лексико-семантического варианта, в семантической структуре есть значение, которое выдвигает на передний план набор личностных качеств, необходимых для решения задачи, причем характер достижения цели несет в себе позитивный эмоциональный отпечаток свободного волеизъявления. Деятель решает задачу в своих личных целях, руководствуясь ориентацией на успех:

«1. Something that needs a lot of skill, energy, and determination to deal with or achieve, especially something you have never done before and will enjoy doing» (нечто, что требует для достижения успешного результата большого количества умений, энергии, решимости, особенно то, что выполняется впервые и с удовольствием. (Перевод наш. – П. Ш.) [16]. В приведенной дефиниции фиксируется специфический характер каузативной ситуации. В семной структуре представлены уникальные дифференциальные семы, отсутствующие в других значениях лексемы:

КЛС – *иницированность/каузация*

ДС субъект действия/*неодушевленный каузатор*

ДС объект действия/*одушевленный каулируемый*

ДС цель побуждения – *достижение результата*

ДС **личностного ресурса** – *реализация умений, энергии, решимости объекта*

ДС **новизны** – *действие выполняется впервые*

ДС **позитивной коннотации** – *выполняется с удовольствием.*

В роли каузатора в структуре лексемы *вызов*, как правило, фигурирует одушевленный субъект. Лексема *challenge* предполагает в качестве каузатора как одушевленный, так и неодушевленный субъект, что ведет к формированию в семантической структуре русского слова нового лексико-сематического варианта, в котором:

1. Изменяется тип каузатора, им становится неодушевленный субъект;
2. Целью побуждения действия становится проверка способностей, достижение успешного результата;
3. Семная структура нового значения дополнена уникальными дифференциальными семами позитивной коннотации, личностного ресурса и новизны.

Рассмотрим реализацию нового значения лексемы *вызов*.

Чаще всего новое значение лексемы *вызов* в современном русском языке реализуется не полностью. Оно употребляется вне сферы личного, в качестве деятеля выступает группа собирательных или абстрактных существительных (организация, государство и др.), что особенно характерно для политического дискурса. Например:

*Миграция – большая **проблема** и огромный **вызов** и для Венгрии, и для Евросоюза* (Известия, 21.02.2018).

В данном контексте отсутствуют маркеры личного. В качестве деятеля выступают организации – правительство Венгрии и Евросоюз, которые репрезентируют *мы-менталитет* политических субъектов, представляющих собой общности граждан, наделенных правами и обязанностями. Соответственно, при обезличенном субъекте реализация семантических компонентов позитивной коннотации не представляется возможной. Подчеркивается сложность ситуации *вызова*, что в большей степени

свидетельствует об актуализации негативных коннотаций. *Проблема* – сложный вопрос, требующий изучения, разрешения [6, с. 337]. Потенциальная нерешенность проблемы несет угрожающий характер. Реализуются ассоциативные линии *вызов – опасность, вызов – трудность – усилие*. Новое значение раскрыто не полностью.

Прогнозируя развитие экономики и общества на ближайшие 10–20 лет, мы видим серьезные экономические и технологические вызовы для системы здравоохранения (Независимая газета, 22.02.2018).

Аналогичным образом обезличенным субъектом является правительство, которое сталкивается с *серьезными вызовами*. *Серьезный* – «4. перен. Заслуживающий особого внимания к себе в силу своей важности, значительности или сложности. // Чреватый важными или грозными последствиями; опасный. // Большой, существенный» [6, с. 590]. В контексте прослеживаются явные негативные коннотации. Реализуются ассоциативные линии *вызов – опасность, вызов – трудность – усилие*.

В условиях усиления конфронтационного потенциала, обострения борьбы не столько за территории и ресурсы, сколько за умы, в ситуации роста глобальных вызовов и угроз, когда на карту поставлено само выживание целых стран и народов, значение образования возрастает в разы (Известия, 27.04.2017).

В данном контексте в роли субъекта выступает правительство страны, представляющее интересы своих граждан, чье совокупное гражданское сознание репрезентирует *мы-менталитет*. Актуализируются негативные коннотации. *Угроза* – «2. Возможность, опасность возникновения чего-л. неприятного, тяжелого [6, с. 837]. Подчеркивается значимость опасности: *на карту поставлено само выживание целых стран и народов*.

В то же время СМИ фиксируют полную реализацию нового значения лексемы:

Я родился свободным человеком. Жизненные сложности для меня были скорее вызовом, чем препятствием. В Америке я не только мечтал, но и реализовал мечту (Коммерсантъ Домовой, 04.02.1996).

В данном контексте новое значение манифестируется в сфере личного: маркерами личного является местоимение *я* в разных грамматических формах (*я, для меня*). *Сложности* не противопоставляются *вызову*, а включаются в ситуацию решения проблемы; *не только мечтал, но и реализовал мечту* – актуализируются семантические компоненты *позитивной коннотации* и *целевой ориентации на успех*. *Мечтать* – это «1. б) думать об осуществлении чего-л. желаемого, стремиться в мечтах к чему-л. 2) б) иметь намерение, сильное желание» [5, с. 864]. *Реализовать* – «1. претворять в жизнь, осуществлять» [6, с. 487]. Таким образом в данном контексте выявляются ассоциативные линии *вызов – трудность – усилие, вызов – цель – успех*, что свидетельствует о полной актуализации новой семантики лексемы *вызов*.

И в этом смысле Москва для меня трудный и привлекательный вызов: узнать русскую культуру, язык, которого я пока, к сожалению, не знаю, понять жизнь России, вновь перечитать классиков русской литературы – все это очень интересно, это интеллектуальный вызов, с которым я хочу справиться (Московские новости, 06.07.1995).

Здесь также актуализируются семантические компоненты *позитивной коннотации* и *целевой ориентации на успех* – ***привлекательный, очень интересно, хочу справиться***, что характерно для нового значения в сфере личного вызова. Маркер личного выражен местоимением *я* в предложно-падежной форме *для меня*. *Привлекательный* в данном контексте – «2) вызывающий интерес, заинтересованность; заманчивый, увлекательный» [6, с. 294]. Данное прилагательное манифестирует семантические компоненты *позитивной коннотации*. *Трудный* – «1) требующий больших усилий, большого труда; 3) требующий большого умственного напряжения, больших усилий» [6, с. 810]. Оба значения прилагательного реализуются в данном контексте: подчеркивается сложность выполнения задачи, актуализируются ассоциативные линии *вызов – трудность – усилие, вызов – цель – успех*.

Новое значение лексемы *вызов* предполагает готовность к решению *сложной задачи* или *проблемы*, которая требует от субъекта психических и физических

усилий, проверяет способности, ведет к достижению успешного результата. Индивид реализует свой личностный потенциал в следующих сферах деятельности: спорт (как правило, профессиональный), бизнес, политика, творчество, самосовершенствование. Контекстно покажем реализацию усилий индивида в указанных сферах.

Спорт:

Он сказал, что в Москве меня ждет отличный прием, причем не только в самом коллективе, но и от болельщиков. Это самый популярный клуб в России, и для меня это вызов (Советский спорт, 08.08.2017).

Маркер личного представлен предложно-падежной формой личного местоимения *для меня*. Включение героя в новую команду предполагает испытание спортивно-профессиональных качеств, возможность раскрыть свой потенциал. См. также:

– А то, что играть придется в первой лиге?

– Осознавал это. Сказал себе, что для меня это вызов. Никогда не боялся трудностей, поэтому принял предложение, подписал контракт на два года, и надеюсь оправдать возложенные на меня надежды руководства и болельщиков команды (Советский спорт, 28.06.2017);

Как будет трансферное окно, там посмотрим. Но если заглядывать в будущее, любая команда, которая выше рангом, для меня будет большим вызовом. И если я хочу расти как футболист, естественно, я перейду в команду, которая будет играть в еврокубках, будет бороться в первой пятерке (Советский спорт, 07.09.2017).

Бизнес:

Когда мне поступило предложение от MR Group стать управляющим партнером и создать территорию, отвечающую всем требованиям иностранного инвестора, я не смогла отказаться. Для меня это был колоссальный вызов в профессиональном и в личностном плане (Подмосковье, 02.11.2017).

Сфера личного выражена как типичной конструкцией *для меня вызов*, так и прилагательным *личный*. Сложность задачи характеризуется прилагательным *колоссальный*, а прилагательное *профессиональный* конкретизирует область реализации качеств субъекта. См. также:

«Дилетант» начинался, как и «Эхо», как игрушка, а оказалось, из него можно делать бизнес. Бумажный журнал для меня был вызовом. Когда мы его затеяли, я думал, что сайт принесет мне деньги, а бумага будет вишенкой на сайте (Новая газета, 02.08.2017);

Когда мне предложили работу в «Лемминкяйнен», я размышлял несколько месяцев. Дело в том, что последние 20 лет я был заказчиком строительных работ. А здесь я подрядчик. Переход с одной стороны баррикады на другую стал для меня настоящим вызовом (Деловой Петербург, 23.11.2017).

Политика:

Считаю, у меня задача двойная. С одной стороны, назначение на должность врио губернатора для меня вызов профессиональный. А с другой – это высокое доверие, которое оказано публичному политику (Орловская правда, 11.10.2017).

Субъект комментирует вступление в новую должность, подчеркивая сложность реализации собственного потенциала в *профессиональной* сфере – *двойная задача*.

См. также:

Для меня огромная честь приехать к вам в регион в качестве губернатора, <...> Поэтому я искренне говорю, что Нижний для меня – особый регион, особый вызов, большая честь (Городской курьер (Саров), 09.10.2017);

Нижегородская область – один из передовиков в решении вопроса обманутых дольщиков, многое достраивается за счет бюджета. Но по большим объектам тема до конца не закрыта. И, пожалуй, это один из главных для меня вызовов. Будем думать, как с этим справляться (Отраслевой журнал «Вестник», 15.12.2017).

Творчество:

Сегодня мир знает Олега Брыжака как одного из самых лучших исполнителей сложнейшей музыки Вагнера. Как говорил певец, «для меня это вызов и наслаждение» (Санкт-Петербургские ведомости, 13.03.2015).

Творчество как форма выражения креативного начала личности (*для меня вызов*) тесно связана с актуализацией позитивных коннотаций в случае достижения успешного результата, преодоления сложностей, получения удовольствия от самого процесса – *наслаждение*. См., например:

Я же считаю, что в мюзикле должны участвовать только профессионалы. Но так как меня назначили, это стало для меня по-актерски вызовом самому себе (Честное слово, 09.03.2017);

– *Для меня это был большой актерский вызов – сыграть реального исторического персонажа, святого человека, который оказался во главе страны в такое сложное и трагическое время, – признается Эйдингер* (Вечерняя Москва, 14.06.2017).

Личностное развитие:

Тутта Ларсен: С одной стороны, участие в подобном проекте для меня вызов, причем как профессиональный, так и материнский (Московская правда, 29.09.2016).

В данном контексте, помимо проявления *профессиональных* навыков и умений, субъект расценивает участие в проекте как возможность для раскрытия личностных качеств, необходимых для реализации социальной роли в области межличностных отношений, – *материнский вызов*. См. также:

Если бы хотела большую зарплату, нашла бы другую работу. Служу, потому что это интересно, у меня много друзей на борту, и для меня это своего рода вызов (Вестник Балтийска, 12.10.2006);

Конкурс «Учитель года» стал для меня вызовом самой себе, – говорит она. – Хотела узнать, на что способна. И рада тому, чего достигла (Тюменский курьер, 07.03.2017).

Заимствование ценностей англо-американской культуры – ориентация на личный успех, готовность к самосовершенствованию – сложный процесс, который постепенно ведет к изменению типа ментальности. Традиционные установки *мы-ментальности* вступают в противоречие с новыми культурными доминантами *я-ментальности*.

В целях сопоставления динамики реализации нового значения в общественной сфере и в сфере личного, противопоставление *я-ментальности* *мы-ментальности*, мы провели анализ частотности употребления устойчивого выражения *угрозы и вызовы/вызовы и угрозы*, типичного для политической риторики и лишённого позитивной коннотации, со словосочетанием **вызов** для *меня/него/нее вызов*, характерного для актуализации нового значения в личностной сфере, за период с 01.01.1995 по 31.12.2017. Приведенная диаграмма отражает количественные результаты.

ВЫВОДЫ

Данные сопоставительного анализа демонстрируют, что употребление нового лексико-семантического варианта лексемы *вызов* в полном объеме семной структуры менее характерно для русского языка, чем реализация значения в усеченном варианте, что говорит о неполной освоенности нового концепта, отражающего культурные доминанты англо-американской культуры. Тем не менее медленный, но стабильный рост частотности употребления нового значения лексемы в сфере

личного свидетельствует о вхождении нового лексико-сематического варианта в русскую языковую картину мира, о развитии дивергентного типа сознания, отражающего сдвиги в мировоззрении носителя языка. Большое значение для современного россиянина приобретает ориентация на успех, конкурентоспособность, стремление самостоятельно решать проблемы, при этом он видит в них возможность для реализации личностного и профессионального потенциала. Тем не менее при устойчивом характере русской ментальности противоречия между типами ролевого и дивергентного сознания сохраняют свою значимость и в долгосрочной перспективе могли бы быть нивелированы синтезом конвергентного *ты-менталитета*, который видит идеал не в радикальном индивидуализме или обезличенном тоталитаризме, а в равноправном диалоге между личностью и обществом, гражданином и государством, формируя сбалансированную систему координат морально-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Активный словарь русского языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014, Т.2. – 736 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человечества [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Вежицка А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежицка. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Верещагин Е. М. Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1209 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т.2. – 1088 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг. Личность. Концепты. Дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

8. Карасик В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 406 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
10. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова [Текст] / В. В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
11. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
12. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы [Текст] / И. Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX века. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.
13. Тарланов З. К. Этнический язык и этническое видение мира [Текст] / З. К. Тарланов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1995. – С. 421–430.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
15. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике [Текст] / В. И. Тюпа. – М.: Юрайт, 2018 – 274 с.
16. Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com> (Дата обращения: 12.02.2018).
17. YouTube [Электронный ресурс]: видеохостинг. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CNJL4GsSrc> (Дата обращения: 26.02.2018).

PERSONAL SPHERE IN A NEW MEANING OF LEXICAL UNIT *ВЫЗОВ* AS REFLECTED BY CORPUS-BASED DATA

Shakin P. V.

Summary. The article researches the usage of lexical unit *вызов* in contemporary media discourse in a new meaning, which has been formed under influence of English lexical unit *challenge*. The aim of the study is to investigate the realization extent of the new meaning in contemporary Russian language. Corpus-based analysis of complete and partial realization of the new meaning in contemporary Russian media researches the actualization degree of differential semantic components of positive connotation, personal resource and

newness in typical contexts of lexical unit usage: in spheres of sport, business, politics, and creative development. In order to compare new meaning realization in personal and public spheres, the analysis of occurrence of phrases «угрозы и вызовы / вызовы и угрозы and вызов для меня / него / нее вызов that are typical for politic discourse and lack positive connotation, has been carried out. The results of the analysis display, that the new meaning is much more frequently used in public sphere than in personal one. Nevertheless, a steady increase of new meaning usage in personal sphere can demonstrate new trends in modification of contemporary Russian mentality and development of divergent thinking.

Keywords: lexical unit *вызов*, mentality, divergent mentality, semantics, corpus-based analysis, personal sphere.

References

1. Apresyan Y. D. Aktivnyi Slovar Russkogo Yazyka [Active Dictionary of Russian Language]. Yazyki Slavyanskoi Kultury, Vol.2, 2014, Moscow. 736 p.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i Mir Chelovechestva [Language and Human World]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1999. 896 p.
3. Vezhbitska A. Yazyk. Kultura. Poznanie [Language. Culture. Perception]. Moscow: Russkie Slovarei Publ., 1996. 416 p.
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i Kultura [Language and Culture]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 1038 p.
5. Efremova, T. F. Novyi Slovar Russkogo Yazyka. Tolkovo-Slovoobrazovatelnyi. [New Russian Language Dictionary. Explanatory and Word-Building]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 2000, Vol.1. 1209 p.
6. Efremova, T. F. Novyi Slovar Russkogo Yazyka. Tolkovo-Slovoobrazovatelnyi. [New Russian Language Dictionary. Explanatory and Word-Building]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 2000, Vol.2. 1088 p.
7. Karasik V. I. Yazykovoi Krug. Lichnost. Kontsepty. Diskurs [Language Circle. Personality. Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 477 p.
8. Karasik V. I. Yazykovye Klyuchi [Language Keys]. Volgograd: Paradigma Publ., 2007. 406 p.
9. Karaulov Yu. N. Russkii Yazyk i Yazykovaya Lichnost [Russian Language and Language Personality]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 262 p.
10. Kolesov V. V. Zhizn Proiskhodit ot Slova / [Life Starts from a Word]. Saint Petersburg: Zlatoust Publ., 1999. 368p.

11. Krysin, L. P (2004). *Russkoe Slovo, Svoe i Chuzhoe: Issledovaniya po Sovremennomu Russkomu Yazyku i Sotsiolingvistike* [A Russian Word, Domestic and Foreign: Contemporary Russian Language and Sociolinguistics Research]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2004. 888 p.
12. Olshanskii I. G. *Lingvokulturologiya v Kontse XX v.: Itogi, Tendentsii, Perspektivy* [Cultural Linguistics at the End of the 20th Century: Results. Trends. Prospects]. *Lingvisticheskie Issledovaniya v Kontse XX Veka*. Moscow: INION RAN Publ., 2000. pp. 26–55.
13. Tarlanov Z. K. *Etnicheskii Yazyk i Etnicheskoe Videnie Mira* [Ethnic Language and Ethnic World Projection]. *Jazyk i Etnicheskii Mentalitet*. Petrozavodsk: Izdatelstvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1995. Pp. 421–430.
14. Teliya V. N. *Russkaya Frazheologiya. Semanticheskii, Pragmaticheskii i Lingvokulturologicheskii Aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1996. 288 p.
15. Tyupa V. I. *Diskursnye Formatsii: Ocherki po Komparativnoi Ritorike* [Discourse Formations: Essays about Comparative Rhetoric]. Moscow: Yurait Publ., 2018. 274 p.
16. Macmillan English Dictionary Online. Available at: <http://www.macmillandictionary.com>. (accessed 12 February 2018).
17. YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=CNJL4GsSrc>. (accessed 26 February 2018).

УДК 81'373

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ
И МЕНЕДЖМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Шиманович А. Н., Исупова Т. В.

**Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: panther1401@yandex.ru, isupovatanysya2016@gmail.com**

В данной статье рассматриваются неологизмы английского языка, входящие в семантическое поле «экономика и менеджмент». Выделены основные семантические группы, наиболее ярко отражающие актуальные направления развития мирового экономического пространства.

Ключевые слова: неологизм, семантическая группа, экономика, менеджмент, лексическая система.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из проблем современных лингвистических исследований является определение изменений, которые претерпевает язык в процессе функционирования (В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Ю. А. Зацный, А. Э. Левицкий, М. М. Полюжин). Важным направлением в изучении развития современного английского языка является анализ лексических изменений, в частности с позиций функционального, прагматического (В. И. Заботкина, Ю. А. Зацный, А. Э. Левицкий), когнитивного и коммуникативного подходов (Т. А. ван Дейк, Е. Траугот).

Новые слова постоянно возникают и пополняют лексический состав любого языка. Появление номинаций обусловлено динамическим процессом развития общества и восприятия им окружающей среды. Неологизмы – новообразования, главной чертой которых является новизна формы и содержания, отвечающая потребностям налаживания межнациональных отношений в различных отраслях лингвистики.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью рассмотрения семантических особенностей экономических

неологизмов, возникших в результате процесса пополнения словарного состава современного английского языка.

Научная новизна работы заключается в углублении положений теории номинации и расширении положения теории языковых картин мира.

Целью работы является выявление семантических особенностей инновационных экономических номинаций в английском языке на современном этапе его развития.

Материалом исследования послужили 154 неологизма, отобранных методом выборки из экономических словарей современного английского языка (Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика; A Dictionary of Business and Management; A Dictionary of Economics; A Dictionary of Finance and Banking).

Методы исследования включают метод компонентного анализа, метод выборки, метод количественных подсчетов, а также лексикографический анализ словарных дефиниций.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Глобальный экономический процесс становится пусковым механизмом для создания неологизмов, отражающих актуальные направления в модернизации современного лексического состава языка. Новая лексика, которая соотносится с экономической жизнью, представляет собой крупную социофункциональную группу инноваций последнего десятилетия. Неологизмы экономической сферы отражают изменения, связанные с распространением и реализацией новых экономических теорий, с усовершенствованием управления экономикой, постоянными реформами, а также с повсеместным внедрением современной информационной техники.

Вокруг понятий, которые соотносятся с этими процессами и явлениями, можно отметить наибольшую концентрацию новой лексики.

В ходе исследования все отобранные для анализа неологизмы экономической сферы были распределены по семантическим группам. По мнению И. М. Кобозевой, «...семантическое поле определяется как совокупность

языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 99]. Элементом семантического поля являются семантические группы, которые описывают и расширяют смысловые особенности понятийных полей, связанных с одним и тем же фрагментом действительности [3, с. 96].

Первой и наиболее распространенной является семантическая группа с общим смысловым компонентом *trade* – «торговля», которая насчитывает 48 номинаций (31,1 % от общего количества выделенных неологизмов), например: *broker-dealer* – a firm that handles transactions for its customers and also purchases securities for its own account, selling them to customers; *low-ticking* – to sell at the bid price, *counter-purchase* – the act of buying goods as part of a countertrade agreement [5]. Преобладание данной группы обусловлено растущей потребностью во взаимодействии государств на мировом рынке, что требует появления новых номинаций, отражающих экономические процессы между продавцами и потребителями.

Во второй семантической группе были объединены неологизмы со значением *electronic commerce* – «электронная торговля». Данная группа представлена 36 неологизмами, что составляет 23,2 % от общего количества лексических единиц, отобранных нами для анализа. Стремительное развитие технологий в XXI веке и необходимость удовлетворять растущий спрос потребителей обусловили создание лексических инноваций в экономической сфере деятельности. Примерами таких инноваций в словарном составе современного английского языка являются: *e-cash* – electronic financial transactions conducted in cyberspace via computer networks»; *internet banking* – a method of banking in which transactions are conducted electronically via the Internet»; *e-business* – a company that does all or most of its transactions through the Internet» [5; 6].

Следует отметить, что объединяющим элементом для выявленной семантической группы является проведение торговых операций через сеть Интернет. Таким образом, мы можем говорить о наличии интегральной семы «internet» в рассмотренных неологизмах.

Третья семантическая группа объединена общим смысловым компонентом *market* – «рынок» и насчитывает 32 лексические единицы исследуемой сферы, что составляет 20,6 %, например: *techMARK* – an international market for technology companies that is part of the London Stock Exchange; *marking-to-market* – the action of valuing assets based on the price currently or most recently paid on the market» [7]. Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что рыночные отношения напрямую зависят от денежных операций и, следовательно, мы можем говорить о наличии дифференциальной семы **money** – «деньги». Так, в 2011 году в журнале *Forbs* появилась номинация *crypto currency* – «криптовалюта», которая калькой была заимствована и в русский язык. Криптовалютой является разновидность электронного платежного средства. Свое название данная номинация получила из-за того, что при обращении цифровых денег используется электронная подпись, т. е. определенный элемент криптографии. Данная валюта существует только в цифровом виде. Возникновение и использование цифровых денег обусловлено повсеместным распространением информационных технологий. На настоящем этапе развития технологий возникает потребность в использовании универсальных платежных средств, которыми можно рассчитываться в электронном пространстве. Кроме того, виртуальные деньги невозможно подделать. Хотя первые виртуальные деньги появились всего 10 лет назад, в настоящее время существует достаточно много их разновидностей. Наиболее распространенными видами криптовалют являются *bitcoin*, *litecoin*, *dash*. Наиболее популярным видом цифровых денег является *bitcoin*. Эта валюта является первой цифровой валютой, на основании которой впоследствии были разработаны другие виды цифровых валют. Данный неологизм образован способом словосложения (bit + coin). По аналогии была образована номинация *litecoin* (lite + coin). Следует отметить, что формант *coin* является очень продуктивным и активно участвует в образовании новых номинаций, обозначающих разновидности криптовалюты. Таким образом, появление криптовалюты является новой тенденцией в денежном обращении, возникновение которой обусловлено потребностями времени. Развитие

современного информационного пространства обуславливает популярность цифровых денег.

Другими примерами номинаций с семой **money** являются: *at-the-money* – an option whose strike price is nearest the current price of the underlying deliverable; *cash flow* – the amount of money coming into and going out of a company's accounts [4; 6].

В четвертой семантической группе отражены экономические неологизмы с общей интегральной семой **tax** – «налог», например: *tax holiday* – a period when people or companies do not have to pay any tax; *capital gains tax* – a government fee on the profit made from selling something you own; *payroll tax* – tax charged on an employer's payroll paid to his employee [5; 7]. Таким образом, неологизмы, представляющие процесс налогообложения, занимают важное место в лексическом составе экономической терминологии английского языка, что составляет 24 (15,8 %) единицы.

Последняя группа лексических инноваций с общим смысловым компонентом **economics** – «экономика» сравнительно немногочисленна и представлена 14 номинациями (9,3 %), например: *Bushonomics*, *Dolenomics*, *Kerrynomics* etc [4]. Неологизм, являющийся телескопным образованием, *culternomics* (culture + economics), был создан для обозначения зависимости экономики от особенностей культуры определенной страны, менталитета, религии и политики. Словосочетание *crap-shoot economics* возникло для обозначения такой бизнес-модели, при которой прибыль приносят лишь отдельные товары или услуги делового предприятия, но этой прибыли достаточно для функционирования этого делового предприятия [1, с. 62]. Следует отметить, что элемент *nomics* (выделенный в результате телескопического словообразования) в значении «экономическая политика, экономический аспект» является весьма продуктивным. За последние годы с участием данного словообразовательного форманта были созданы следующие номинации: *bionomics*, *cybernomics*, *burgernomics*, *mediconomics*.

ВЫВОДЫ

Последнее десятилетие характеризуется бурными изменениями и событиями глобального масштаба в сфере экономики, которые оказали влияние на лингвокреативную деятельность человека. Английский язык, как и другие языки, не мог не отреагировать на новые события и изменения в общественной жизни только путем использования существующих языковых ресурсов. Необходимость их обогащения непрерывно побуждает к лингвокреативной деятельности. Сфера экономики и бизнеса продолжает оставаться одним из главных «поставщиков» лексических инноваций, особенно учитывая влияние на эту сферу информационной революции и необходимость фиксации новых понятий, связанных с этим влиянием.

В результате проведенного анализа нами было выявлено пять семантических групп, репрезентирующих сферу экономики и менеджмента. Представленные неологизмы данной сферы современного английского языка главным образом заключают в себе смыслы, касающиеся коммерческой деятельности, денежного оборота, рыночных отношений и экономической политики. Результаты исследования лексических инноваций сферы экономики, которая характеризуется диффузностью своих границ и широтой использования, могут быть использованы для оценки общеязыковых явлений лексического развития.

Список литературы

1. Зацний, Ю. А. Соціолінгвістичні аспекти вивчення словникового складу сучасної англійської мови [Текст] / Ю. А. Зацний, Т. О. Пахомова. – Запоріжжя, 2004. – 284 с.
2. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал, 2000. – 352 с.
3. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов [Текст] / Ю. С. Маслов. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
4. Сиполс, О. В. Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика [Текст] / О. В. Сиполс. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 712 с.

5. A Dictionary of Business and Management / Jonathan Law. – Oxford University Press, 2016. – 728 p.
6. A Dictionary of Economics / John Black, Nigar Hashimzade and Gareth Myles. – Oxford University Press, 2017. – 352 p.
7. A Dictionary of Finance and Banking / Jonathan Law, John Smullen. – Oxford University Press, 2008. – 524 p.

**SEMANTIC PECULIARITIES OF LEXICAL INNOVATIONS IN THE
SPHERE OF ECONOMICS AND MANAGEMENT IN THE MODERN
ENGLISH**

Shimanovich A. N., Isupova T. V.

**Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation**

Summary. Economy has an impact on all spheres of human life. It has led to the emergence of new lexical units, reflecting the dynamic process of language enriching. The article is devoted to the neologisms of modern English language representing the semantic field of economics and management. The selected semantic groups describe the present-day trends in the development of worldwide economic system.

Keywords: neologism, semantic group, economics, management, lexical system.

References

1. Zaczni Yu. A., Pakhomova T. O. Sotsiolingvistichni Aspekty Vyvchennya Slovnykovogo Skladu Suchasnogo Angliis'koi movy [Sociolinguistic Aspects of Studying the Vocabulary of Modern English]. Zaporozhye. 2004. 284 p.
2. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya Semantika [Linguistic Semantics]. Moscow: Editorial Publ., 2000. 352 p.
3. Maslov Yu. S. Vvedenie v Yazykoznanie [Introduction to Linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1987. 272 p.
4. Sipols O. V. Novyi Anglo-Russkii Slovar'-Spravochnik. Ekonomika [New English-Russian Dictionary. Economics]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2011. 712 p.
5. Jonathan Law. A Dictionary of Business and Management. Oxford University Press, 2016. 728 p.

6. John Black, Nigar Hashimzade and Gareth Myles. A Dictionary of Economics. Oxford University Press, 2017. 352 p.
7. Jonathan Law, John Smullen. A Dictionary of Finance and Banking. Oxford University Press, 2008. 524 p.

**СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

УДК 811.161

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ:
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ
МИРА СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА**

Богданович Г. Ю.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия**

Междисциплинарный характер лингвокультурологических исследований предполагает включение гендерного вектора для изучения наивной картины мира современного социума. Вербализация духовно-нравственных ценностей сквозь призму ассоциативного и социолингвистического эксперимента позволяет свидетельствовать о трансформационных процессах, происходящих в языковом сознании языковой личности.

Концепты, составляющие духовно-нравственные приоритеты современного человека, во многом определяются воспитанием и образованием языковой личности, формирующей в том числе приоритеты социума.

Ключевые слова: социолингвистический эксперимент, духовно-нравственные ценности, концепт, гендерный вектор, наивная картина мира, языковая личность.

ВВЕДЕНИЕ

Междисциплинарный характер лингвистических исследований формирует целый ряд векторов, которые актуализируются в зависимости от общественных отношений, принятых в социуме в определенное время. Одним из таких векторов определяется гендерная лингвистика, которая сформировалась сравнительно недавно. Стремительно развиваясь, она взаимодействует с рядом других дисциплин. Такими дисциплинами являются лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика и др. [8].

Интенсивные исследования русского языкового сознания в рамках социо- и психолингвистического направления продолжают, не обходят исследователи вниманием письменные тексты и факты устной речи. В области психолингвистических исследований наиболее ярко продолжается полемика по вопросу о примате природного или социального в исследовании взаимосвязи языка и пола. Проблемами гендерной лингвистики занимались такие исследователи, как Е. А. Земская, А. В. Кириллина, Т. Б. Крючкова, А. А. Рыжкина, Е. И. Горошко, И. Г. Овчинникова и др. Наибольшей интенсивности это направление достигло на Украине. В 1994 г. был создан Международный исследовательский центр «Человек: язык, культура, познание», выпустивший ряд сборников по гендерной проблематике. В них представлен в основном психолингвистический подход к проблеме.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В рамках лингвокультурологического направления гендерные стереотипы наиболее активно изучались в конце 90-х гг. XX – начале XXI в. Функционирование в языке, специфика отражения русским языком культурных концептов «мужественность» и «женственность» и так называемая гендерная метафора (под которой понимается перенесение всей совокупности свойств, приписываемых культурой мужественности или женственности, на предметы и явления, с полом не связанные) [2, с. 21–27; 3, с. 51–56, с. 70–73], межкультурная коммуникация, а также сопоставительные исследования на материале русского и других языков неизменно сопровождалось изучением гендерной специфики, которую находили и в грамматической составляющей национального языка.

Отечественные исследователи (А. В. Кирилина, В. Н. Телия) проблеме языка и гендера уделяют много внимания, обращают внимание, что гендерные стереотипы реализуются в асимметриях, обусловленных в большинстве своем социальными отношениями. Полученные в ряде исследований данные позволяют сделать вывод о том, что, по крайней мере, в некоторых языках андроцентризм не выражен столь отчетливо, но имеет место более яркое проявление

общечеловеческого (метагендерного) уровня, что делает необходимым создание такой модели описания человека в языке, которая позволила бы охватить как метагендерный уровень, так и уровень маскулинности или фемининности (собственно гендерный), а также исследовать их соотношение.

Попытка моделирования гендерной концептосферы, отражаемой современным русским анекдотом, представлена в исследовании Г. Г. Слышкина [9, с. 72]. Вместе с тем анализ русской фразеологии свидетельствует о том, что «для русского обыденного самосознания нехарактерно восприятие женщины как слабого пола и противопоставление ее “сильному полу”»: эти сочетания, вышедшие из книжно-романтического дискурса, не стали принадлежностью обиходно-бытового употребления языка» [10]. Исследование немецкого и русского фразеологического фонда выявило, что в русском материале образ женщины шире, чем в немецком, не только в количественном, но и в качественном отношении, в нем отражены разнообразные социальные роли, степени родства, этапы жизни женщины, ее разнообразные задачи и умения. Эти выводы находят подтверждение не только в исследованиях на фразеологическом материале, но и в работах по изучению мифологического сознания русских, отраженного, в частности, в русских народных волшебных сказках [5].

Существенный вклад в разработку лингвокультурологического направления и методологии гендерных исследований внесла сложившаяся в Московском государственном лингвистическом университете научная школа, ученые которой впервые выдвинули и верифицировали ряд гипотез, позволивших переосмыслить ранние положения гендерной теории, что стало возможным благодаря изучению русского и некоторых других языков.

Сформулированы подходы к изучению различных языков и культур, обозначен динамический характер лингвистического конструирования гендера и его зависимость от типа дискурса и социальных параметров коммуникации, а также наличие гендерного компонента этнических представлений на основе проведенных экспериментальных исследований [4].

Актуальность исследования. Лингвокультурологические исследования последних лет демонстрируют, что российскую лингвистику гендер интересует в плане более широкого исследования ментальности, этнокультурной специфики.

В рамках коммуникативно-дискурсивного направления ведется изучение лингвистического конструирования гендера в коммуникативном взаимодействии индивидов в различных видах дискурса, речевого поведения мужчин и женщин с позиций теорий социальной идентичности, коммуникативной адаптации и интеракционизма.

Множественность и изменчивость концептов мужественности и женственности делает возможным манипуляцию этими понятиями в дискурсах массовой коммуникации, например в рекламном, политическом.

Между указанными направлениями четких границ не отмечено, что обусловлено междисциплинарным характером гендерных исследований. Однако прослеживается более четкая направленность изучения гендерных аспектов языка и коммуникации, которая в дальнейшем может сформироваться в отдельные отрасли исследования гендера как на материале русского языка, так и других языков, ранее в гендерном аспекте не рассматривавшихся.

Анализ научных трудов последних лет свидетельствует об ослаблении интереса к гендерным исследованиям. В связи с этим изучение гендерной специфики междисциплинарных исследований осуществляется в большей мере как сопутствующий компонент.

И вместе с тем общество волнует, какой человек приходит на смену другому: будет ли он исповедовать духовно-нравственные ценности, выражающиеся в природе нравственного сознания и социальной практике людей, в его воззрениях и поступках.

Известно, что интерес к духовности, духовно-нравственным ценностям каждый раз в истории общественного развития порождается новыми социальными отношениями, в которых оказывается человек как личность и в которых протекает его жизнедеятельность. С каждой исторической эпохой в развитии общества органически связан всякий человек, с ней непосредственно

связаны его взгляды, мироощущение, дела и поступки. В такой обстановке человек является как объектом, так и субъектом общественных отношений.

Духовно-нравственные и другие ценности проявляют себя, обнаруживают только в процессе человеческой деятельности по освоению мира, через оценку. В этом смысле духовно-нравственные, как и другие социальные ценности, неразрывны с деятельностью, с оценкой, либо актуальной, либо потенциально присутствующей в возможности деятельности. Особенную значимость они (ценности) приобретают в коммуникативной деятельности. В такой ситуации духовно-нравственные ценности активно воздействуют на формирование и развитие личности в процессе ее деятельности.

Нами был проведен ассоциативный эксперимент для выявления наиболее значимых для современного общества духовно-нравственных ценностей. Мы рассматривали отдельно реакции мужчин и женщин, испытуемым было предложено назвать наиболее важные для них духовно-нравственные ценности и дать им краткую характеристику.

В эксперименте приняли участие 100 человек: 50 мужчин и 50 женщин. Опрос проводился через Интернет, с помощью социальных сетей. Опрошенным предлагалось назвать пять наиболее важных для них духовно-нравственных ценностей, а также назвать первые пришедшие на ум слова в ответ на стимулы (3–5 слов). Все опрошенные представляют разные возрастные категории, профессиональную принадлежность, разное социальное положение.

Характеризуя ответы респондентов, можно отметить 10 частотных реакций опрошенных в нашем ассоциативном эксперименте. Большинство из опрошенных нами людей (86 % от общего количества, 49 реакций принадлежит женщинам, 37 – мужчинам) назвали «любовь». У большинства из них эта реакция была одной из первых.

В Словаре С. И. Ожегова предлагается несколько значений *любви*:
1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности.
3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь [6].

В ассоциативном представлении концепт, вербализуемый словом «любовь», может быть дополнен следующими лингвистическими единицами, предложенными женщинами: *понимание – 7, уважение – 7, взаимные чувства – 4, доверие – 4, терпение – 4, семья – 4, счастье – 3, искренность – 2, тепло – 2, мой муж (любимый человек) – 2, близость – 2, с первого вдоха – 1, источник вдохновения – 1, подарок судьбы – 1, огонь в душе – 1, залог счастья – 1, жизнь сердцем – 1, сладость жизни – 1, необъяснимые чувства – 1, поддержка – 1, открытость – 1, привязанность к кому-то – 1, самоотдача любимому человеку – 1, одно счастье на двоих – 1, душевность – 1, мои близкие – 1, взаимность – 1, верность – 1, необходимость – 1*. Мужчины вербализовали концепт «любовь» таким образом: *семья – 9, понимание, взаимопонимание – 8, уважение – 3, счастье (приносить кому-то счастье, делать счастливым) – 3, искренность – 3, теплые чувства – 3, близость – 2, терпение – 2, чувство, соединяющее двоих – 2, отзывчивость – 1, прощение – 1, доверие – 1, чувства, лишённые разумности – 1, одна жизнь на двоих – 1*.

Женские ответы более яркие, красочные, можно сказать – поэтические: *жизнь сердцем, подарок судьбы, огонь в душе, источник вдохновения*. Конечно же, есть и такие ответы: *понимание, уважение, залог счастья, самоотдача любимому человеку*.

Мужских реакций меньше, но в них чувствуется конкретность и серьезность. Представители сильного пола не старались отвечать «красивыми словами». Возможно, это все-таки мужской стереотип, боязнь показать чувства, тонкость натуры. Например, один из ответов (*моя семья*) встречается у 9 мужчин. Это еще раз показывает, что мужчина четко знает определение любви для себя. Он живет сегодняшним днем, его семья – это и есть любовь, в то время как мечтательные женщины всячески приукрашивают это чувство. Стереотипы прослеживаются, и они очевидны.

Одним из высоконравственных чувств считается «верность», которая воспринимается как «стойкость и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга» [6].

В ассоциативном представлении концепт, вербализуемый словом «верность», может быть дополнен следующими единицами (женские ассоциации): *взаимоважение, уважение – 7, преданность – 6, супружеская – 5, честность – 5, верность кому-то (мужу, супругу, друг другу, себе) – 4, взаимная – 4, навеки, вечная – 2, правильность – 2, искренняя – 2, верность мужа – 1, хранительница отношений – 1, прозрачность – 1, навсегда – 1, редкость – 1, порядочность – 1, значима очень – 1, свободный осознанный выбор – 1, ценность – 1, обещания – 1.*

Вербализацию мужчинами можно представить следующей на основании ассоциативного эксперимента: *преданность – 7, честность – 3, супружеская – 3, уважение – 3, доверие – 2, любовь и уважение к своей любимой женщине – 1, верность своей семье – 1, постоянность – 1, составляющая идеальных отношений – 1, основа отношений – 1, соблюдение этических норм – 1, редкость в отношениях, ответственность перед собой – 1, соблюдение внутренних запретов – 1, дает свободу от соблазнов – 1, сила духа – 1, противостояние искушениям – 1, порядочность – 1, взаимная – 1.*

Безусловно, данный ассоциативный ряд мог бы быть продолжен.

Верность как духовно-нравственную ценность назвали 41 женщина и 29 мужчин (70 % от общего количества участников). У женщин она ассоциируется в основном с супружеской верностью или, наоборот, – неверностью: *хранительница отношений, честность и прозрачность, верность мужа, преданность, правильность, честность, преданность, уважение своего супруга, свободный, осознанный выбор и его уважение* и др.

Мужчины верность охарактеризовали так: *честность, постоянство, основа отношений, уважение себя, соблюдение этических норм, доверие и преданность, преданность жене, дает свободу от соблазнов, любовь и уважение к своей любимой женщине* и др.

Доброта – ценность, которая находится на третьем месте в нашем списке. Доброта – «отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим» [6]. Добро – наиболее общее понятие морального сознания,

категория этики, характеризующая положительные нравственные ценности. В житейском смысле этот термин относится ко всему, что получает у людей положительную оценку либо ассоциируется со счастьем, радостью, любовью тех или иных людей, т. е. становится близким релевантному понятию «хорошо», которое является оценкой только отдельных субъектов и не распространяется на всех субъектов.

В нашем случае все участники ассоциативного эксперимента подразумевали доброту в благости. Представительницы женского пола упомянули ценность «доброта» 34 раза, а вот мужчины – 21 (55 % от общего количества). Женские реакции: *искренность человека, тепло человека, бескорыстная помощь, дружеское отношение, помощь без обязательств, открытость, душевность, слабость характера*. Мужские: *забота и опека, ласковое отношение, добровольная помощь, поддержка, помощь или действие от души, открытость человека, безотказность, открытость души* и др. По свидетельству Л. Н. Толстого, «доброта для души то же, что здоровье для тела: она незаметна, когда владеешь ею, и она дает успех во всяком деле».

Таким образом, концепт, представленный в языке словом «доброта», может быть существенно дополнен за счет ассоциативных представлений в виде различных лингвистических единиц, названными женщинами: *открытость – 4, искренность – 4, забота – 3, отзывчивость – 2, поддержка – 2, помощь – 2, тепло – 2, благо – 1, безотказность – 1, благородство – 1, воспитанность – 1, опека – 1, жалость – 1, помощь без обязательств – 1, понимание – 1, дружеское отношение – 1, душевность – 1, ласковое отношение – 1, необходимость – 1, слабость характера – 1, ласка – 1, готовность помочь в любой ситуации – 1, самоотдача – 1, внимание – 1, простота – 1, сочувствие – 1, творить – 1, чувственность – 1*. Вербализация концепта «доброта» реципиентами-мужчинами представлена так: *помощь – 6, открытость (души, человека) – 4, поддержка – 4, тепло – 2, отзывчивость – 2, хорошее отношение – 2, безотказность – 1, готовность помочь – 1, искренность – 1, понимание – 1, ласковое отношение – 1, забота – 1, опека – 1, что-то положительное, теплое и светлое – 1, уважение – 1*.

Этот ассоциативный ряд можно продолжить.

Существенным показателем духовно-нравственных ценностей определяют семью. Семью как духовно-нравственную ценность назвали 27 женщин и 24 мужчины (51 % от общего количества принявших участие в эксперименте). Считается, что «Семья – основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью. Как устойчивое объединение возникает с разложением родового строя. Первая историческая форма моногамии – патриархальная семья (управлялась отцом, включала его потомков с их женами и детьми, а также домашних рабов)» [1].

Концепт, представленный в языке словом «семья», может быть существенно дополнен за счет ассоциативных представлений в виде различных лингвистических единиц, названными женщинами: *родная – 3, самые близкие – 3, родители, муж, дети – 3, родные люди – 2, самое дорогое – 2, большая – 1, дом – 1, единственная – 1, забота – 1, здоровая – 1, крепкая – 1, любимая – 1, любовь – 1, огромное счастье – 1, опека – 1, опора – 1, очаг – 1, поддержка – 1, самая лучшая – 1, ценимое в жизни – 1, уважение – 1.*

Реципиенты-мужчины показали следующий результат: *дорогие люди – 3, любимые люди – 3, родные люди – 3, счастье – 3, близкие люди – 2, крепкая – 2, дети и жена – 1, дружная – 1, единственная – 1, моя – 1, поддержка – 1, родная – 1, самое ценное, что необходимо всячески оберегать и хранить – 1, уважение – 1.*

Характеристики женщинами этой ценности: *забота, опека, любовь, родные и близкие люди, огромное счастье, самые близкие, родные, мои детки и муж, самое дорогое и ценимое* и др. У мужчин ответы практически одинаковые: *родные и близкие, самые дорогие люди, дорогие и любимые люди, родные, любимые, счастье* и др.

Семья принадлежит к важнейшим общественным ценностям. Согласно некоторым научным теориям, именно форма семьи могла на протяжении многих веков определять общее направление эволюции макросоциальных систем. Каждый член общества, помимо социального статуса,

этнической принадлежности, имущественного и материального положения, с момента рождения и до конца жизни обладает такой характеристикой, как семейно-брачное состояние.

На пятом месте наших духовно-нравственных ценностей находится «уважение». «Уважать всякого человека, как самого себя, и поступать с ним, как мы желаем, чтобы с нами поступали, выше этого нет ничего», – свидетельствует Конфуций.

Уважение – позиция одного человека по отношению к другому, признание достоинств личности. Уважение предписывает не причинять другому человеку вреда, ни физического, ни морального. Именно это качество является составляющей успешной коммуникативной деятельности.

Анализом понятия «уважение» занимались многие известные ученые – представители различных научных школ.

Концепт, вербализуемый словом «уважение», представлен шире и может быть дополнен следующими лингвистическими единицами реципиентов-женщин: *отзывчивость – 3, взаимопонимание – 2, родители – 2, воспитанность – 1, восхищение – 1, должно быть у всех – 1, достойное отношение к достойным людям – 1, к родителям – 1, мои близкие люди – 1, необходимость – 1, отношение к другим как к самому себе – 1, понимание других – 1, почитание – 1, себя – 1, сочувствие – 1, тепло – 1, хорошее отношение к другим – 1, ценимое отношение к другим – 1*. Реципиенты-мужчины также представили свои реакции: *в семье – 3, понимание – 3, помощь – 2, хорошее отношение к другому человеку – 2, боязнь причинить боль – 1, родители – 1, надо заслужить – 1, порядочное и терпеливое отношение – 1, приоритет нравственного воспитания – 1, почитание чужих действий и мнений – 1, основа взаимоотношений – 1, отношение, которое необходимо заслужить, – 1, равенство прав и мнений – 1, способность принимать недостатки – 1, стремление в коллективе – 1, терпение – 1*.

Из 100 человек 42 % участвующих в эксперименте отнесли *уважение* к духовно-нравственным ценностям.

В нашем современном мире, где каждый сам за себя, где авторитеты потеряли свою значимость, где каждый готов реализовать свои принципы и амбиции, иметь собственное мнение по любому поводу, а малейшая ошибка может привести к серьезным последствиям, уважение завоевать не так легко.

Еще важнее правильно выстроить разумную коммуникацию, которую трудно выстроить без взаимного уважения сторон. Именно уважение дарит людям хорошее настроение, помогает им почувствовать свою значимость.

Поэтому неслучайно в современной коммуникации актуализируются такие понятия, как *понимание* (некое психологическое состояние, правильное восприятие или интерпретация понятного окружающим какого-либо явления, факта, события и др.), *взаимопонимание*. Под *взаимопониманием* принято считать «способ отношений между отдельными людьми, социальными группами, коллективами, организациями, странами, при котором максимально осмысливаются и учитываются на практике точки зрения, позиции, интересы общающихся сторон. Взаимопонимание является показателем социально-психологического общения и имеет исключительное значение для групповой, общей деятельности людей. Объективной основой взаимопонимания выступает общность интересов, близких и отдаленных целей, взглядов. Оно конкретно реализуется через *взаимовосприятие* вербального и невербального поведения. Взаимопонимание между отдельными людьми предполагает межличностное познание друг друга. Это познание является сложным и динамичным процессом. Его структурные элементы – восприятие внешнего облика; предположительное соотнесение внешних признаков с личностными качествами; объяснение поведения, поступков, формирование первого впечатления; становление ряда образов о другом человеке; понимание личности другого» [7].

Вербализация этих понятий в рамках проведенного нами социолингвистического эксперимента показала следующие результаты. Женщины отмечают следующие значения для концепта «понимание»: *отзывчивость – 2, открытость – 2, близость – 1, в семье – 1, взаимное – 1,*

взаимопомощь – 1, во всем – 1, ключ к влиянию – 1, между людьми – 1, основа отношений – 1, поддержка – 1, разделение чужого мнения – 1, способность понять друг друга – 1, уважение – 1, умение слушать – 1, учитываешь интересы других людей – 1, фундамент взаимоотношений – 1. Мужские ассоциации: семья – 3, открытость отношений – 2, важно в отношениях – 1, взаимность – 1, готовность идти на уступки – 1, готовность услышать друг друга – 1, должное отношение – 1, духовная и эмоциональная связь – 1, между людьми – 1, правильное и адекватное восприятие – 1.

Понимание и взаимопонимание явились ценными для 16 мужчин и для 19 женщин (35 % от общего количества). Соответственно, данный ассоциативный ряд мог бы быть продолжен.

Следующие в списке наших духовно-нравственных ценностей – *искренность и честность*. Мы объединили эти две ценности, т. к. они находятся на одном уровне в нашем списке и имеют тождественные значения, данные респондентами.

В ходе нашего опроса *искренность* и *честность* как свойства успешной коммуникации, относящиеся к духовно-нравственным ценностям, назвали 29 % реципиентов (14 женщин и 15 мужчин). «Женские ассоциации» несколько расширяют представление о таких единицах: *открытость – 4, порядочность – 2, правдивость – 2, во всем – 1, в чувствах – 1, душевный разговор – 1, необходима – 1, правильность – 1, простота – 1, прозрачность – 1, сердечность – 1, ценю в человеке – 1, честность – 1*. «Мужские ассоциации» таковы: *открытость – 5, искренность – 1, в отношениях – 1, в чувствах – 1, доброта души – 1, правдивость – 1, правильность – 1, прозрачность – 1, прямолинейность, не причиняющая вреда и боли, – 1, редкость – 1, сила характера – 1, ценю в людях – 1, честность – 1*.

На честности и искренности держатся взаимоотношения между людьми. Честность – одна из наиболее ценных добродетелей человека и черта характера, которую необходимо воспитывать с детства. Честность и искренность всегда сопровождаются порядочностью человека. В «Словаре русского языка»

С. И. Ожегова «*порядочность*» трактуется как «честность, неспособность на антиморальный, низкий антиобщественный поступок» [6]. Формулировка эта позволяет утверждать, что вопрос о степени порядочности человека может быть решен не простым перечислением тех или иных его моральных черт, а путем выявления наиболее значимых, определяющих все другие качества его личности.

Концепт, в ассоциативном представлении вербализуемый словом «*порядочность*», к сожалению, получил не так много откликов. У женщин больше реакций на «*порядочность*», «*добропорядочность*»: *ответственность, честность, честное и ответственное отношение к делу, хорошие поступки, хорошее отношение к другим, совесть, выполнение своих обязательств, всегда поступаешь по совести, это умение относиться к ближнему как к самому себе, уважительное отношение, уважение, понимание, прощение, соответствие нормам* и т. д. У мужчин: *хорошие поступки, совесть, уважительное отношение к окружающим, ответственность, честность, это готовность отстаивать справедливость, всегда поступать по совести, правильность мыслей, способность чувствовать вину, способность не указывать на недостатки, честность, совесть*. Видимо, воспитание подрастающего поколения нуждается в определенной трансформации педагогики добропорядочности.

Показательным следует считать внимание к такой духовно-нравственной ценности, как *совесть*. Личность несет в себе не только все свое настоящее, но и все свое прошлое, в совести интегрирована вся нравственно осознанная деятельность человеческой личности. Можно сказать, что в каждый отдельный момент судьбы совесть – это нравственный итог пройденного человеком жизненного пути.

Общепризнанно, что совесть является личным сознанием и личным переживанием человека относительно правильности, достоинства и честности всего того, что им когда-то совершено.

В ассоциативном представлении концепт, вербализуемый словом «*ответственность*», может быть дополнен следующими лингвистическими

единицами: *норма – 2, порядочность – 2, самоконтроль – 2, гуманность – 1, нравственность – 1, поступать по совести – 1, чистая – 1* (реципиенты-женщины) и *порядочность – 2, чистота сознания – 2, внутри себя – 1, внутренний голос – 1, нравственные обязанности – 1, редко встречаемое чувство – 1, стыд перед людьми и самим собой – 1, чистота души – 1, чувство вины – 1* (реципиенты-мужчины).

Участвуя в нашем эксперименте, женщины назвали *совесть* как духовно-нравственную ценность: *самоконтроль, моральность, личное сознание, нравственная категория, позволяющая отличать дурное от доброго, ответственность, внутренний конфликт с собой, соблюдение внутренних норм, способность распознавать добро и зло* др. Видимо, среди мужчин данное понятие неактуально: немногие охарактеризовали эту ценность: *нравственные обязанности, редко встречаемое чувство, честность, гуманность, порядочность, стыд перед людьми и собой, внутренний голос, чувство вины, чистота сознания, внутренняя честь*.

Из общего количества респондентов вспомнили о совести 21 % респондентов (9 женщин и 12 мужчин). Безусловно, данный ассоциативный ряд может быть существенно дополнен.

Совесть относится к наиболее глубоким и ярким явлениям человеческого нравственного опыта.

Завершающей духовно-нравственной категорией в нашем списке оказалась «*ответственность*». Одна из стержневых добродетелей человека – ответственность, которая формируется в деле, в творчестве.

Ответственность – понятие интегративное, включающее долг, обязанность, способность доводить начатое дело до конца. В литературных источниках довольно подробно, полно и убедительно описано, что такое *ответственность* и как с ней следует поступать. Безусловно, это качество сопровождает каждого человека в течение жизни и каждый человек проявляет ту или иную меру ответственности в зависимости от ситуации, в которую попадает.

В ассоциативном представлении концепт, вербализуемый словом «ответственность», может быть дополнен следующими лингвистическими единицами. Женские определения ответственности таковы: *выполнение всех обязательств, способность анализировать свои действия, голос общественных требований к человеку, нравственная чистота, обязанность отвечать за свои поступки, уверенность себе* и др. Мужские: *чувство долга, анализ мыслей, уважительное отношение к делу, способность влиять на события, ответ за себя, свои поступки, ответ за свои действия, совестливый подход к делу* др.

Ответственность включили в свой список ценностей лишь 21 % опрошенных (7 женщин и 14 мужчин). В данном случае реакции мужчин и женщин практически совпадают, совпадает и набор лингвистических средств, репрезентирующий концепт *ответственность*.

ВЫВОДЫ

Духовно-нравственные ценности в условиях любого общества имеют исключительно важное значение в жизни и переоценке ценностей, в формировании личности. Сегодня подвергаются сомнению некоторые принципы и ценности, которые еще в середине XX века воодушевляли людей безграничной верой и движением вперед. Проведенное нами исследование позволило очертить контуры духовно-нравственных ценностей и их роли в переоценке ценностей и формировании личности. Совершенно очевидно, что общество переживает определенного рода трансформации, которые затрагивают разные его стороны. Делается попытка переоценки духовно-нравственных и других ценностей в российском социуме, что имеет глубокие корни и долговременные основания. Каждое общество формирует свои законы и утверждает свою систему ценностей, которая будет совершенствоваться по мере того, как новые ценности будут обретать характер традиций, а старые традиции будут трансформированы и приспособлены к новым условиям.

Теоретические положения и гипотезы, выдвинутые в процессе работы над проблемой, подкреплялись результатами эмпирических исследований

ценностного сознания. С этой целью был проведен свободный ассоциативный эксперимент мужского и женского понимая ценностных ориентаций современного человека.

В проведенном нами социолингвистическом эксперименте использованы анкеты, в которых были заданы некоторые духовно-нравственные концепты. Реципиентам было предложено вербализовать 5 из них, а также назвать первые пришедшие на ум слова в ответ на эти слова-стимулы. Самым частотным явился концепт «любовь» – 78 %. Далее представлены: верность – 70 %, доброта – 55 %, семья – 51 %, уважение – 42 %, понимание – 35 %, искренность и честность – 29 %, порядочность – 24 %, совесть – 21 %, ответственность – 21 %. Обозначены лингвистические единицы, основанные на представлениях мужчин и женщин, которые формируют фрагмент наивной картины мира современного человека, фиксируя его отношение к духовно-нравственным ценностям.

Набор лингвистических средств, репрезентирующих концепты «любовь», «верность», «доброта», «семья», «уважение», «понимание», «искренность и честность», «порядочность», «совесть», «ответственность» у представителей женского и мужского пола, будет существенно отличаться. Не будет он совпадать и у людей с одинаковым родом деятельности, живущих в одном городе, районе и даже семье.

При наличии большого количества одинаковых ответов можно констатировать, что они обычно появляются там, где либо отражается устойчивая сочетаемость, либо возникает стандартный концептуальный образ.

Таким образом, мы предполагаем, что духовно-нравственное развитие человека в первую очередь зависит от воспитания человека, от его осознания необходимости и значения той или иной духовно-нравственной ценности в его жизни, в жизни общества, частью которого он является.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия [Текст] / главный редактор А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М., 1999. – 189 с.
3. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике [Текст] / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 2003. – № 5. – С. 51–56.
4. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации [Текст] / А. В. Кирилина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 252 с.
5. Коновалова, С. А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. А. Коновалова. – М., 2005. – 210 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеол. выражений [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2017. – 1376 с.
7. Психологический портал «Психотест». Словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psihotesti.ru/gloss/tag/vzaimoponimanie> (Дата обращения: 29.06.18).
8. Синельникова, Л. Н. Введение в лингвистическую гендерологию (материалы к спецкурсу) [Текст] / Л. Н. Синельникова, Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2001. – 40 с.
9. Слышкин, Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота [Текст] / Г. Г. Слышкин // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. – М., 2002. – С. 72.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

LINGUISTIC REPRESENTATION: SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN
THE NAIVE PICTURE OF THE WORLD OF
MODERN SOCIETY

G. Yu. Bogdanovich

Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

Summary. Interdisciplinary character of linguocultural studies involves the insertion of gender vector in studying the naive picture of the world of modern society. The verbalization of spiritual and moral values through the associative and sociolinguistic experiment allows to reveal the transformational processes taking place in the language consciousness of linguistic identity.

The concepts making the spiritual and moral priorities of modern life are largely determined by upbringing and education of a language personality which develops the priorities of a society.

Keywords: sociolinguistic experiment, spiritual and moral values, concept, gender vector, naive picture of the world, language personality.

References

1. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Ed. by A. M. Prokhorov. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ. 1969–1978.
2. Kirillina A. V. *Gender: Lingvisticheskie Aspekty* [Gender: The Lingvistic Aspects]. Moscow, 1999. 189 p.
3. Kirillina A. V. *Razvitie Gendernykh Issledovaniy v Lingvistike* [The Development of Gender Studies in Linguistics]. *Filologicheskie Nauki*, 2003, no 5, pp. 51 – 56.
4. Kirillina A. V. *Gendernye Issledovaniya v Lingvistike i Teorii Kommunikatsii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]. Moscow: Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2004. 252 p.
5. Konovalova S. A. *Gendernaya Spetsifika Vyrazheniya Predikativnykh Otnoshenii v Tekste Russkoi Narodnoi Volshebnoi Skazki: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Gender Specifications of Predicative Relations Manifestation in Russian Fairy Tale Text]. Moscow, 2005.
6. Ozhegov S. I. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka: okolo 100,000 Slova, Terminov i Frazheologicheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language:

- about 100,000 Words, Terms and Idioms]. 28th ed. Ed. by L. I. Skvortsov. Moscow: Mir i Obrazovanie Publ., 2017. 1376 p.
7. *Psikhologicheskii Portal Psihotext. Dictionary* [*Psychotext Psychological Portal. Dictionary*]. Available at: <http://psihotesti.ru/gloss/tag/vzaimoponimanie> (accessed 29 June 2018).
 8. Sinelnikova L. N. *An Introduction to Linguistic Genderology (Materials for a Special Course)* / L. N. Sinelnikova, G. Yu. Bogdanovich. Simferopol, 2001. 40 p.
 9. Slyshkin G. G. *Gendernaya Kontseptosfera Sovremennogo Russkogo Yazyka* [The Gender Conceptual Sphere of the Modern Russian Language]. *Gender kak Intriga Poznaniya. Gengernye Issledovaniya v Lingvistike, Literaturovedenii i Teorii Kommunikatsii: Almanakh. Pilopnyi Vypusk*. Moscow, 2002. P. 72.
 10. Teliya V. N. *Russkaya Frazеologiya: Semanticheskii, Pragmaticheskii i Lingvokulturologicheskii Aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects]. Moscow: Shkola Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1996, 288 p.

УДК 81'1

СОВРЕМЕННАЯ КРЫЛАТОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА

Макарова А. С.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия
E-mail: aleste_63@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о терминотворчестве применительно к новому направлению лингвистической науки – крылатологии. Придерживаясь широкого взгляда на фразеологию, многие лингвисты признают языковой статус крылатых единиц и включают их во фразеологический фонд национального языка, но окончательно этот вопрос не решен. Вместе с тем нельзя не признать, что данные языковые единицы являются неотъемлемой частью системы языка, так как построены по его основным принципам и грамматическим законам, именно поэтому их корпус изучается отечественными фразеологами, о чем свидетельствует активный процесс терминотворчества. Сам термин, как и наука крылатология в целом, глубоко и серьезно разрабатываются в отечественном языкознании как с точки зрения анализа и описания крылатых единиц, так и в области их параметризации. Но исследовательская работа осложняется тем, что фразеологи оперируют несколькими терминами для обозначения не только изучаемых языковых единиц, но и самой дисциплины. В современных научных трудах по данной проблеме закрепились следующие термины: крылатология, крылатика, крылатистика, эптология. Однако, как свидетельствуют научные изыскания, выработка и дальнейшее использование терминологического аппарата доказывают получение крылатологией статуса лингвистической дисциплины и способствуют дальнейшему ее утверждению и распространению, а также верификации и инвентаризации результатов как в теории, так и в практике анализа.

Ключевые слова: крылатология, термин, крылатое выражение, фразеология, интертекстуальность.

ВВЕДЕНИЕ

Языкознание на современном этапе развития активно расширяет сферы научного познания от слова как элемента знаковой системы до теории текста и дискурса. Очевидность тесной связи языка и культуры признается как отечественными, так и зарубежными лингвистами, поэтому описание языковых единиц, особенно фразеологических, в широком лингвокультурологическом контексте является сегодня одним из главных направлений лингвистических исследований. Кроме того, предметом изучения становится исследование функционального потенциала фразеосредств национальных языков в текстах разных стилей и жанров. Поставленные задачи требуют решений, выработка которых зависит от фиксации в словарях, наличия обоснованных дефиниций,

стилистических помет и пр. Наряду с верификацией фразеоресурсов необходимо использовать точный терминологический аппарат для обозначения той или иной единицы как элемента фразеологической системы. Все это говорит о необходимости уточнения терминологического аппарата при появлении и дальнейшем утверждении новых векторов фразеологических изысканий и метаязыка лингвистических исследований в целом. Особое место занимает в этом процессе терминотворчество, представляющее собой интеграцию теоретического и практического языкознания.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В XX в. отечественная фразеология совершила колоссальный рывок в развитии, отражение которого мы видим не только в большом количестве регулярно появляющихся научных трудов, монографий и словарей, но и в создании фразеологических школ (Костромская, Московская, Петербургская, Тульская, Новгородская, Ростовская и т. д.). Благодаря неустанным исследованиям лингвистов-фразеологов рождаются новые научные направления во фразеологии: паремиология, афористика, фразеография и относительно недавно появившаяся крылатология.

Крылатология – одна из самых молодых лингвистических дисциплин, состояние которой «отражает почти полуторавековой путь ее «вызревания» в рамках лексикографии» [23, с. 66]. Но нельзя забывать, что вплоть до конца XX века исследователи крылатых единиц (КЕ) «боялись» называть свои книги или сборники словарями. Для этого требовалось определить и утвердить языковой статус данных устойчивых единиц и создать терминологический аппарат для их анализа и описания. Однако «исследование КЕ с лингвистических позиций длительное время воспринималось учеными как занятие сомнительное» [15, с. 23]. Вместе с тем несмотря на столь пессимистическое, но справедливое замечание споры по поводу языкового статуса крылатых единиц/крылом (термины Шулежковой С. Г.), начатые в середине и слегка утихшие в конце XX века, вспыхнули вновь в начале XXI века в силу своей актуальности. Описанию

крылатых слов (КС) и крылатых выражений (КВ) в отечественной лингвистике были посвящены труды Уолш И. А., Беркова В. П. [19], Беркова В. П., Мокиенко В. М., Шулежковой С. Г. [5, 6, 7], Дядечко Л. П. [10], Каменева К. В. [11], Макаровой А. С. [14], Меликяна В. Ю. [15], Шулежковой С. Г. [21, 22] и др., научные изыскания которых находятся в сфере определения источников появления КЕ, инвентаризации состава КЕ, функционирующих в конкретном языке, сопоставительного анализа фондов КВ разных языков, лексикографирования КЕ и пр.

ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос терминоведения в отечественной фразеологии, касающийся появления и употребления терминов *крылатология* (Шулежкова С. Г.), *крылатика* (Мокиенко В. М.), *крылатистика* (Королькова А. В.), *эптология* (Дядечко Л. П.) для обозначения относительно молодого направления лингвистической науки, объектом исследования которой являются КЕ, требует определенности и упорядоченности. Пальма первенства в создании термина *крылатология* принадлежит Шулежковой С. Г., которая начала его употреблять в своих научных трудах. Процесс наименования раздела осложнялся тем, что назвать надо было не только саму науку, но и изучаемую языковую единицу, сохранив ее главный отличительный признак – генетическую память об авторе. Опираясь на уже успешно используемые термины, такие как *фразеология* или *лексикология*, ученый создает термин *крылатология*. Тот же принцип просматривается и в образовании терминов *языковые единицы* → *крылатые единицы* и *фразаема* → *крылема*. Образование по известной и утвердившейся в языке модели не должно препятствовать восприятию новой терминологии, однако в языковедческой среде не все охотно это принимают. Мокиенко В. М. и Королькова А. В. пошли тем же путем: *грамматика* → *крылатика*, *лексема* → *крылатема* и *лингвистика* → *крылатистика*. Важно отметить, что при моделировании новых терминов все ученые исходили из названия первого фундаментального труда, посвященного КС, книги Г. Бюхмана «Geflügelte Worte»

(«Крылатые слова» 1864 г.), тем самым сохраняя внутреннюю форму термина, несущего значение ‘крылатость’, или ‘ходячесть’.

Украинская исследовательница Дядечко Л. П. вводит термин *эптология*, соединив корни греческих слов для его образования: *филология* → *эптология*, *синоним* → *эптоним*. Однако данный термин, образованный на базе греческих корней, не всеми может быть понят сразу.

Наряду с перечисленными терминами все чаще начинают употребляться *крылатография* и *крылатолог*, что представляется вполне закономерным и отвечает задачам, которые ставят перед собой отечественные фразеологи: «К числу первоочередных проблем, стоящих перед крылатологами, следует отнести создание филологического словаря КЕ энциклопедического типа. Эквивалентом подобному словарю должна стать его мультимедийная версия с многовекторными справочными указателями. Реализация такого масштабного проекта вряд ли возможна без качественно выполненного библиографического указателя по крылатологии, который бы позволил не только обобщить все достижения славянской “крылатографии”, но и сконцентрировать усилия ученых на нерешенных вопросах этой новой отрасли знаний» [22, с. 28]. Таким образом, активность терминотворчества в современной российской фразеологии прекрасно прослеживается в данной терминологической линейке, созданной также по известным моделям: *лексикография* → *фразеография* → *крылатография* → *эптография*, *фразеолог* → *крылатолог*.

Проблема и самого термина, и его образования как лингвистического объекта давно и по праву занимает одно из ведущих мест в языкознании. Очевидно, что строгий терминологический аппарат помогает сформулировать научные выводы, что способствует унификации при выработке метаязыка и облегчает коммуникацию сообщества ученых в дальнейшем. Нельзя не согласиться с мнением Дядечко Л. П., что «изложение результатов научного поиска должно сопровождаться терминотворчеством» [10, с. 11]. Применительно к КВ, которые длительное время хранили в своей семантике «следы многочисленных былых контекстов» [Там же], развивая одновременно несколько значений, следует

признать, что специальное наименование объекта данного исследования трактуется по-разному как отечественными, так и зарубежными лингвистами. В связи с тем, что внимание ученых к проявлениям интертекстуальности повлекло за собой оживление в терминотворчестве, логично возник вопрос, связанный и с анализом языкового статуса КВ.

ВОПРОС ЯЗЫКОВОГО СТАТУСА КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Проблема определения КВ как единиц языка обычно ассоциируется с их принадлежностью к фразеологии. Родоначальником учения о КВ был немецкий лингвист Георг Бюхман, который под *крылатым словом* понимал «...постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» [цит. по 21, с. 6], поэтому в свое собрание Г. Бюхман включил КВ, пришедшие из художественной литературы, на немецком, французском, итальянском, греческом, латинском языках, а также библейские выражения и исторические цитаты.

Следует заметить, что предыдущий исследовательский опыт имел фрагментарный характер, отличался теоретической размытостью и отсутствием детальной лексикографической параметризацией. Термин КС, служивший до определенного времени для обозначения всех КЕ, имеет почти полуторазековую традицию употребления и до сих пор во многих исследованиях обозначает сопряженные с ним языковые единицы. Вместе с тем в настоящее время употребляется целый ряд терминов для обозначения понятия КВ. Например, *коммеморат* (от лат. *Commemoratio* – воспоминание, напоминание [«цитаты без кавычек»]), *цитата-реминисценция*, *литературная реминисценция*, *прономинация* (использование собственных имен в апеллятивном значении) или *апликация* (прием построения речи, состоящий из использования говорящим или пишущим различных фрагментов (сочетаний слов, фраз, строк из стихотворений) известного произведения в качестве «строительного материала» для собственного текста). При описании данных языковых структур некоторые ученые отдают

предпочтение термину *реминисценция* или прибегают к опосредованной дефиниции. Например, Гвоздев А. Н. приводит такое определение: «Литературные реминисценции представляют яркие образные выражения из литературных произведений, причем употребляющие их отчетливо сознают, из какого произведения взята цитата и какое значение она имеет в этом произведении, благодаря чему используемое выражение вызывает в памяти сложный художественный образ и служит понятным намеком на этот образ» [8, с. 86]. Дядечко Л. П. пишет об использовании «фрагментов из широко известных художественно-беллетристических или массово-коммуникативных текстов <...> без ссылки на источник, но сохраняющих с ним ассоциативную связь» [9, с. 37]. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. под КС понимают «переходящие из уст в уста выражения, которые отличаются от пословиц и поговорок тем, что они являются цитатами, восходящими к определенному литературному источнику» [4, с. 3]. По мнению Телия В. Н., КС можно определить и как «идиомы, мотивированные некоторым текстом» [18, с. 77]. Данный признак отличает КС от фразеологизированных единиц других разрядов.

В монографии «Устойчивые фразы в современном русском языке» Архангельский В. Л. тщательно анализирует КВ. Он выделяет среди фразеологических единиц (далее – ФЕ) фраземы и устойчивые фразы и относит КВ к последним: «многие пословицы, крылатые афоризмы и фразеологические цитаты, в той или иной степени оторвавшиеся от контекста <...>» [2, с. 110].

Бабкин А. М. в книге «Русская фразеология, ее развитие и источники» писал, что КС («речевые обороты») «сохраняют принадлежность автору (поэту или прозаику), могут при этом свободно переноситься говорящими или пишущими в свой текст и сливаться с ним. Он также отмечает, что многие такие обороты «вошли в пословицу, то есть стали привычными, общеупотребительными, всем известными» [3, с. 110].

Чернышева И. И. подчеркивает следующий факт: «Состав <...> фразеологических выражений может быть дополнен единицами, восходящими по

своему происхождению к античной литературе и мифологии, Библии, художественной литературе и публицистике <...>» [20, с. 45–46].

Нужно напомнить, что споры по поводу того, относится то или иное КВ к фразеологии, отражают взгляды различных фразеологических школ. Разные школы трактуют объект исследования неодинаково. Анализ работ, посвященных фразеологической тематике, показывает, что сегодня ученые придерживаются широкого или узкого понимания фразеологии. Еще Ожеговым С. И. было предложено различать фразеологию в узком и широком смысле: с позиции узкого понимания фразеологии к ней относятся устойчивые словесные сочетания и ФЕ языка, которые наряду с отдельными словами являются языковым материалом для построения предложений. Сторонники узкого понимания фразеологии (Амосова Н. Н., Бабкин А. М., Жуков В. П., Молотков А. И., Телия В. Н. и др.) полноправной ФЕ считают КВ с общим переносным, метафорическим значением. Их оппоненты, сторонники широкого взгляда на фразеологию (Архангельский В. Л., Дядечко Л. П., Назарян А. Г., Ройзензон Л. И., Шанский Н. М., Шулежкова С. Г. и др.), склонны считать объектом фразеологического изучения любого рода *устойчивые словесные комплексы* (термин Ройзензона Л. И.).

Наиболее полно и подробно вопрос об отнесении КВ к фразеологическому фонду языка рассматривается в работах Арутюновой Ж. М., Дядечко Л. П., Кунина А. В., Меликяна В. Ю., Назаряна А. Г., Шулежковой С. Г. и др. Вопросами границ и объема фразеологии занимались и занимаются также ученые, исследующие фразеологические системы других языков.

Первым монографическим исследованием фонда КЕ русского языка стала книга Шулежковой С. Г. «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» (2002), в котором, по мнению ученого, КВ составляют 90 %, а КС, «включающие “коннотативные собственные имена”, <...> не более десятой части фонда крылатых единиц национального языка» [22, с. 24]. Вот почему проблема языкового статуса КВ, то есть сверхсловных крылатых единиц, представляется гораздо сложнее. Автор монографии изучила множество КВ, а также их употребление в разных стилях – от научного до разговорного. Такой тщательный

анализ позволил сделать вывод: «крылатые выражения представляют собой стройную систему языковых единиц» [21, с. 28], главной отличительной чертой которых является так называемый семантический «довесок», сохраняющийся в генетической памяти носителей языка, а принципиальное отличие КВ от безымянной ФЕ состоит лишь в его связях с источником, «ибо отличие крылатого выражения от безымянного фразеологизма при прочих совпадающих признаках состоит лишь в его связях с источником» [21, с. 20]. Постепенно начиная с середины 90-х гг. термин КВ стал использоваться не только в теоретических исследованиях, но и в словарной практике.

Давая характеристику *эпонимам*, Дядечко Л. П. подчеркивает, что это «номинативные средства общенационального языка» [10, с. 57], а термин «цитата» выступает синонимом любых проявлений интертекстуальности [10, с. 42]. Исследовательница предлагает следующее определение исходных единиц: «интегрирующее понятие, соотнесенное с целью- или раздельнооформленной общеязыковой единицей, которая сохраняет ассоциативную преемственную связь с автором или текстом, ее породившим...» [10, с. 26]. Создав собственную типологию *эпонимов*, исследовательница сохраняет традиционное для русской и украинской фразеологической научной школы различие: *эпоним-слово, или крылатая лексема*, – цельнооформленное образование – единица лексики; *эпоним-выражение, или крылатое выражение* – раздельнооформленное образование – единица фразеологии (в широком смысле), что доказывает справедливость тезиса Мокиенко В. М. о признании фразеологического уровня языка [16].

Меликян В. Ю., объектом научного изучения которого является синтаксическая фразеология, подчеркивает, что «*крылатизмы*» (еще один термин для обозначения КВ) занимают особое место в системе языка и являются ее неотъемлемой частью, соответствуя основным принципам устройства языковой системы и закономерностям функционирования. КВ относятся к экспрессивным и воздействующим на сферу эстетической культуры средствам языка: «Отечественные “*крылатизмы*” – это прежде всего лингво-этнографический

феномен, потому высока их национально-культурная составляющая» [15, с. 185]. Исследователь предлагает четкое определение: *крылатые выражения* – это «высказывание или сочетание высказываний (сверхфразовое построение), обладающее устойчивостью (постоянством структуры и семантики), воспроизводимостью, целостностью (структурной цельнооформленностью и семантической слитностью), как правило, разноаспектной членимостью (семантической, лексической, морфологической, синтаксической), образностью, афористичностью, экспрессивностью, меткостью, широкой употребительностью, вошедшее в речевое употребление из определенного литературного или исторического источника и выполняющее в языке различные стилистические функции» [15, с. 194].

Важно подчеркнуть, что зарубежные фразеологи фактически не уделяют внимания рассматриваемой проблематике, то есть КВ ими не изучаются как особые языковые единицы и не выделяются в отдельную группу устойчивых выражений. Кроме того, научное сотрудничество осложняется отсутствием единой терминологической базы, которое было выявлено при сравнительном изучении русской и французской фразеологии [14]. Термины КС и КВ утвердились в славянской, немецкой, английской фразеологии, но франкоязычные лингвисты их не применяют. В Новом русско-французском словаре Гака В. Г., Ганшиной К. А. [17] приводится перевод термина КВ: «*locution devenue proverbiale* или *locution passée en proverbe*, что значит ‘выражение, ставшее пословицей’ или ‘выражение, перешедшее в пословицу’. Данное определение лишь частично соответствует пониманию КВ, принятому российскими фразеологами и крылатологами» [23, с. 63]. Вместе с тем имеется немало фразеологических справочников и словарей, куда органично входят данные языковые единицы: М. Maloux Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes (1960) [29]; А. Rey, S. Chantreau Dictionnaire d’expressions et locutions (2007) [31]; М. Ashraf, D. Miannay Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises (2010) [24] и др. Как показал анализ лексикографических источников и научных публикаций, особое внимание франкоязычных лингвистов

направлено на исследование паремиологического фонда языка, что подтверждается большим количеством научных работ и статей, посвященных пословицам и поговоркам (Conenna, Kleiber [27]; Gouvard [28]; Michaux [30]; Scharira [32]; Vieillard [33] и др.) [8].

Однако при более детальном изучении научных трудов франкоязычных коллег обнаруживается определенный интерес к языковым единицам, именуемым в отечественной фразеологии КВ. Два словаря устойчивых выражений бельгийского лингвиста Жана Клода Болонья [J. C. Bologne] *Dictionnaire commenté des expressions d'origine littéraire. Les allusions littéraires* (1991) [25] и *Dictionnaire commenté des expressions d'origine biblique* (1999) [26] можно рассматривать как справочники КВ. Первый содержит *аллюзии* (термин Ж. К. Болонья) литературного происхождения, второй – библейского. Ученый выделил три типа *аллюзий*:

1) структуры, достаточные для того, чтобы представлять собой синтаксическую схему, в которой отражено значение;

2) реплики или готовые высказывания, которые приходят на ум неожиданно. Они могут иметь форму максим, бесцветных формулировок без глубокого смысла или быть привычными словами, известными приверженцам одного и того же сообщества;

3) ссылки – создают намек явно, открыто на тему, на автора, на произведение. Тема является простым намеком, частью, кусочком в предложении, пересказом известной теории, которую можно вспомнить, она также отсылает к произведению или к автору [25, с. 9–10].

Формирование корпуса КВ, являющегося составной частью фразеологического фонда с точки зрения широкого понимания фразеологии, рассматривается как период развития национальной и интернациональной культуры. Пути его формирования сложны, неоднозначны и проявляются в различных формах взаимодействия внутриязыковых тенденций и иноязычного влияния. Развитие крылатологии не сводится к процессу заимствования, но оно немислимо и невозможно вне взаимодействия и взаимовлияния культур.

В настоящее время в лингвистике активно применяется антропоцентрический подход, благодаря которому было установлено, что прагматикон языковой личности включает интертекстемы, в котором наряду с цитатами используются и КВ. Изучение данного языкового феномена требует предварительного осмысления природы КВ, особенностей их семантики, состава данных языковых единиц, их функционирования в разных стилях языка. Развитие культурологии, которое способствует возрождению национального самосознания и помогает в описании языковых явлений, невозможно без учета КВ, так как в семантике означенных устойчивых образований хранится информация о духовной культуре, искусстве не только своего народа, но и всего человечества.

Утвердившееся ранее мнение, что употребление оборотов с «печатью авторства» свойственно лишь образованным людям, опровергается: фразы из популярных песен, реплики из кино- и телефильмов, мультфильмов, цитаты из юмористических миниатюр, рекламные слоганы, выражения из выступлений известных политиков, артистов, передаваемые по радио и телевидению или опубликованные средствами печати, тексты, размещенные в Интернете, – все это входит в лексикон представителей разных возрастов, социального статуса и образовательного уровня, а «популярность крылатых единиц (КЕ) в современном языке позволила выдвинуть гипотезу о популярности этого пласта фразеологии в Рунете» [12, с. 248]. Как следует из вышесказанного, КВ являются косвенными, непосредственными свидетелями времени, изменений в жизни общества и отражают социальное самосознание языкового коллектива, мироощущение и эпоху.

Неоспоримым критерием включения КВ в состав фразеологического фонда языка являются: широкая употребительность этих выражений, их функционирование в словарном составе языка как одного из важнейших элементов эмоционально-экспрессивной речи; наличие оценочной функции, которой обладает большинство фразеологизмов вне зависимости от их разрядов, основные отличительные признаки ФЕ – сверхсловность,

раздельнооформленность, устойчивость, воспроизводимость в речи в готовом виде, регулярность употребления, а также факт фиксации в словарях.

По мнению Алефиренко Н. Ф., «когнитивно-культурологическая информация разными науками форматируется в разные мыслительные “упаковки”» [1, с. 274]. Поэтому сегодня наряду с актуализацией таких терминов, как *пословица, поговорка, цитата, скрытая цитата, аллюзия, реминисценция*, используемых для понятия КВ или КС, ученые в своих работах оперируют следующими терминами: *КВ, крылема, крылатема, крылатизм, энтоним, интертекстема, текстовые и языковые реминисценции, прецедентные тексты и прецедентные феномены, логоэпистема* и пр.

ВЫВОДЫ

Вопрос о статусе КВ и их месте во фразеологической системе того или иного языка окончательно не решен. Языковеды должны определить, что представляют собой КС и КВ и как должны описываться эти языковые единицы в специализированных словарях. Поэтому тезис, выдвинутый Шулежковой С. Г. в 2010 г., сохраняет актуальность: «Выделяя КЕ из общего лексико-фразеологического состава национального языка, исследователь должен четко представлять себе, во-первых, на каком основании он причисляет отобранные им слова и особенно обороты к языковым знакам; во-вторых, какими дифференциальными признаками они обладают; что отличает, например, сверхсловные КЕ от безымянных языковых единиц (фразеологизмов, пословиц и поговорок) и от обычных цитат» [15, с. 25].

Полемика, начавшаяся в 1960-е годы, о статусе КВ как языковых единиц продолжается до сих пор, так как данный вопрос остается спорным. Вместе с тем нельзя не признать, что они являются неотъемлемой частью языковой системы, так как построены по грамматическим законам и основным принципам языка, именно поэтому корпус КВ изучается отечественными фразеологами, о чем свидетельствует активный процесс терминоворчества. Сам термин, как и наука крылатология в целом, глубоко и серьезно разрабатываются в отечественной

лингвистике как с точки зрения анализа и описания изучаемых устойчивых языковых единиц, так и в аспекте их параметризации. Добавим, что постепенно складывается традиция обозначать науку, изучающую фонд КЕ национального языка, *крылатологией/крылатикой*, а словари КЕ называть *эптологическими*.

В заключение нужно подчеркнуть, что в российском языкознании учение о *крылатых единицах/крылемах/крылатемах/крылатизмах/эптонимах*, имеющее более чем вековую историю исследования, продолжается в активном изучении такой области фразеологии, как *«крылатология»/«крылатика»/«крылатистика»/«эптология»*. Имеющиеся различия в толковании и наименовании того или иного явления свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития данного лингвистического направления не только в России, но и в других странах. Необходимость описать фонд КВ, который отличается неоднородностью состава (идиомы, поговорки, афоризмы, пословицы, лозунги и пр.), наличием в нем заимствованных или являющихся интернациональными выражений определяет перспективу дальнейшего исследования отечественными фразеологами совместно с зарубежными коллегами. Терминоведческая проблема в крылатологии также ждет своего решения.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Логоэпистема – категория когнитивной лингвопоэтики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // На крыльях слова: материалы междунар. заоч. конф., посвященной юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой / Науч.-исслед. словарн. лаб., каф. РЯОЯиМК; гл. ред. А. А. Осипова, Н. В. Позднякова; чл. редколл.: С. А. Анохина, И. С. Клинова, Е. П. Соколова, Л. Н. Чурилина. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский дом печати», 2015. – С. 274–279.
2. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии [Текст] / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д.: Ростовский университет, 1964. – 315 с.

3. Бабкин, А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники [Текст] / А. М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
4. Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц [Текст] / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский / Под ред. Я. М. Боровского. – М.: Рус. яз., 1982. – 959 с.
5. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. [Текст] / Под ред. С. Г. Шулежковой / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2008. – Т. I. – 658 с.
6. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. [Текст] / Под ред. С. Г. Шулежковой. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2009. – Т. II. – 737 с.
7. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц [Текст] / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. – 623, [1] с.
8. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А. Н. Гвоздев. Учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
9. Дядечко, Л. П. Семантика русских цитат-реминисценций в оценочном аспекте [Текст] / Л. П. Дядечко // Русское языкознание. – Киев: [б/и], 1992. – Вып. 24. – С. 36–41.
10. Дядечко, Л. П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: Учебное пособие [Текст] / Л. П. Дядечко. – Киев: КНУ им. Т. Шевченко, 2006. – 336 с.
11. Каменев, К. В. Крылатые единицы, восходящие к синтетическим жанрам искусства, в современном русском и английском языке [Текст]: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.20 / К. В. Каменев. – Магнитогорск, 2012. – 241 с.
12. Ломакина, О. В. Роль крылатики в интернет-дискурсе: к постановке проблемы [Текст] / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы

- докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. – Москва: РУДН, 2017. – С. 247–254.
13. Макарова, А. С. Особенности интерпретации крылатых выражений в российском и французском языкознании [Текст] / А. С. Макарова // На крыльях слова: материалы междунар. заоч. конф., посвященной юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой / Науч.-исслед. словарн. лаб., каф. РЯОЯиМК; гл. ред. А. А. Осипова, Н. В. Позднякова; чл. редколл.: С. А. Анохина, И. С. Клинова, Е. П. Соколова, Л. Н. Чурилина. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский дом печати», 2015. – С. 61–66.
 14. Макарова, А. С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. С. Макарова. – М., 2016. – 250 с.
 15. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения [Текст]: Учебное пособие / В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д, 2004. – 288 с.
 16. Мокиенко, В. М. О фразеологическом уровне языковой системы [Текст] / В. М. Мокиенко // Филология. Вестник КРСУ. – 2017. – Том 17. – № 9. – С. 146–151.
 17. Новый французско-русский словарь [Текст] / В. Г. Гак, К. А. Ганшина – 10-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – XVI, 1160, [8] с.
 18. Телия, В. Н. О номинативном аспекте лексической семантики [Текст] / В. Н. Телия // Проблемы значения в современной лингвистике. – М.: Наука, 1977. – С. 77.
 19. Уолш, И. А. Русско-английский словарь крылатых слов. Russian-English Dictionary of Winged Words [Текст] / И. А. Уолш, В. П. Берков. – М.: Русский язык, 1988. – 288 с.
 20. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И. И. Чернышева. – М.: Высш.школа, 1970. – 199 с.
 21. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие [Текст] / С. Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

22. Шулежкова, С. Г. Имеют ли право крылатологи называть свои справочники словарями? (размышления по поводу языкового статуса крылатых единиц и принципов их лингвистического описания) [Текст] / С. Г. Шулежкова // Фразеология. Мир русского слова. – 2010. – № 4. – С. 23–28.
23. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы [Текст] / С. Г. Шулежкова, А. С. Макарова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 65–73.
24. Ashraf, M., Miannay, D. Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises, Paris: Cedex 06, 2010. – 415 p.
25. Bologne, J. C. Préface. Dictionnaire commenté des expressions d'origine littéraire. Les allusions littéraires. – Paris: Larousse, 1991. – P. 5–12.
26. Bologne, J. C. Dictionnaire commenté des expressions d'origine biblique. Paris: Larousse, 1999. – 320 p.
27. Conenna, M., Kleiber, G. De la métaphore dans les proverbes / M. Conenna, G. Kleiber // Langue française, 134, 2002 – P. 58–77
28. Gouvard, J.-M. Les formes proverbiales / J.-M. Gouvard // Langue française 110, 1996. – P. 48–63.
29. Maloux, M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Paris VI: Librairie Larousse, 1960. – 628 p.
30. Michaux, C. Proverbes et structures stéréotypées / C. Michaux // Langue française, 123, 1999. – P. 85–104.
31. Rey, A. Dictionnaire d'expressions et locutions / A. Rey et S. Chantreau. Paris: Le Robert, 2007. – 1088 p.
32. Schapira, C. Les stéréotypes en français. Proverbes et autres formules / C. Schapira. – Ophrys, 1999. – 173 p.
33. Vieillard, S. La fonction du proverbe dans le tissu discursif contemporain: ravaudage ou remaillage? / S. Vieillard // Chroniques slaves. Actes du colloque de Grenoble des 12-13-14 mai 2005. – Numéro 2. – Université Stendhal-Grenoble 3, 2006. – P. 201–212.

MODERN KRYLATOLOGY (WINGED WORDS STUDYING): GENESIS OF TERMINOLOGY

Makarova A.

Summary. The article deals with the creating terms in relation to the new branch of linguistics – krylatology (studying the winged words). Sharing the general approach to phraseology, the researchers accept the status of wings words and include them into the phraseological fund of a national language, but this question has not been answered yet. However, it should be accepted that these units are an integral part of the system of any language, as they are formed on the bases of common principals as well as grammar rules. That is the reason for them to be studied by our phraseologists which is proved by appearing lots of new terms. The term itself as well as the krylatology, is worked out in Russian linguistics from the point of viewing words analyses and description. They are also parameterized. The research is not easy because phraseologists use different terms to define the units and the discipline as a whole. The following terms are fixed for this branch of linguistics: *krylatology*, *krylatika*, *krylatistika*, *eptology*. But as the research prove, the working out and using the terms prove that the winged words study are gaining the status of a branch of linguistics and help to develop and share it as well as the verifying of its theory and counts results both in theory and practice.

Keywords: krylatology (the study of winged units), term, winged unit, phraseology, intertextuality.

References

1. Alefirenko N. F. Logoepistema – Kategoriya Kognitivnoi Lingvopoetiki [Logoepistema as a Category of Cognitive Linguapoethics]. Na Kryl'yakh Slova: Materialy Mezhdunar. Zaoch. Konf., Posvyashchyonnoi Yubileyu D-ra Filol. Nauk, Prof. S. G. Shulezhkovi. Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom Pechati Publ., 2015. Pp. 274–279.
2. Arkhangel'skii V. L. Ustoichivye Frazy v Sovremennom Russkom Yazyke. Osnovy Teorii Ustoichivyykh Fraz i Problemy Obshchei Frazeologii [Stable Phrases in Modern Russian. Fundamentals of the Theory of Stable Phrases and Problems of General Phraseology]. Rostov-on-Don: Rostovskii Universitet Publ., 1964. 315 p.
3. Babkin A. M. Russkaya Frazeologiya, ee Razvitie i Istochniki [Russian Phraseology, its Development and Sources]. Leningrad: Nauka Publ, 1970. 263 p.
4. Babichev N. T., Borovskii Ya. M. Slovar' Latinskih Krylatykh Slova [Dictionary of Latin Winged Words]. Ed. by Ya. M. Borovskii. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1982. 959 p.

5. Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. Bol'shoi Slovar' Krylatykh Slova i Vyrazhenii Russkogo Yazyka [A Large Dictionary of Winged Words and Expressions of the Russian Language]. Editor-in-Chief S. G. Shulezhkova. Magnitogorsk: Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat Publ., 2008. T. I. 658 p.
6. Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. Bol'shoi Slovar' Krylatykh Slova i Vyrazhenii Russkogo Yazyka [A Large Dictionary of Winged Words and Expressions of the Russian Language]. Magnitogorsk: Magnitogorsk University Publ.; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat Publ., Vol. 2. 2008. 737 p.
7. Bol'shoi Slovar' Krylatykh Slova Russkogo Yazyka [A Large Dictionary of Winged Words of the Russian Language]. Ed. by V. P. Berkov, V. M. Mokienko, S. G. Shulezhkova. Moscow: Astrel': Russkie Slovarei Publ., 2005. 623 p.
8. Gvozdev A. N. Ocherki po Stilistike Russkogo Yazyka [Essays on the Stylistics of Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1965. 408 p.
9. Dyadechko L. P. Semantika Russkikh Tsitat-Reminitsentsii v Otsenochnom Aspekte [Semantics of Russian Citations-Reminiscences in the Evaluation Aspect]. Russkoe Yazykoznanie. Kiev, 1992, no 24. Pp. 36–41.
10. Dyadechko L. P. «Krylatyi Slova Zvuk», ili Russkaya Eptologiya [Winged Words of Sound, or Russian Eptology]. Kiev: Kiev University Publ., 2006. 336 p.
11. Kamenev K. V. Krylatye Edinitsy, Voshodyashchie k Sinteticheskim Zhanram Iskusstva, v Sovremennom Russkom i Angliiskom Yazyke: Dis. ... Kand. Filolog. Nauk [Winged Units Ascending to Synthetic Genres of Art in Modern Russian and English]. Magnitogorsk, 2012.
12. Lomakina O. V., Mokienko V. M. Rol' Krylatiki v Internet-Diskurse: k Postanovke Problemy [The Role of the Krylatika in Internet Discourse: to the Formulation of the Problem]. III Firsovskie Chteniya. Lingvistika v XXI Veke: Mezhdistsiplinarnye Paradigmy: Materialy Dokladov i Soobshchenii Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii. Moscow, 2017, pp. 247–254.
13. Makarova A. S. Osobennosti Interpretatsii Krylatykh Vyrazhenii v Rossiiskom i Frantsuzskom Yazykoznanii [Features of the Interpretation of Winged Units in Russian and French Linguistics]. Na Kryl'yakh Slova: Materialy Mezhdunar. Zaoch.

- Konf., Posvyashchyonnoi Yubileyu D-ra Filol. Nauk, Prof. S. G. Shulezhkovoii. Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom Pechati Publ., 2015, pp. 61–66.
14. Makarova A. S. Osobennosti Funktsionirovaniya Krylatyh Vyrasheni-Gallitsizmov v Sovremennoi Frantsuzskoi i Rossiiskoi Publitsistike: Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Features of the Functioning of Winged Units-Gallicisms in Modern French and Russian Journalism]. Moscow, 2016.
 15. Melikyan V. Yu. Sovremennyi Russkii Yazyk. Sintaksis Nechlenimogo Predlozheniya [The Modern Russian Language. Syntax of a Non-Measurable Sentence]. Rostov-on-Don Publ., 2004. 288 p.
 16. Mokienko V. M. O Frazheologicheskom Urovne Yazykovoi Sistemy [On the Phraseological Level of the Language System]. Filologiya. Publ., 2017, Volume 17. no 9, pp. 146–151.
 17. Novyi Frantsuzsko-Russkii Slovar' [New French-Russian Dictionary]. Ed. by V. G. Gak, K. A. Ganshina. Moscow: Russki Yazyk – Media Publ., 2005. XVI, 1160, [8] p.
 18. Teliya V. N. O Nominativnom Aspekte Leksicheskoi Semantiki. Problemy Znacheniya v Sovremennoi Lingvistike. [On the Nominative Aspect of Lexical Semantics. Problems of Meaning in Modern Linguistics] Moscow: Nauka Publ., 1977.
 19. Uolsh I. A., Berkov V. P. Russko-Angliiskii Slovar' Krylatyh Slov [Russian-English Dictionary of Winged Words]. Moscow: Russkii Yazyk Publ. 1988. 288 p.
 20. Chernyshova I. I. Frazheologiya Sovremennogo Nemetskogo Yazyka [Phraseology of Modern German]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1970. 199 p.
 21. Shulezhkova S. G. Krylatye Vyrasheniya Russkogo Yazyka, ih Istochniki i Razvitie [Winged Units of the Russian Language, their Sources and Development]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2002. 288 p.
 22. Shulezhkova S. G. Imeyut li Pravo Krylatologi Nazivat' svoi Spravochniki Slovaryami? (Razmyshleniya po Povodu Yazykovogo Statusa Krylatyh Edinit i Printsipov ih Lingvisticheskogo Opisaniya) [Can Krylatologists Designate their Reference Books as Dictionaries? (on Linguistic Status of Winged Units and

- Principles of their Linguistic Description)]. *Frazeologiya*. Mir Russkogo Slova Publ., 2010, no 4, pp. 23–28.
23. Shulezhkova S. G., Makarova A. S. *Krylatye Vyrazheniya Frantsuzskogo Proiskhozhdeniya v Internatsional'nom Bloke Lozungov Sovremennoi Evropy* [The French Winged Units in the International Block of the Slogans of Modern Europe]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika* Publ., 2016, no 4, pp. 65–73.
24. Ashraf M., Miannay D. *Dictionnaire des Expressions Idiomatiques Françaises*. Paris: Cedex 06, 2010. 415 p.
25. Bologne J. C. *Dictionnaire Commenté des Expressions d'Origine Littéraire. Les Allusions Littéraires*. Paris: Larousse, 1991. P. 5–12.
26. Bologne J. C. *Dictionnaire Commenté des Expressions d'Origine Biblique*. Paris: Larousse, 1999. 320 p.
27. Conenna M., Kleiber, G. De la Métaphore dans les Proverbes. *Langue française*, 134, 2002. P. 58–77.
28. Gouvard J.-M. Les Formes Proverbiales. *Langue française* 110, 1996. P. 48–63.
29. Maloux M. *Dictionnaire des Proverbes, Sentences et Maximes*. Paris VI: Librairie Larousse, 1960. 628 p.
30. Michaux C. Proverbes et Structures Stéréotypées. *Langue française*, 123, 1999. P. 85–104.
31. Rey A. *Dictionnaire d'Expressions et Locutions*. Paris: Le Robert, 2007. 1088 p.
32. Schapira C. *Les Stéréotypes en Français. Proverbes et Autres Formules*. Ophrys, 1999. 173 p.
33. Vieillard S. La Fonction du Proverbe dans le Tissu Discursif Contemporain: Ravaudage ou Remaillage? *Chroniques slaves. Actes du colloque de Grenoble des 12-13-14 mai 2005. Numéro 2. Université Stendhal-Grenoble 3*, 2006. P. 201–212.

УДК 81`27

**СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ОТРАЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУРАХ**

Петренко Д. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Институт иностранной филологии, Симферополь, Россия.
daniil.petrenko@list.ru

Соловьева К. К.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Институт иностранной филологии, Симферополь, Россия.
christina.solowjowa@hotmail.com

Социальные перемены, которые имеют связь с многочисленными изменениями в структуре современного общества, привели к определенному так называемому расшатыванию традиционных литературных норм. Подобные изменения в современном немецком языке находят отражение не только в увеличении количества речевых ошибок, но и в существенном изменении современного словарного состава языка. Для понимания обиходной речи следует изучать также и разговорную лексику, чтобы иметь возможность расшифровать подтекст, остроты, ассоциативный план высказываний. На примере данного исследования можно ознакомиться с языком социально замкнутой группы лиц, для которого будут характерны специфичность используемой лексики, своеобразие ее употребления, то есть арго.

Ключевые слова: фонетика, социофонетика, социолингвистика, социолект, немецкий язык, языковая норма, жаргон, арго.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема исследования языковой вариативности на материале современного немецкого языка является актуальной и всегда привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов и германистов. Объектом исследования в данной работе являются лексические особенности немецкого языка в речи *социально замкнутой группы лиц, для которого будет характерна специфичность используемой лексики и своеобразие ее употребления.* Предметом изучения является лексический строй языка. Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить особенности социолекта *социально замкнутой группы лиц* в Германии; выявить лексические особенности немецкого языка в речи заключенных, пребывающих в местах лишения свободы. Поставленная цель предусматривает решение следующих задач:

1. Определить, чем является вариативность речи;
2. Рассмотреть понятие «социолект» и основные функции языка;
3. Выявить лексические особенности социолекта;
4. Рассмотреть и изучить содержание некоторых ключевых понятий данной работы, а именно: социолект, языковая норма, жаргон, аргот.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

К числу центральных проблем социолингвистики принадлежит социально обусловленная вариативность речи, характеризующаяся наличием двух измерений – стратификационного и ситуативного. Как известно, стратификационная вариативность связана с социальной структурой общества и проявляется в языковых и речевых различиях, которые характерны для представителей различных социальных слоев и групп. Ситуативная же вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств в различных речевых ситуациях [8; 10]. Современное общество условно разделяют на три класса. Так, по мнению следующих ученых-социологов, таких, как Т. Парсонс, Б. Барбер, К. Девис, Р. Коллинз, П. А. Сорокин, в стратификационных моделях общества выделяют три главных уровня:

1. Высший слой (высший класс),
2. Средний слой (средний класс),
3. Низший слой (низший класс).

Р. Мертон понимает термин «социальная группа» как совокупность индивидов, которые взаимодействуют между собой определенным образом и осознают свою принадлежность к той или иной группе людей [7]. Распространенным мнением является следующее: вследствие того, что каждый человек может быть представителем как одной, так и совершенно разных социальных групп, которые, в свою очередь, будут различаться по характеру взаимодействия, степени организованности и т. д., возникла потребность классифицировать социальные группы по определенным критериям [7]. Так,

социологи выделяют следующие типы классификаций: 1) по характеру взаимодействия (первичные и вторичные), где первичными будут являться те группы, в которых, как правило, у индивида будет, происходит социализация (семья, школа, сверстники), а вторичной группой считается та группа, где индивид сможет проявить уже непосредственно свои личные качества; 2) формальные и неформальные группы. 3) Ингруппы и аутгруппы (по отношению к индивиду); 4) малые и большие группы (количественный состав); 5) реальные и номинальные (социально значимые признаки), где реальными группами будут являться те группы, которые можно определить по социально значимым критериям, таким, например, как, пол, возраст, доход, национальность, семейное положение, профессия, место жительства, а номинальными (условными) являются, например, пассажиры-льготники, матери-одиночки и т. д. [7].

Стоит обратить внимание на то, что любая социальная группа в первую очередь немислима без средства общения, то есть языка. Язык развивается и является коллективным достоянием. Основной целью каждого языка является обеспечение коммуникации между людьми [11]. Важно отметить, что основными социальными функциями языка в современном обществе являются:

1. Коммуникативная, или информативная;
2. Познавательная, или когнитивная;
3. Интерпретивная, или когнитивная;
4. Социативная;
5. Фатическая;
6. Эмоционально-экспрессивная;
7. Эстетическая;
8. Этнокультурная;
9. Метаязыковая [11].

Первыми исследователями, которых заинтересовал вопрос о влиянии общества на язык, были античные философы, но следует заметить, что первым серьезным социолингвистическим исследованием является научный труд П. Лафарга «Язык и революция» (1894 г.). Позже, на рубеже XIX и XX веков, во

Франции была сформирована первая школа социальной лингвистики лингвистом А. Мейе. Языковед полагал: «Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка». В свою очередь французский лингвист Ж. Вандриес полагал: «У каждого члена группы есть ощущение, что он говорит на определенном языке, который не является языком какой-либо из соседних групп. Таким образом, язык приобретает реальное существование в ощущении, общем у всех говорящих на нем. Это определение, на первый взгляд совершенно субъективное, опирается на тот факт, что к ощущению общности языка присоединяется у говорящих стремление к известному языковому идеалу, который каждый из говорящих старается осуществить в своей речи. Между членами одной и той же группы как бы существует установившееся молчаливое соглашение поддерживать язык таким, как это предписывается нормой» [9]. Важно и такое указание Ж. Вандриеса: «Каждый член данной языковой общины... всегда инстинктивно и бессознательно сопротивляется произволу в употреблении языка. Всякое нарушение обычного употребления языка со стороны отдельного говорящего сейчас же исправляется; смех наказывает виновника и отнимает у него желание повторить ошибку» [9]. Понятие нормы понимается Ж. Вандриесом шире, чем это принято в традиции: он подчеркивает, что норма существует не только в стандартных языках, но в любом диалекте и говоре. Более того, при отсутствии фиксации на бумаге она тем строже: если литературные языки допускают вариативность, то «говорящие на говорах почти никогда не колеблются» [9]. Представители различных социальных групп, как правило, используют только те или иные слова и выражения и избегают, воздерживаются от других. В свою очередь, В. М. Бухаров считает, что норма – это выбор языковых манифестантов, которые соответствуют определенным условиям, и обеспечение их реализации в соответствии с требованиями того или иного типа коммуникативной ситуации, где выделяет два типа нормы: систему чистых форм и узус [2].

Очевидным является то, что кроме языковой нормы, в каждом языке также существуют и определенные типы лексем. В первую очередь выделяют

общенародную лексику и лексику ограниченного употребления. Под общенародной лексикой принято понимать совокупность определенных слов, употребление которых будет свойственно всем говорящим на том или ином языке и не ограничено какой-либо территорией, профессией или социальным статусом [4]. Что касается второго варианта лексики, то ее употребление будет ограниченным, как правило, в силу различных экстралингвистических факторов.

Так, к лексике ограниченного употребления принято относить:

- диалектизмы;
- жаргонизмы;
- специальные слова.

В целом, современные лингвисты выделяют следующие основные типы лексики:

1. Лексика устной речи (разговорная, просторечная);
2. Лексика письменной речи (книжная, торжественная, официально-деловая, научная);
3. Профессиональная или специальная лексика;
4. Общеупотребительная лексика;
5. Диалектизмы;
6. Жаргонизмы (арго);
7. Неологизмы;
8. Историзмы, или архаизмы.

В данной работе хотелось бы в первую очередь рассмотреть более детально язык социально замкнутой группы лиц, для которого будет характерна специфичность используемой лексики, своеобразие ее употребления, но который не будет иметь собственной фонетической и грамматической системы, то есть арго. Современные языковеды определяют арго как особое наречие, на котором говорят между собой воры, чтобы иметь возможность скрыть свои замыслы от посторонних лиц [6]. Принято считать, что социолингвистические аспекты криминальной субкультуры изучает лингвокриминалистика. В свою очередь, термин *лингвокриминалистика* имеет следующие значения: 1) раздел науки о

языке, изучающий текст для юридических целей; 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз [3]. Примером воровского жаргона (Knastsprache) в современном немецком языке может послужить язык заключенных, которых в Германии, по официальным данным ICPS за 2017 год, насчитывается 64397 человек. В ходе исследования было отобрано **85** лексических единиц, которые можно разбить на **4** группы [12].

- Так, например, для обозначения **тюремных реалий** выявлено **25** лексем: **Abpissen:** Urinkontrolle (UK), die für die Gewährung von Vollzugslockerungen (Ausgang, Urlaub) auffälligen Gefangenen angeordnet werden kann.

Bambule: Gezieltes gemeinsames Lärmen der Inhaftierten durch Trommeln oder Klopfen, um so Unmut oder Protest auszudrücken.

Bunker: Besonders gesicherter Haftraum, in dem Gefangene zum Schutz vor Selbst- oder Fremdgefährdung vorübergehend untergebracht werden können.

Grüne Minna: besonders gesicherter Bus für den Gefangenentransport.

Hütte: Zelle.

Pendeln: Mit einem Seil Gegenstände von einem Zellenfenster zum anderen pendeln, oft über größere Entfernungen.

Schmackofatz: Anstaltsverpflegung.

B-Zelle: Beruhigungszelle.

Qualm: Freiheitsstrafe.

Einen Rucksack bekommen: in Sicherungsverwahrung kommen.

Wohnklo: die Zelle.

Boiler, Bello: Klo.

Acht: Handschelle.

Ufo: undefinierbares Fleischobjekt (Frikadelle).

Muckibude: Kraftsportraum.

JVA / JSA: Justizvollzugsanstalt / Jugendstrafgsanstalt.

Aufschluß: Zeit, in der die Zellentür geöffnet ist.

Blubba: Übliche Samstags-Knastsuppe.

Filzen: Durchsuchen (einer Person; einer Zelle).

Hofgang: Gesetzlich vorgeschrieben Freistunde für mind. 1 Std./Tag auf dem Hof innerhalb der Anstalt.

Wikingerrisotto: (Meist nicht genauer definierbare) Masse aus Fischresten und Reis.

Lebendkontrolle: Stündliche oder häufigere Beobachtung bei Suizidgefahr (auch nachts, meist mit Wecken).

LL: Lebenslänglich: in NRW momentan meist zwischen 17 und 25 Jahre Haft.

- Для обозначения **личных вещей** были проанализированы следующие **22** лексемы:

Angesetzter, Aufgesetzter: selbst angesetzter Alkohol.

Aktive: Fabrikzigarette (im Gegensatz zur Selbstgedrehten).

Bombe: Glas mit löslichem Kaffee oder 100 bis 200 Gramm Dose Tabak, das/die als Zahlungsmittel verwendet wird.

Blech: Aluminiumfolie zur Heroinaufbereitung.

Miefquirl: Ventilator.

Blubber: Eintopf oder auch ein Rauchgerät ähnlich einer Wasserpfeif.

Gift: Drogen.

Kasi: Oder Casi: Radio mit Kassettenrecorder.

Kawumm: Rauchgerät bestehend aus dem Innenteil einer Toilettenpapierrolle und Silberpapier zum Konsum von rauchbaren Drogen.

Knochen: Schlüssel.

Koffer (mit Henkel): 40-Gramm-Päckchen Tabak (mit einem Heftchen Zigarettenpapier), das auch als Währung verwendet wird.

Moped, Mofa, Turbo, Brummi: (selbst gebauter) Tauchsieder/Tätowiermaschine.

Schlick: Essen.

Schwinge, Schüttelcomic, Schleuderwestern: Erotikheft/- oder Pornomagazin.

Shore: Heroin, allgemein auch für (gestohlenen) «Zeug», «Sachen».

Ziegel: 200-Gramm-Päckchen Tabak.

- **26** лексем – для того, чтобы обозначить **род деятельности человека**, в некоторых случаях также для того, чтобы **определить, за что был осужден человек**:

Dachdecker: Vollzugspsychologe.

Chef: Damit ist immer der Anstaltsleiter gemeint; je nach Persönlichkeit wegen fast unbegrenzter Möglichkeiten manchmal auch «Herrgott» genannt.

Drogist: Gefangener, der wegen Verstoßes gegen das BtMG einsitzt oder in der Haft mit Drogen handelt bzw. selbige konsumiert.

Daktari: Anstaltsarzt, -ärztin.

Vollzugsschlampe: Transsexueller oder bi-orientierter Knacki.

Giftler: (siehe *Drogist*).

Kas: Abteilungsbeamter, basiert auf der Abkürzung für «Kaiserlicher Arrest Schließer».

Sozialklemptnerin: Sozialarbeiterin.

LAV: Leiter Allgemeiner Vollzugsdienst.

Grüner: die uniformierten Schlüsselgewaltigen.

Trachtengruppe: Uniformierte Vollzugsbeamte.

Hausl: Hausarbeiter (wie Wäschehausl, Schulhausl, ...).

Kalli: im norddeutschen Raum für *Kalfaktor*, also den «Hausarbeiter», der für die Abteilung zuständig ist und das Essen verteilt.

Kamine-Freier: Betrüger, Angeber.

Reißer: Vergewaltiger.

Schließer/in, Wachtel: Justizvollzugsbedienstete/r.

Sittich, Kifi, Fifi: Kindesmissbrauchstäter.

Sixpack: Bulli der Polizei.

Spaltengucker: Kammerbeamter (für körperliche Durchsuchung zuständig).

Spannmann: Der Mitinsasse in einer Zweierzelle.

Zellenspanner: (siehe *Spannmann*).

Zinker: Verräter.

Strecker: Vollstreckungsleiter im Jugendstrafvollzug (zuständiger Amtsrichter).

- 12 глаголов, которые описывают действия заключенных:

Den langen Schuh machen: Flüchten, ursprünglich wahrscheinlich aus dem

Hooligan-Jargon stammend.

Die Hütte kommen lassen: Im Haftraum randalieren und dessen Mobiliar beschädigen.

In den Harz fahren: Dahin gehen, wo der Pfeffer wächst: «Fahr in Harz, Du Spacken!».

Kamine machen: Angeben, so tun als ob, etwas vorgeben: «Krank? Mach keine Kamine!».

Pop Shop haben/kriegen: Entzug der Genehmigung der Teilnahme an Freizeitveranstaltungen, auch mit TV-Entzug.

Strippen: Ganzkörperkontrolle.

Sich grade machen: sich schlagen (oder seine Schuld bezahlen), um nicht zu kneifen oder nichts auf sich sitzen zulassen («da musste ich mich grade machen»), auch im Sinne von: die Verantwortung übernehmen.

Abkacken: Zeit im Knast verbringen, auf der Zelle hocken.

Auf Ampel gehen: Notrufknopf in der Zelle betätigen.

Auf tief tun: Etwas vor den Beamten verstecken.

Umschluss: Besuch in einer anderen Zelle.

Ballern: Einen Schuss setzen; Heroin – oder seltener andere Drogen – spritzen.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сделать вывод об актуальности темы, так как данный социолект в немецком языке является малоизученным, вследствие чего собранный и проанализированный материал мог бы стать базой для дальнейших научных исследований в области социолингвистики. Стоит также отметить тот факт, что ряд арготизмов все чаще проникает в общенародный язык, сохраняя при этом негативную коннотацию (*die Bullen*). Многие современные зарубежные и отечественные лингвисты отмечают, что важно уделять внимание разговорной лексике, для того чтобы иметь возможность понимать обиходную речь, а именно расшифровывать подтекст, остроты и ассоциативный план высказываний.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 2-е, стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Бухаров, В. М. Кластер в полицентрическом языке [Текст] / В. М. Бухаров // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2012. – № 1 (17). – С. 21–28.
3. Грачев, М. А. Проблемы становления и формирования лингвокриминалистики как науки [Текст] / М. А. Грачев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 497–500.
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
5. Златоустова, Л. В. Акустические параметры эмоциональной речи в реальных речевых ситуациях [Текст] / Л. В. Златоустова С. А. Крейчи // XI Сессия Российского акустического общества. – 2001. – № 1. – С. 128.
6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
7. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
8. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. К. Мертон. – М.: АСТ Москва Хранитель, 2006. – 873 с.
9. Петренко, А. Д. О некоторых признаках немецкого консонантизма в социофонетическом и фоностилистическом аспектах [Текст] / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. – 2015. – Том 1 (67), № 2. – С. 53–61.
10. Сергиевский, М. В. Антуан Мейе и его «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» [Текст] / М. В. Сергиевский. – М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. – С. 3–50.

11. Швейцер, А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики [Текст] / А. Д. Швейцер // Социально-лингвистические исследования. – 1976. – № 2. – С. 31–42.
12. Язык как социальное явление. Связь языка и общества. Язык как этнический признак. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/yazyk13/podgotovka-k-ekzamenu/azyk-kak-socialnoe-avlenie-svaz-azyka-i-obsestva-azyk-kak-etniceskij-priznak> (Дата обращения: 21.01.2018).
13. Kleines Lexikon der Knastwörter. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.knast.net/article/kleines_lexikon_der_knastwoerter (Дата обращения: 29.01.2018).

SOCIAL DIFFERENCES IN THE SOCIETY AND REFLECTION OF SOCIAL FACTORS IN LANGUAGE STRUCTURES

Summary. Social changes which are associated with numerous changes in the structure of modern society, have led to a certain so-called loosening of traditional literary norms of a language. Similar changes in the modern German language are reflected not only in the increase of speech mistakes but also in a significant change of the language modern vocabulary. To understand ordinary language, we should also study social expressions in order to be able to understand the subtext, jokes and the associative plan of statements. On the example of the study can be found the language of social closed group of persons, which will be characterized by the specificity of the vocabulary that is argot.

Keywords: phonetics, sociophonetics, sociolinguistics, sociolect, German, language norm, jargon, argot.

References

1. Akhmanova O. S. Slovar Lingvisticheskikh Terminov [Glossary of Linguistic Terms]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 571 p.
2. Bukharov V. M. Klaster v Politsentricheskom Yazyke [Cluster in the Polycentric Language]. Vestnik Nizhegorodskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta im. N.A. Dobrolyubova, 2012, no 1(17), pp. 21–28.
3. Grachov M. A. Problemy Stanovleniya i Formirovaniya Lingvokriminalistiki kak Nauki [Problems of the Development and Formation of Forensic Linguistics as a Science]. Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2010, no 4, pp. 497–500.

4. Zhrebilo T. V. Slovar Lingvisticheskikh Terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran: Pilgrim Publ., 2010. 486 p.
5. Zlatoustova L. V., Kreichi S. A. Akusticheskie Parametry Emocionalnoi Rechi v Realnykh Rechevykh Situatsiyakh [Acoustic Parameters of Emotional Speech in Real Speech Situations]. XI Sessiya Rossiiskogo Akusticheskogo Obshchestva, 2001, no 3, p. 128.
6. Krysin L.P. Tolkovyi Slovar Inoyazychnykh Slov [The Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 944 p.
7. Merton R. K. Sotsialnaya Teoriya i Sotsialnaya Struktura [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST Hranitel Publ., 2006. 873 p.
8. Petrenko A. D. O Nekotorykh Priznakah Nemetskogo Konsonantizma v Sotsiofoneticheskom i Fonostilisticheskom Aspektakh [On Some Features of the German Consonantism in the Sociophonetic and Phonostylistic Aspects]. Nauchnyi Zhurnal Uchenye Zapiski KFU imeni V. I. Vernadskogo, 2015, no 2, pp. 53–61.
9. Sergievskii M. V. Antuan Meie i Ego Vvedenie v Sravnitelnoe Izuchenie Indoevropeskikh Yazykov [Antoine Meye and his Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow: GSE Publ., 1938. pp. 3–50.
10. Shveitser A. D. K Razrabotke Ponyatiinogo Apparata Sotsiolingvistiki [To the Development of the Conceptual Apparatus of Sociolinguistics]. Sotsialno-Lingvisticheskie Issledovaniya, 1976. pp. 31–42.
11. Yazyk kak Sotsialnoe Yavlenie. Svyaz Yazyka i Obshestva. Yazyk kak Etnicheskii Priznak [Language as a Social Phenomenon. Relationships between Language and Society. Language as an Ethnic Sign]. Available at: <https://sites.google.com/site/yazyk13/podgotovka-k-ekzamenu/azyk-kak-socialnoe-avlenie-svaz-azyka-i-obshestva-azyk-kak-etniceskij-priznak>. (accessed 21 January 2018).
12. Kleines Lexikon der Knastwörter. Available at: https://www.knast.net/article/kleines_lexikon_der_knastwörter. (accessed 21 January 2018).

УДК 81'271.2

**ОБУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ
КУЛЬТУРЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ:
ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

Шилина А. Г., Субботина О. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru

В статье описываются опыт внедрения программы «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» в систему дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в Республике Крым, а также практика реализации данной программы в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского. Программа обучения состоит из пяти тематических модулей: «Потенциал современного русского литературного языка и культуры речи в коммуникации государственных гражданских служащих», «Правильность как коммуникативное качество профессиональной речи государственных гражданских служащих», «Чистота как коммуникативное качество профессиональной речи государственных гражданских служащих», «Точность и логичность как важные коммуникативные качества профессиональной речи государственных гражданских служащих» и «Система функциональных стилей современного русского литературного языка. Официально-деловой стиль как основа профессиональной коммуникации государственных гражданских служащих». К каждому тематическому модулю подготовлены методические кейсы, содержание которых коррелирует с видом деятельности должностных лиц в министерствах различной отраслевой принадлежности. Двухгодичная (2016–2017 гг.) образовательно-просветительская кампания по реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского позволила не только обучить навыкам деловой письменной коммуникации госслужащих Республики Крым, но и наметить перспективы сотрудничества таких социально значимых институций, как «Наука», «Образование», «Власть».

Ключевые слова: русский язык; культура речи; официально-деловые тексты; дополнительное профессиональное образование; дополнительная профессиональная программа повышения квалификации; государственные гражданские служащие; Республика Крым.

ВВЕДЕНИЕ

В Республике Крым и городе федерального значения Севастополе как сравнительно молодых субъектах Российской Федерации государственные гражданские служащие нуждаются в усовершенствовании знаний и навыков деловой устной и письменной коммуникации на русском языке.

Актуальность заявленной профессиональной необходимости обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Лингвистический фактор. До марта 2014 года в программу повышения квалификации крымских госслужащих была включена учебная дисциплина «Ділова українська мова» (рус. «Деловой украинский язык»), так как в тот исторический период государственным языком являлся украинский язык, а русский язык имел статус регионального языка, то есть языка, который, по определению, данному в Законе Украины «Про засади державної мовної політики» (2012) (рус. «О принципах государственной языковой политики»), «традиционно используется в пределах определенной территории государства гражданами этого государства, составляющими группу, численность которой меньше, чем остальное население этого государства, и/или отличается от официального языка (языков) этого государства» [4].

Экстралингвистический фактор. Успешная реализация федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года», задачами которой являются «устранение ограничений транспортной и инженерной инфраструктуры; повышение качества энергоснабжения региона; развитие социальной сферы; обеспечение межнационального согласия» [15], зависит от уровня профессиональной подготовки госслужащих, в том числе и от их языковой компетентности.

Таким образом, на момент образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя (21 марта 2014 года) [16] у государственных гражданских служащих был «опыт государственной службы в украинских реалиях и, соответственно, опыт украиноязычного делопроизводства» [19, с. 355].

С учетом названных факторов с 2016 года в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского реализуется дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» [13] для государственных гражданских служащих Республики Крым.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Цель и содержательное наполнение дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов»

Методическая миссия программы заключается в формировании у слушателей навыков «владения коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в официально-деловой коммуникации; коммуницирования в устной и письменной формах на русском языке для решения задач профессиональной деятельности; планирования и осуществления публичных выступлений (с применением уже имеющихся навыков ораторского мастерства, а также грамотного письменного сопровождения устных деловых выступлений письменными формами текстов); создания, редактирования, реферирования и систематизирования всех типов текстов официально-делового стиля» [2, с. 4].

Обучение госслужащих проходит в очной форме, трудоемкость курса – 36 часов. По завершении занятий предусмотрена итоговая аттестация и выдача удостоверений о повышении квалификации.

Программа состоит из пяти тематических модулей.

Первый тематический модуль – «Потенциал современного русского литературного языка и культуры речи в коммуникации государственных гражданских служащих» – включает изучение понятий «национальный язык», «общенародный язык» и «литературный язык», а также критерии их дифференцирования; содержит изучение таких неотъемлемых признаков литературного языка, как распространенность, нормированность, письменная и устная формы его реализации; детерминирует внелитературные элементы языка (диалектизмы, варваризмы, жаргонизмы, узкие профессионализмы); идентифицирует современное состояние и перспективы языковой нормы, а также акцентирует внимание слушателей курса на профессиональной деятельности

государственных гражданских служащих в связи с их деловой коммуникацией и речевой культурой.

Во **втором тематическом модуле** – «Правильность как коммуникативное качество профессиональной речи государственных гражданских служащих» – формируется понятие о правильности речи должностных лиц и ее соответствии нормам литературного языка; определяются типы языковых норм (орфоэпических, фонетических, лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, орфографических и пунктуационных) и отклонения от них, часто встречающиеся в коммуникации чиновников; обсуждаются способы совершенствования языковых норм в речи государственных гражданских служащих.

В рамках **третьего тематического модуля** – «Чистота как коммуникативное качество профессиональной речи государственных гражданских служащих» – рассматривается понятие «чистота речи»; описываются элементы языка, засоряющие речь: диалектизмы и их подтип – украинизмы, активно функционирующие в устном и письменном общении госслужащих Республики Крым в результате долгосрочного опыта деловой коммуникации на украинском языке; иноязычные слова и выражения в современном русском языке, а также возможности и границы их рационального употребления в деловой практике государственных гражданских служащих; варваризмы, жаргонизмы, арготизмы, вульгаризмы, табуированные лексемы и профессиональные сленгизмы в речи должностных лиц.

Четвертый тематический модуль – «Точность и логичность как важные коммуникативные качества профессиональной речи государственных гражданских служащих» – посвящен изучению понятий «языковая точность» и «языковая логичность», анализу языковых фактов, конструирующих точную речь и, наоборот, нарушающих ее:

- на лексическом уровне: полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, паронимия, термины и терминологические сочетания, особенности их значения и употребления в официально-деловых текстах;

- на синтаксическом уровне: порядок слов, однородные члены, обособленные члены предложения, выраженные причастными и деепричастными оборотами.

Кроме этого, в границах модуля исследуются экстралингвистические факторы деловой коммуникации, обеспечивающие точность речи или препятствующие ей: кинесические, проксемические и вокалические условия общения; обсуждается соотношение дефиниций «точность», «правильность» и «логичность»; дифференцируются логические ошибки (абсурдность, непоследовательность, противоречивость); аргументируется значимость языковой точности и логичности речи в письменной и устной деловой коммуникации государственных гражданских служащих.

В пятом тематическом модуле – «Система функциональных стилей современного русского литературного языка. Официально-деловой стиль как основа профессиональной коммуникации государственных гражданских служащих» – определяется концепция официально-делового стиля как базиса профессиональной коммуникации; рассматриваются особенности языковой и документной компетентности должностных лиц; изучаются речевые особенности официальных документов (характеристика языковых средств, использующихся в личных, распорядительных, административно-организационных, информационно-справочных документах, деловых письмах); обсуждаются экстралингвистические особенности официально-делового стиля; проводится профилактическая работа по выявлению и предупреждению всех типов языковых ошибок в документах, подготовленных государственными гражданскими служащими.

Дополнительная профессиональная программа «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» как инструмент повышения коммуникативной квалификации госслужащих в работе с обращениями граждан и организаций

Для формирования необходимых профессионально-коммуникативных компетенций у государственных гражданских служащих содержание

методических кейсов по каждому тематическому модулю коррелирует с видом деятельности должностных лиц в учреждениях различной отраслевой принадлежности. В связи с этим базовая практическая часть материала, используемого в процессе обучения госслужащих, представлена в виде выборки из официально-деловых текстов, опубликованных на сайте правительства Республики Крым в разделе «Министерства»: «Работа с обращениями граждан и организаций / Информация о работе с обращениями граждан и организаций / Ответы на обращения граждан и организаций» [5–10].

Приведем примеры контекстов, демонстрирующих отступления от языковых норм современного русского литературного языка на уровне официально-деловых документов в рамках тематических модулей программы.

1. Анализ выбранных контекстов позволил выявить типичные (часто повторяющиеся) отклонения от лексической и синтаксической нормы, «иллюстрирующие» содержание **первого тематического модуля** – «Потенциал современного русского литературного языка и культуры речи в коммуникации государственных гражданских служащих»:

«На основании полученной информации был предоставлен ответ по несанкционированной торговле ПО «Весна» в части предпринятых администрацией города Бахчисарай мер реагирования по данным фактам нарушения прав и охраняемых законом интересов в сфере предпринимательской деятельности в Республике Крым» [8].

Ошибочное употребление паронима *предоставить* вместо необходимого по значению *представить* (в данном случае правильно: был **представлен** ответ) является широко распространенной практикой ответа служащих министерств на обращения граждан [19, с. 364–365].

Рассматриваемый пример деловой коммуникации также демонстрирует и ошибки при управлении зависимыми словами. В соответствии с синтаксической нормой русского литературного языка отглагольное имя существительное *ответ* ← *ответить* требует следующие падежные формы зависимых слов: «*на что/чем/за кого-что*» [11, с. 286], а производный субстантив *реагирование* (здесь:

меры реагирования) ← реагировать подразумевает управление существительным в винительном падеже с предлогом *на*: «*реагировать на что*. Проявлять каким-л. образом свое отношение к (кому-), чему-л.: остро реагировать на проявление несправедливости < реагирование: реагирование на критику» [1]. Кроме того, согласованное приложение следует употреблять в том же падеже, что и существительное, к которому оно относится: «*города Бахчисарая*», а не так, как в анализируемом контексте.

Стилистические погрешности и канцеляризмы сопровождают этот же пример письменного общения государственных гражданских служащих с гражданами. Так, сочетание «*в части*», являясь единицей разговорного стиля: «*в части чего*. в зн. предлога. Разг. В отношении чего-л.: знающий человек в части огородничества» [1], вряд ли допустимо при официально-деловой коммуникации, а единицы «*несанкционированная торговля*», «*по данным фактам*», «*в сфере предпринимательской деятельности*» отягощают текст и затрудняют понимание написанного, представляя собой такое нежелательное явление, как канцелярит [3, с. 141; 18, с. 141].

1. Образцы письменной деловой коммуникации госслужащих демонстрируют недостаточное владение различными языковыми нормами, которые определяются и комментируются во **втором тематическом модуле** программы – «Правильность как коммуникативное качество профессиональной речи государственных гражданских служащих». Например:

1.1. Наблюдается ошибочное раздельное написание слова «также»: «*Обращения граждан, относительно предоставления государственных услуг Государственного комитета по регистрации и кадастру РК, а так же относительно несвоевременного предоставления услуг в отделениях ГБУ РК...*» [5; 12, с. 736]. В указанном контексте содержится и пунктуационная ошибка: запятая неверно разделяет грамматическую форму имени существительного «*граждан*» и предлог «*относительно*», нарушая тем самым синтаксическую связь внутри членов предложения. Подобная ошибка довольно часто встречается в официально-деловой документации чиновников: «*По обращениям граждан*

относительно отмены льгот при оплате услуг связи, даются разъяснения согласно действующему законодательству» [5], что свидетельствует о необходимости более пристального внимания к расстановке пунктуационных знаков во время повышения квалификации государственных гражданских служащих.

1.2. Допускается неверное построение предложения с причастным оборотом: *«Министерством направляются запросы в организации, осуществляющие предоставление данных услуг, о проведении ремонтных работ в кратчайшие сроки»* [5], где ошибка связана с неправильным порядком слов.

1.3. Ошибки в использовании однородных членов предложения встречаются в письменной коммуникации должностных лиц достаточно регулярно: *«Основные вопросы, которые затрагивались во время проведения личных приемов: получение лицензии на розничную продажу алкогольной продукции; относительно деятельности ГУП РК «Крымрегионторг»; о сотрудничестве с министерством; заключение договоров аренды; ... об участии специалистов министерства в инвестиционном форуме»* [6]. Сравним также: *«Заявителям даны разъяснения о порядке предоставления государственной поддержки начинающим фермерам и на развитие семейных животноводческих ферм, и по устойчивому развитию сельских территорий в Республике Крым и по вопросам участия в программах»* [7].

1.4. Отклонения от нормы при формировании синтаксической связи главного и зависимого слова являются как самостоятельной речевой ошибкой, так и причиной неверного построения однородных конструкций в предложении. Например: *«о предоставлении средств грантовой поддержки местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности»* [7] – следует писать: «местным инициативам граждан».

Часто встречающаяся разновидность ошибки в образовании синтаксической связи – отсутствие зависимого слова: *«Основной причиной увеличения^{чего?} послужило направление одним заявителем обращения одновременно в несколько вышестоящих инстанций, которые затем*

направляются в министерство для дальнейшего рассмотрения. По данному виду обращений проводится работа по рассмотрению^{чего?} в установленные сроки» [6].

1.5. Фиксируется комплексное нарушение лексических, морфологических, синтаксических и стилистических норм современного русского литературного языка на уровне типовых контекстов: «Для рассмотрения обращений, касающихся ценообразования на продовольственном рынке продтоваров, по существу изложенных вопросов, в случае необходимости сотрудниками управления совместно со специалистами администраций муниципальных образований, а также в присутствии заявителей осуществляются выездные обследования (мониторинги) за порядком» [6]. В приведенном примере привлекают внимание необоснованная синонимизация («обследование» ≠ «мониторинг»), тавтология, злоупотребление канцеляризмами, «нанизывание» имен существительных в форме родительного падежа, использование неверной формы зависимого слова в словосочетании «обследования за порядком».

2. Владение чистой речью, содействующей экологии современного языка [20], является необходимой профессиональной компетенцией, формирующейся и отрабатывающейся с помощью практических заданий **третьего тематического модуля** – «Чистота как коммуникативное качество профессиональной речи государственных гражданских служащих».

Слушателям программы предлагается освободить устную и письменную речь от таких профессиональных жаргонизмов, как «**отозвать** заявление», «**загрузить** весь коллектив работой», «**наработать** определенный опыт», «**проработать** вопрос» [19, с. 368–369]. Такие единицы речи, как «налоговики» и «кадровики», которые, по мнению С. В. Самойловой, встречаются во многих ситуациях служебного общения [14, с. 41], присущи в том числе и речи государственных служащих Республики Крым. Например: «Налоговики усиливают контроль за движением денежных средств в рамках реализации крымской ФЦП. Вопросы более тесного взаимодействия налоговых органов Крыма и Дирекции по управлению ФЦП “Социально-экономическое развитие

Республики Крым и г. Севастополя» обсудили на специальном совещании руководителей этих структур» [10]; «В числе слушателей – кадровики государственных учреждений, работники сферы труда и социальной защиты населения, представители социальных служб и лидеры профсоюзных организаций городов Юго-Восточного Крыма» [9].

3. Анализ фрагментов деловой коммуникации в **четвертом тематическом модуле** – «Точность и логичность как важные коммуникативные качества профессиональной речи государственных гражданских служащих» – позволил выявить типичные способы дезорганизации точности и логичности речи, а также сформировать практические задания для их освоения.

4.1. Достаточно часто в деловом общении госслужащих встречается тавтология, нарушающая точность речи: «При обращении граждан, связанных с реализацией алкогольной продукции без разрешительных документов (лицензии), такие обращения оперативно направляются в Министерство внутренних дел по Республике Крым...» [6]; «Количество обращений связано с вопросами: конфликтными ситуациями между собственниками рынков и предпринимателями, арендующими торговые места; вопросами деятельности промышленных предприятий и выплатам задолженности по заработной плат [6].

4.2. Плеонастическая речь должностных лиц часто сопровождается использованием канцеляризмов: «Относительно изменения очередности в дошкольные образовательные учреждения – в каждом конкретном случае даются разъяснения по вопросу функционирования электронной очереди в ДОО, проводится проверка корректности функционирования электронной очереди по каждому заявителю» [5].

4.3. Допускается употребление слов в несоответствующем значении: «на обращения граждан в отношении организаций получивших лицензию на розничную продажу алкогольной продукции на территории Республики Крым и нарушающих нормы действующего законодательства (обособление пунктуационно не выделено. – Прим. А. Ш., О. С.) сотрудниками Министерства осуществляются внеплановые выездные документарные проверки» [6]. Лексема

«документарный» является экономическим термином («документарный аккредитив», «документарный вексель» [17]), который следовало бы заменить сочетанием «проверка документации».

4. При отборе образцов деловой коммуникации для практических заданий учитывалось то, что представление государственных гражданских служащих об официально-деловом стиле в системе функциональных стилей современного русского литературного языка недостаточно четкое, поэтому упражнения, составляющие методический кейс **пятого тематического модуля** – «Система функциональных стилей современного русского литературного языка. Официально-деловой стиль как основа профессиональной коммуникации государственных гражданских служащих», направлены на разграничение языковых средств эффективного профессионального общения и штампов канцелярита: «С сотрудниками министерства проведена разъяснительная беседа по недопущению предоставления формальных ответов и по недопущению несвоевременного рассмотрения обращения граждан» [6]; «Проведена работа с молокоперерабатывающими предприятиями, рекомендовано повышать закупочные цены на молоко» [7].

ВЫВОДЫ

Итогом двухгодичной (2016–2017 гг.) образовательно-просветительской кампании по реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского стали:

- обучение государственных гражданских служащих Министерства финансов Республики Крым, Министерства топлива и энергетики Республики Крым, Министерства сельского хозяйства Республики Крым с последующим получением ими удостоверений о повышении квалификации;

- проведение круглых столов по проблемам письменной коммуникации в официально-деловой сфере Республики Крым с представителями государственных структур;
- анализ и профилактика ошибок в документах, подготовленных крымскими госслужащими;
- онлайн-консультирование госслужащих по текущим вопросам составления и редактирования документов;
- PR-продвижение программы в крымских СМИ;
- сотрудничество научно-педагогической общественности с органами власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях высокой методической конкурентности на рынке дополнительного профессионального образования перспективы дальнейшего развития курса «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» видятся в:

- подготовке учебно-методического справочника для государственных гражданских служащих с учетом выявленных и проинтерпретированных ошибок в их письменной речи;
- разработке и запуске онлайн-курса на веб-платформе Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).
2. Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации. Культура письменной речи и правила оформления служебных документов / сост. А. Г. Шилина, О. А. Субботина. – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 50 с.

3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
4. Закон України від 03.07.2012 № 5029-VI «Про засади державної мовної політики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5029-17/page> (Дата обращения: 05.12.2017).
5. Портал Правительства Республики Крым. Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minfo.rk.gov.ru/rus/info.php?id=645089> (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).
6. Портал Правительства Республики Крым. Министерство промышленной политики Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mprom.rk.gov.ru/file/obr_grazhdan_4_kvartal_2016.pdf (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).
7. Портал Правительства Республики Крым. Министерство сельского хозяйства Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://msh.rk.gov.ru/file/informatsiya_po_rabote_s_24012017_2.pdf (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).
8. Портал Правительства Республики Крым. Министерство экономического развития Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minek.rk.gov.ru/rus/info.php?id=639455> (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).
9. Портал Правительства Республики Крым. Муниципальное образование городской округ Феодосия Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feo.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/367049.htm> (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).
10. Портал Правительства Республики Крым. Муниципальное образование городской округ Ялта Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yalta.rk.gov.ru/file/nalogovaya-yalta-070220173.pdf> (Дата обращения: 27.09.–10.10.2017).

11. Розенталь, Д. Э. Управление в русском языке: словарь-справочник [Текст] / Д. Э. Розенталь. – М.: АСТ, 1997. – 304 с.
12. Русский орфографический словарь: около 200 слов [Текст] / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой: 4-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 896 с. (Фундаментальные словари русского языка).
13. Сайт Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Дополнительные профессиональные программы. Программы повышения квалификации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eop2.cfuv.ru/dpro-prog/> (Дата обращения: 07.12.2017).
14. Самойлова, С. В. Профессиональная речь государственных служащих: ортологический подход [Текст] / С. В. Самойлова // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. – 2011. – № 2. – С. 38–43.
15. Федеральная целевая программа от 11.08.2014 № 790 «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»: в ред. постановлений Правительства Рос. Федерации от 27.12.2014 № 1589, от 15.06.2015 № 589, от 20.08.2015 № 873, от 02.03.2016 № 160, от 29.11.2016 № 1260, от 28.09.2017 № 1172 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/429> (Дата обращения: 05.12.2017).
16. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»: одобрен Гос. Думой 20 марта 2014 г., Советом Федерации 21 марта 2014 г.: в ред. Федер. Конституционного закона от 29.07.2017 № 3-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (Дата обращения: 05.12.2017).
17. Финансы. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Б. Батлер, Б. Джонсон, Г. Сидуэл; общ. ред. И. М. Осадчей. – Режим доступа: <https://lopatin.academic.ru/32501> (Дата обращения: 27.09.2017).

18. Чуковский, К. И. Живой как жизнь [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/LANG/LANG_6.HTM (Дата обращения: 27.09.2017).
19. Шилина, А. Г. Программа повышения квалификации «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» в системе дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в Республике Крым [Текст] / А. Г. Шилина, О. А. Субботина // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1 / под ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», – 2017. – С. 353–377.
20. Шляхов, В. И. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве [Электронный ресурс] / В. И. Шляхов, А. Л. Никонов. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-i-problema-ekologii-yazyka-v-rossiyskom-yazykovom-prostranstve> (Дата обращения: 12.12.2017).

**TEACHING CIVILIAN OFFICIALS
TO THE CULTURE OF WRITTEN LANGUAGE:
THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA**

Shilina A. G., Subbotina O. A.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: angela_shilina@bk.ru; subbotiny08@mail.ru

Summary. The article is focused on implementation experience of the program *Culture of Written Language and Registration Rules of Official Documents* in the system of additional professional education of civilian officials in the Republic of Crimea, and realization practice of this program in *V. I. Vernadsky Crimean Federal University*. The program consists of five thematic modules: *Modern Standard Russian and Language Culture in Civilian Officials' Communication*, *Correctness as Communicative Quality of Civilian Officials' Professional Language*, *Purity as Communicative Quality of Civilian Officials' Professional Language*, *Accuracy and Consistency as Important Communicative Qualities of Civilian Officials' Professional Language* and *Functional Styles System of Modern Standard Russian. The Official Style as the Basis of Civilian Officials' Professional Communication*. Methodological case studies are made for every thematic module, the content of that is correlated with the type of officials' activity in ministries of different branch affiliation. The two-year (2016-2017) educational campaign on implementation of additional program on professional training *Culture of Written Language and Registration Rules of Official Documents* in *V. I. Vernadsky Crimean Federal University* has allowed not only to train civilian officials the skills of business written communication, but also to outline cooperation prospects for such socially significant institutions as "Science", "Education" and "Power".

Keywords: Russian, language culture, official texts, additional professional education, additional program on professional training, civilian officials, the Republic of Crimea.

References

1. Bol'shoy Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka [Great Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).
2. Dopolnitel'naya Professional'naya Programma Povysheniya Kvalifikatsii. Kul'tura Pis'mennoi Rechi i Pravila Oformleniya Sluzhebnykh Dokumentov [Additional Program on Professional Training. Culture of Written Language and Registration Rules of Official Documents]. Simferopol, Antikva Publ., 2017. 50 p.
3. Zherebilo T. V. Slovar' Lingvisticheskikh Terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran. Piligrim Publ., 2010. 486 p.
4. Zakon Ukraini vid 03.07.2012 № 5029-VI. Pro Zasady Derzhavnoi Movnoi Politiki» [Ukrainian Law On the Principles of State Language Policy]. Available at: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/5029-17/page> (accessed: 05.12.2017).
5. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. Ministerstvo Vnutrenney Politiki, Informatsii i Svyazi Respubliki Krym [The Portal of the Republic of Crimea Government. Internal Policy, Information and Communication Ministry of the Republic of Crimea]. Available at: <http://minfo.rk.gov.ru/rus/info.php?id=645089> (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).
6. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. Ministerstvo Promyshlennoy Politiki Respubliki Krym [The Portal of the Republic of Crimea Government. Industrial Policy Ministry of the Republic of Crimea]. Available at: http://mprom.rk.gov.ru/file/obr_grazhdan_4_kvartal_2016.pdf (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).
7. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. Ministerstvo Sel'skogo Khozyaystva Respubliki Krym [The Portal of the Republic of Crimea Government. Agriculture Ministry of the Republic of Crimea]. Available at: http://msh.rk.gov.ru/file/informatsiya_po_rabote_s_24012017_2.pdf (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).

8. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. Ministerstvo Ekonomicheskogo Razvitiya Respubliki Krym [The Portal of the Republic of Crimea Government. Economic Development Ministry of the Republic of Crimea]. Available at: <http://rk.gov.ru/rus/ministries.htm> (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).
9. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. Munitsipal'noe Obrazovanie Gorodskoy Okrug Feodosiya Respubliki Krym [The Portal of the Republic of Crimea Government. Feodosiya Municipality of the Republic of Crimea]. Available at: <http://feo.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/367049.htm> (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).
10. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. Munitsipal'noe Obrazovanie Gorodskoy Okrug Yalta Respubliki Krym [The Portal of the Republic of Crimea Government. Yalta Municipality of the Republic of Crimea]. Available at: <http://yalta.rk.gov.ru/file/nalogovaya-yalta-070220173.pdf> (accessed: 27.09.2017 – 10.10.2017).
11. Rozental' D. E. Upravlenie v Russkom Yazyke: Slovar'-Spravochnik [Government in Russian Language: Referential Dictionary]. Moscow. AST Publ., 1997. 304 p.
12. Russkii Orfograficheskii Slovar': Okolo 200 Slova [Spelling Dictionary of Russian: about 200 Words]. Moscow. AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 896 p.
13. Sait Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Dopolnitel'nye Professional'nye Programmy. Programmy Povysheniya Kvalifikatsii [The website of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Additional Programs on Professional Training. The Training Programs]. Available at: <http://eop2.cfuv.ru/dpo-prog/> (accessed: 07.12.2017).
14. Samoilova S. V. Professionalnaya Rech Gosudarstvennykh Sluzhashchikh: Ortologicheskii Podkhod [Professional Language of Civilian Officials: the Orthologic Approach]. Pozhary i Chrezvychaynye Situatsii: Predotvrashchenie, Likvidatsiya. Moscow, 2011, no. 2, pp. 38–43.
15. Federal'naya Tselevyaya Programma ot 11.08.2014 № 790. Sotsial'no-Ekonomicheskoe Razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolya do 2020 goda [The Federal Target Program of Social and Economic Development of the Republic of

- Crimea and Sevastopol until 2020]. Available at: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/429> (accessed: 05.12.2017).
16. Federal'nyi Konstitutsionnyi Zakon ot 21.03.2014 № 6-FKZ. O Prinyatii v Rossiiskuyu Federatsiyu Respubliki Krym i Obrazovaniu v Sostave Rossiiskoi Federatsii Novykh Subektov – Respubliki Krym i Goroda Federal'nogo Znacheniya Sevastopolya [Federal Constitutional Law On the Republic of Crimea Acceptance to the Russian Federation and on the Formation of New Subjects – Republic of Crimea and the City of Federal Importance Sevastopol within the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (accessed: 05.12.2017).
17. Finansy. Tolkovy Slovar' [Finance. Dictionary]. Moscow. INFRAM Publ., Ves' Mir Publ., 2000. 356 p. [Электронный ресурс]. Available at: <https://lopatin.academic.ru/32501> (accessed: 27.09.2017).
18. Chukovskii K. I. Zhivoy kak Zhizn' [Live as Life]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1962. 173 p. Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/LANG/LANG_6.HTM (accessed: 27.09.2017).
19. Shilina A. G., Subbotina O. A. Programma Povysheniya Kvalifikatsii. Kultura Pismennoi Rechi I Pravila Oformleniya Sluzhebnykh Dokumentov [The Training Program Culture of Written Language and Registration Rules of Official Documents in the System of Additional Professional Education of Civilian Officials in the Republic of Crimea]. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst*. Simferopol, ARIAL Publ., 2017, pp. 353–377.
20. Shlyakhov V. I., Nikonov A. L. Ekolingvistika I Problema Ekologii Yazyka v Rossiiskom Yazykovom Prostranstve [Ecolinguistics and the Problem of Language Ecology in Russian Language Space]. *Prostranstvo i Vremya*. Moscow, 2011, no. 4 (6), pp. 138–144. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvistika-i-problema-ekologii-yazyka-v-rossiyskom-yazykovom-prostranstve> (accessed: 12.12.2017).

АВТОРЫ

Бекирова Ольга Валериевна – аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Борзенко Екатерина Олеговна – аспирант кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Демина Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Медицинской академии имени С. И. Георгиевского (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Исупова Татьяна Владиславовна – магистрант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лановая Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры филологии ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», г. Симферополь, Россия

Ларина Анна Валерьевна – доцент кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия

Лисицына Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Института педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Армянске, г. Армянск, Россия

Макарова Александра Стефановна – кандидат филологических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Машенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сибиданов Баир Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и рекламы Института филологии и массовых коммуникаций (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия

Соловьева Кристина Константиновна – обучающаяся кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Ставицкий Андрей Владимирович – доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Севастополь, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской

филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чжан Менцзя – аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шагдарова Баярма Баторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и рекламы Института филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия

Шакин Павел Владимирович – старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук Уральской государственной архитектурно-художественной академии, г. Екатеринбург, Россия

Шалина (Кустовская) Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Евпатория, Россия

Шилина Анжела Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шиманович Анна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ларина А. В.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ
РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС РАДИОАУДИТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА).....3

Сибиданов Б. Б.

КОНФЛИКТНЫЙ МЕДИАДИСКУРС (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ
БУРЯТИИ).....12

Шагдарова Б. Б.

БУРЯТСКАЯ РАДИОЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ
РЕГУЛЯРНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ (1933–1937 ГГ.).....32

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Бекирова О. В.

ДЕЯТЕЛИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
РУМЫНСКАЯ ДИАСПОРА.....48

Лановая Т. В.

РЕСПУБЛИКА КРЫМ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ЛИНГВОРЕГИОН РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ.....59

Лисицына Е. Ю.

КРЫМСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ К. М. СТАНЮКОВИЧА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА», «СВАДЕБНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ»).....77

Мащенко А. П.

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ»: ВЕРСИЯ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА.....94

Ставицкий А. В.

ЯЗЫК НАУКИ И МИФА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ
ЕДИНСТВО.....104

Чжан Менцзя

«ПИСЬМА ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА» К. М. СТАНЮКОВИЧА: СИНТЕЗ И
МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ.....119

Шалина (Кустовская) М. А., Демина Е. Г.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ «КОД» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ
В. Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ».....139

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Борзенко Е. О.

ОЖИДАЕМЕЕ, ЛЮБИМЕЕ И БОЛЕЕ РАСТУЩИЙ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ КОМПАРАТИВОВ ОТ ПРИЧАСТИЙ156

Шакин П. В.

СФЕРА ЛИЧНОГО В НОВОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМЫ «ВЫЗОВ» В ОТРАЖЕНИИ
КОРПУСНЫХ ДАННЫХ.....180

Шиманович А. Н., Исупова Т. В.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ
СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....196

**СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Богданович Г. Ю.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ
ЦЕННОСТИ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННОГО
СОЦИУМА.....204

Макарова А. С.

СОВРЕМЕННАЯ КРЫЛАТОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО
АППАРАТА.....223

Петренко Д. А., Соловьева К. К.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ФАКТОРОВ В ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУРАХ.....243

Шилина А. Г., Субботина О. А.

ОБУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КУЛЬТУРЕ
ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....255

АВТОРЫ.....273